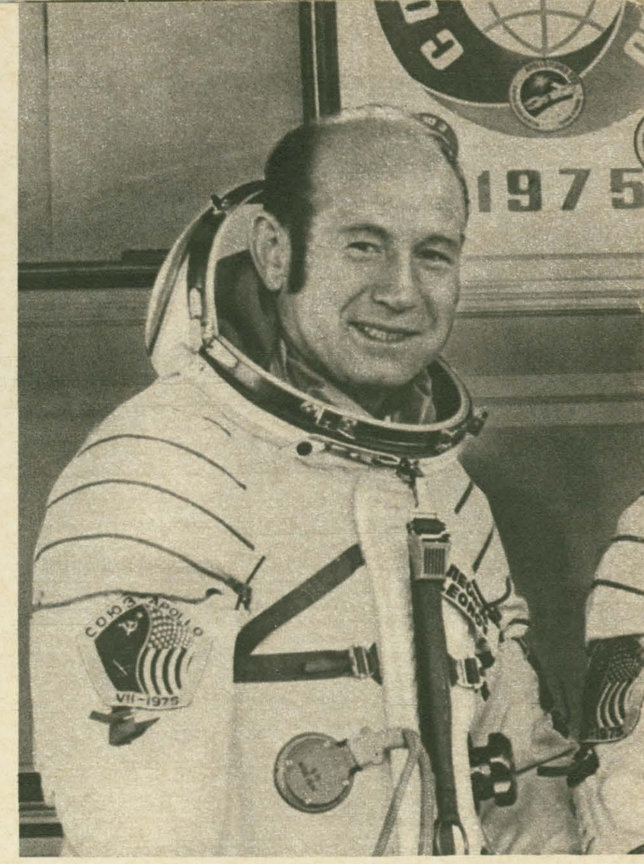
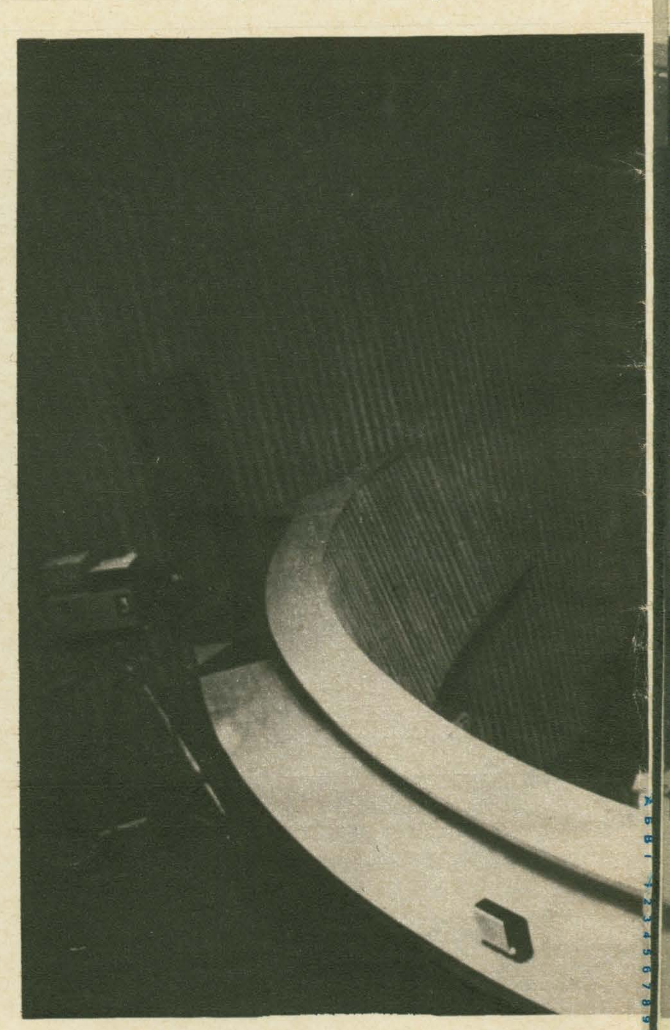
СССР
ПАСПОРТ
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 29 ИЮЛЬ 1975

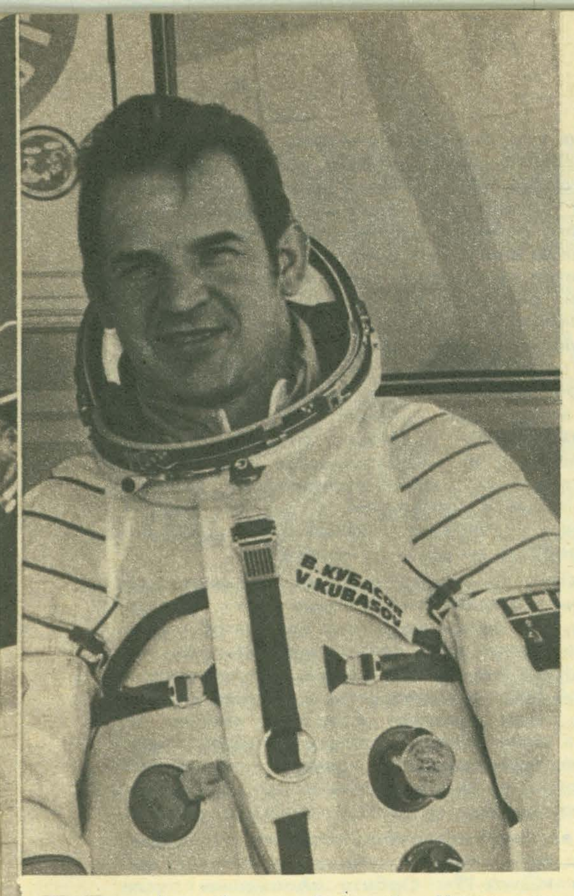


Первый экипаж космического корабля «Союз», участвующий в совместной программе «Союз» — «Аполлон», — Алексей Архипович



Во время совместных заключительных тренировок. Фото Н. Акимова и А. Пушкарева (ТАСС).

„СОЮЗ" И „АПОЛЛ



Леонов (слева) и Валерий Николаевич Кубасов.

Фото А. Пушкарева (ТАСС).

Американские астронавты, участвующие в совместной программе «Союз» — «Аполлон»: Дональд Слейтон, Томас Стаффорд и Вэнс Бранд.

Телефото АП — ТАСС.

Главный зал советского Центра управления полетом. Фото Н. Акимова и А. Пушкарева (ТАСС).

ОН“ В КОСМОСЕ

Валерий ПОЛЯНСКИЙ,
научный сотрудник

Репортаж из советского Центра управления полетом

15 июля руководители Коммунистической партии и Советского государства по прямой телевизионной связи наблюдали запуск с космодрома Байконур советского космического корабля «Союз-19», выведенного на орбиту для осуществления стыковки и совместного полета с американским космическим кораблем «Аполлон».

Перед стартом командир корабля «Союз-19» Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР А. А. Леонов и бортинженер Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР В. Н. Кубасов доложили Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу о полной готовности экипажа корабля к выполнению поставленной задачи по совместному полету.

Товарищ Л. И. Брежнев пожелал экипажу советского космического корабля «Союз-19» товарищам А. А. Леонову и В. Н. Кубасову счастливого полета, успешного выполнения задания и благополучного возвращения на Родину.

Л. И. Брежнев желает также успешного полета американскому космическому кораблю «Аполлон» и его экипажу Томасу Стаффорду, Вэнсу Бранду и Дональду Слейтону.

Советские руководители выражают надежду, что совместный полет пройдет успешно и продемонстрирует, какие возможности открывает совместное сотрудничество в научных исследованиях космического пространства.

●

Президент США Дж. Форд обратился с посланием к экипажам космических кораблей «Союз» и «Аполлон», в котором подчеркивается, что никогда ранее представители двух стран не жили и не работали в космосе совместно. Это является историческим событием. (ТАСС).

Долгожданный день запуска космических кораблей «Союз» и «Аполлон» на орбиту встречи наступил. Сегодня здесь, в подмосковном Центре управления полетом, наглядно чувствуешь размах этого выдающегося космического эксперимента, предпринятого двумя государствами.

Только что состоялся старт с космодрома Байконур советского корабля «Союз-19». Минуту назад летчики-космонавты СССР Алексей Леонов и Валерий Кубасов сообщили в Центр управления об отделении корабля от последней ступени ракеты-носителя. Еще несколько сообщений с борта корабля, ставшего спутником Земли, и он уходит за пределы радиовидимости наших дальневосточных станций слежения. Круглый красный «зайчик» на многоцветной карте мира, что высвечена на большом экране главного зала, отправился в недельное путешествие по синусоиде орбиты.

С другой стороны Атлантики, на стартовой площадке Космического центра имени Кеннеди, последние семь часов проводит на Земле американский корабль «Аполлон». Вскоре и второй, синий «зайчик» — его экранный символ — пустится вдогонку за первым по плавному зигзагу орбиты.

Глядя на карту мира, кажется, что все части света участвуют в международном космическом эксперименте. Круги и овалы станций слежения за космическими кораблями разбросаны равномерно по всей карте. Мадрид и Евпатория в Европе, Улан-Удэ и Уссурийск в Азии, Оррорал в Австралии, Голдстоун и Кито в Америке, Тананариве на острове Мадагаскар. Впору открывать космический клуб кинопутешествий, добавив к перечисленному находящийся в Тихом океане корабль слежения «Авангард» и в Атлантике корабли «Академик Сергей Королев» и «Космонавт Юрий Гагарин».

Все средства современной связной техники используются в целях успешного выполнения полета: двадцать одна наземная станция слежения, три морских корабля, три специальных самолета, искусственные спутники — американский АТС-6 и советский спутник «Молния-2».

Пока корабль «Союз-19» летит над южным полушарием, мысленно вернемся к самому началу первого в истории совместного космического полета. Дата его была назначена еще в октябре 1972 года. В то время многим, мало сведущим в сложнейших научных, технических и организационных проблемах реализации этого замысла, казалось, что трехлетний срок подготовки к полету неоправданно велик — ведь в обеих странах есть космические корабли и много опытных космонавтов. Космическим же специалистам, ясно представлявшим себе все принципиальные и практические вопросы, срок не казался большим: им пришлось начинать работу с составления жесткого графика совместных действий. «Три года назад,— сказал недавно Юджин Сернан, один из ветеранов-астронавтов, руководивший подготовкой американских экипажей,— мы еще не знали, что сможем решить все эти технические проблемы, разработать систему и найти методы совместной работы в технической области. Но сейчас нам заранее известно, что полет пройдет успешно».

Гуманные цели программы «Союз» — «Аполлон» потребовали создания таких технических средств, которые позволят космическим кораблям разных стран находить в случае необходимости друг друга в пространстве, осуществлять стыковку и взаимные переходы экипажей. Но не только проблемы чисто технического плана пришлось решить специалистам двух стран при подготовке полета. Неоднократно страницы «Огонька» рассказывали о совместных тренировках космонавтов и астронавтов в Звездном городке под Москвой и в Хьюстоне, тщательном изучении кораблей, технической документации и языка друг друга. В одном из репортажей подробно описывался Космический центр имени Джонсона, расположенный вблизи Хьюстона.

Сегодня, 15 июля, мы ведем репортаж из подмосковного Центра управления. Светлое, из стекла и бетона основное здание его выглядит весьма внушительно. Особенно красив корпус ночью, когда сплошные ряды светящихся окон придают ему сходство с океанским лайнером, готовящимся к отплытию.

Иду в главный зал — сердце всего комплекса. Во всю его ширину — пять рядов пультов с телевизионными экранами, клавишными коммутаторами переключения каналов, переговорными устройствами. Одни из телеэкранов привычного размера, другие — вертикальные, как страницы книги. Почти на всех рабочих местах, несмотря на перерыв, сидят специалисты. Каждый из них занят или анализом информации, полученной на первом витке, или готовится к следующему сеансу связи. Таблички над пультами помогают понять, «кто есть кто» в этом многочисленном коллективе. Вот, например, весь второй ряд занимают ответственные за анализ работы бортовых систем корабля: обеспечения жизнедеятельности космонавтов, энергопитания, терморегулирования, системы ориентации и управления. В третьем ряду — сменный руководитель полета и его помощники, оператор по связи с экипажем.

Достаточно посмотреть на проекционные экраны и алфавитно-цифровые табло, занимающие всю переднюю стену зала, чтобы установить — корабль в данный момент летит над южной частью Тихого океана. Там, на околоземной орбите, космонавты А. Леонов и В. Кубасов ведут проверку бортовых систем. До сеанса связи с ними осталось тридцать минут, но нажатием клавиш на пультовом коммутаторе можно на своем экране и сейчас получить любую детальную информацию о полете.

Но вот на левом табло высвечиваются параметры эллиптической орбиты, на которую выведен «Союз-19». Орбита «Аполлона» после его выведения будет также эллиптической, но с гораздо меньшей высотой. Встреча же кораблей должна происходить на круговой орбите с высотой 225 километров.

Рядом с рабочим местом баллистиков в переднем ряду стоит молодой ученый. Это доктор технических наук Николай Михайлович Иванов, один из ведущих ученых Центра по баллистическим расчетам. Я прошу его рассказать о том, как будет обеспечена стыковка.

— Совместному полету предшествовал большой труд наших и американских баллистиков,— рассказывает Николай Михайлович.— Прежде всего мы совместно разработали математическое обеспечение полета, согласовали методы расчетов и ряд понятий. В результате в основу расчетов положены единые модели гравитационного поля и атмосферы Земли, единая система координат. Для обеспечения встречи с «Аполлоном» корабль «Союз-19» после маневрирования выйдет на монтажную орбиту.

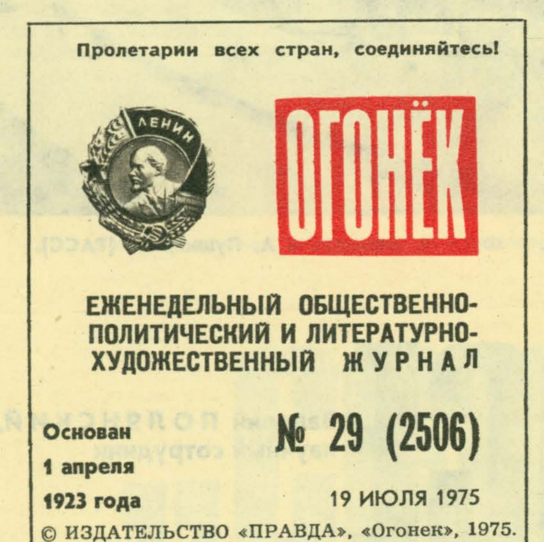
Поднимаюсь лифтом на пятый этаж. Здесь, в царстве математиков и электронщиков, размещаются две электронно-вычислительные машины БЭСМ-6. На них со станций слежения поступает траекторная и телеметрическая информация. Постоянно наготове еще две машины того же типа. В информационно-вычислительный комплекс Центра входят и другие специализированные вычислительные средства. Быстрота расчетов — несколько миллионов операций в секунду. Результаты работы электронной мысли в виде таблиц, сообщений, графиков поступают на проекционные экраны, цифровые табло, телевизоры на рабочих местах специалистов Центра.

Табло московского времени подсказывает мне, что пора вернуться в главный зал: скоро сеанс связи с кораблем «Союз». По циркуляру громкой связи специалисты уже доложили сменному руководителю полета о готовности групп к сеансу.

Через пять минут «Союз», минуя Северную Африку и Средиземное море, войдет в зону станции слежения «Евпатория». В зале тишина, лишь за крайним пультом в последнем ряду один из специалистов-комментаторов говорит что-то приглушенным ровным голосом в миниатюрный микрофон: «...Советский Центр управления полетом. Космический корабль «Союз-19» совершает второй виток вокруг Земли...»

В эти часы внимание всего мира приковано к совместному советско-американскому полету: только что разошлась по земному шару весть о запуске «Союза».

Журналисты сконцентрировались двумя многочисленными армиями в созданных на этот период пресс-центрах, в Москве и Хьюстоне. Из московского пресс-центра освещают полет свыше четырехсот иностранных журналистов, почти три десятка зарубежных телекомпаний



ведут передачи из Останкина. Каждый из пресс-центров службы информации непрерывно передает сведения о ходе подготовки и проведения полета, транслируются телевизионные передачи с космодромов и из Центров управления.

Рассказ о действиях советской стороны во время полета ведется прямо из зала управления. Круг связанных с полетом вопросов широк: стыковка и переходы космонавтов, научные и технологические эксперименты, медико-биологические исследования.

«Союз, Союз, я — Москва. На связь. Как слышите меня?» — идет первый позывной с Земли. Сеанс связи начался.

На месте оператора по связи с экипажем — космонавт Владимир Джанибеков. Вместе с А. Леоновым и В. Кубасовым он готовился к полету как командир третьего экипажа. И не случайно они понимают друг друга с полуслова.

Алексей Леонов сообщает из космоса, что они с бортинженером проверили все системы корабля, сняли скафандры. Скоро корабль совершит первый маневр для выхода на монтажную орбиту, поэтому на втором витке экипаж будет проверять систему ориентации.

Сеанс связи закончен, Владимир Джанибеков, оставив на пульте наушники с микрофоном, подходит к месту комментаторов. Я прошу его сказать несколько слов о полете.

— Для всех нас, присутствующих здесь, день сегодня волнующий,— говорит В. А. Джанибеков.— Начавшийся полет венчает многолетний труд конструкторов, ученых и космонавтов. После всех тренировок, что мы провели на Земле, работается легко, все идет по программе. Уверен, что она будет успешно выполнена.

Каждым из кораблей управляет свой Центр — так было определено сразу. Но такие операции, как стыковка, переходы, непременно обязывают Центр согласовывать свои действия. В зале управления рядом с местом руководителя полетом стоит стол и на нем несколько красных телефонных аппаратов. Это прямая связь с Хьюстоном.

Руководители полета А. С. Елисеев и Пит Франк обмениваются сообщениями.

Позади четыре часа полета «Союза». В американский Центр по телефону и телетайпу передается информация о состоянии корабля, баллистические данные по третьему витку. В это же время в советский Центр сообщают о подготовке к старту «Аполлона». С космодрома имени Кеннеди ведется телевизионный репортаж.

На экранах видно, как приезжают на стартовую площадку американские астронавты, поднимаются в лифте к самому верху «Сатурна» и входят в корабль. Вот они уже на своих местах в командном модуле. Закрывается крышка люка... Начавшийся полет кораблей «Союз» и «Аполлон» — верный залог будущего освоения космоса совместными усилиями многих стран и народов. Оценивая общечеловеческое значение полета «Союза» и «Аполлона», советский академик Б. Н. Петров сказал, что «...взаимоотношения, сложившиеся в ходе осуществления проекта «Союз» — «Аполлон»... принесут не только реальные научные результаты. Они помогут народам лучше понимать друг друга, а значит, укрепить дело мира на Земле».

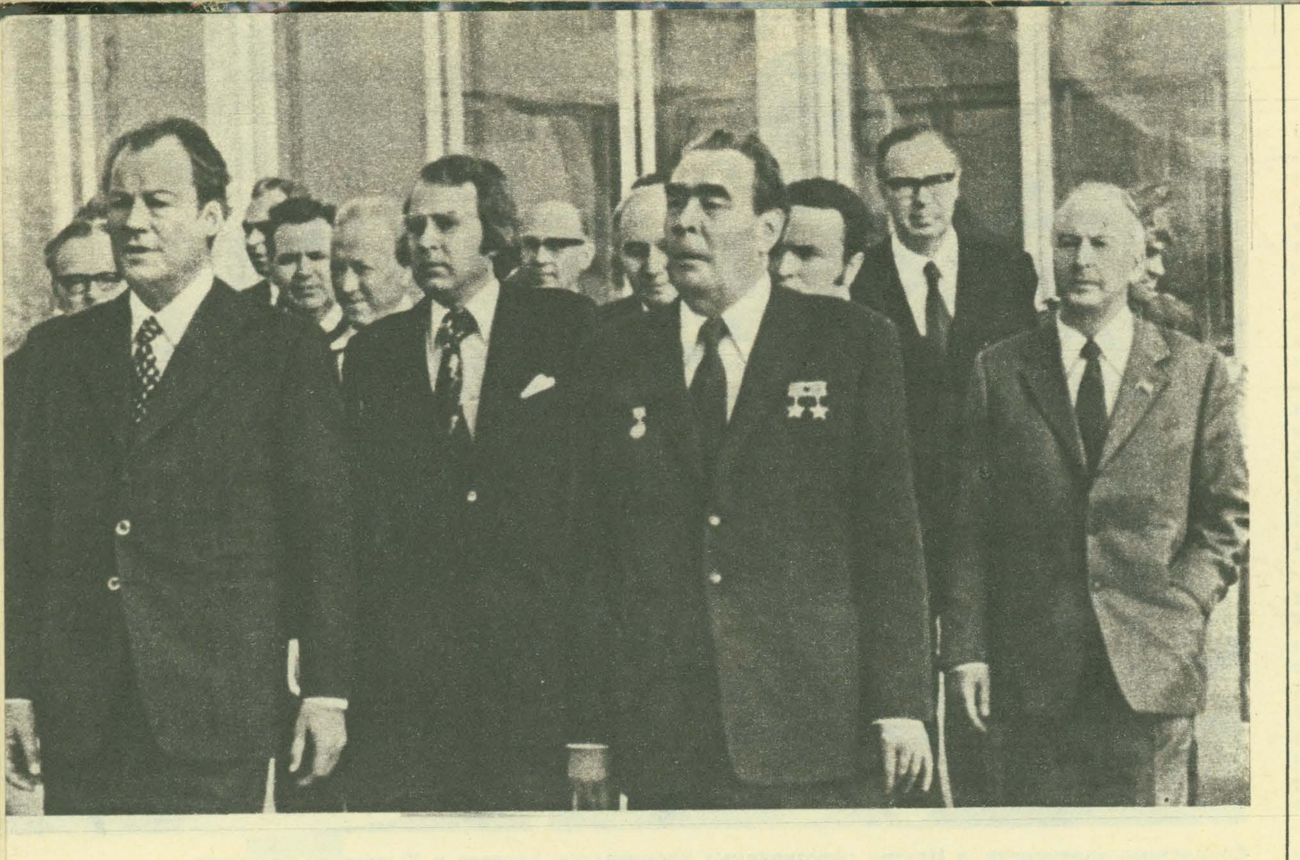
...В Подмосковье глубокая ночь. После первого, самого трудного дня полета экипаж «Союза» отдыхает. Чуть спокойнее стало в Центре управления, но живет он в том же ритме. Уже вторая смена ведет управление. Красный «зайчик» на карте мира скользит в эти часы с территории нашей страны. Но корабли слежения «Космонавт Юрий Гагарин» и «Академик Сергей Королев» принимают с борта телеметрическую информацию и через спутник «Молния-2» передают ее в Центр.

А в это время на станции «Салют-4» у советского экипажа космонавтов Петра Климука и Виталия Севастьянова идет пятьдесят третий рабочий день. Вот уже восьмую неделю они ведут с борта станции исследования Земли, Солнца, звезд...

Три пилотируемых аппарата находятся сейчас на околоземной орбите, четыре советских и три американских космонавта несут вахту в космосе. Во имя науки. Во имя человечества.

Совместные тренировки в Центре пилотируемых космических полетов в Хьюстоне. Советские космонавты А. Леонов и В. Кубасов и американские астронавты Д. Слейтон и Т. Стаффорд.
Фото НАСА — ТАСС.

Байконур 9 июля. Подготовка корабля «Союз» в монтажно-испытательном корпусе.
Телефото А. Пушкарева (ТАСС).



9 июля Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев имел беседу с председателем социал-демократической партии Германии Вилли Брандтом.

В ходе обмена мнениями Л. И. Брежнев и В. Брандт подчеркнули важность дальнейших позитивных сдвигов в различных областях отношений между СССР и ФРГ. Они отметили, что достижению этих сдвигов служат усилия КПСС и СДПГ, правительств обеих стран.

В тот же день председатель СДПГ В. Брандт с супругой отбыли из Москвы. На Внуковском аэродроме В. Брандта провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

Фото А. Гостева.

●

15 июля в Колонном зале Дома союзов в Москве начал работу международный научный симпозиум, посвященный роли ученых и их организаций в борьбе за разоружение. Он проводится Всемирной федерацией научных работников, ВЦСПС и профсоюзом научных работников СССР, Советским комитетом Всемирного конгресса миролюбивых сил и Академией наук СССР.

Тема симпозиума вызвала огромный интерес среди научной общественности мира. Для участия в его работе в советскую столицу прибыли ученые и научные работники из 60 стран всех континентов, в том числе представители 17 международных организаций, выступающих за конструктивное решение проблем разоружения. В зале — лауреаты международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», Нобелевской премии, академики, ученые крупнейших университетов Европы, Азии, Африки и Америки.

«...Московский симпозиум,— сказал, открывая встречу, вице-президент Всемирной федерации научных работников академик И. И. Артоболевский,— открывается в ответственный исторический момент борьбы за мир и обуздания гонки вооружений. Глубокие позитивные сдвиги в мировой обстановке, развивающийся процесс разрядки международной напряженности, уже осуществленные реальные меры по ограничению гонки вооружений создают условия для эффективной борьбы за ее сдерживание, а в перспективе и прекращение, продвижения к конечной цели — всеобщему и полному разоружению».

С огромным воодушевлением встретили участники симпозиума послание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, которое зачитал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. Под сводами Колонного зала долго не смолкали аплодисменты.

А. ГРЕЧУХИН

На снимках: кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев зачитывает текст послания Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева участникам симпозиума. ◆ На пленарном заседании в Колонном зале Дома союзов.

Фото А. Бочинина.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 15 ИЮЛЯ

15 июля в Москве, в Большом Кремлевском дворце начала работу первая сессия Верховного Совета Российской Федерации нового, девятого созыва. Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя встретили депутаты появление товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, Б. Н. Пономарева, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова.

Сессию открыл один из старейших депутатов Верховного Совета Российской Федерации — ректор МВТУ имени Н. Э. Баумана, член-корреспондент АН СССР Г. А. Николаев.

По поручению Совета Старейшин депутат Ю. Ф. Соловьев предложил вновь избрать Председателем Верховного Совета РСФСР академика В. А. Котельникова. Это предложение было принято единогласно.

Утверждены регламент сессии и повестка дня.

Затем было оглашено заявление Совета Министров РСФСР о том, что в соответствии с Конституцией РСФСР и в связи с тем, что на рассмотрение Верховного Совета РСФСР поставлен вопрос об образовании правительства республики, Совет Министров Российской Федерации считает свои обязанности исчерпанными и слагает полномочия перед Верховным Советом РСФСР.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС депутату М. А. Суслову.

По поручению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, сказал он, вношу предложение принять заявление Председателя Совета Министров РСФСР о сложении правительством Российской Советской Федеративной Социалистической Республики своих полномочий перед Верховным Советом и одобрить деятельность Совета Министров республики.

Центральный Комитет поручил мне внести на ваше рассмотрение предложение, поддержанное партийной группой и Советом Старейшин Верховного Совета республики, вновь назначить Председателем Совета Министров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики депутата товарища Соломенцева Михаила Сергеевича.

Депутаты единогласно приняли постановление, в котором одобряется деятельность Совета Министров РСФСР. Этим постановлением Председателем Совета Министров РСФСР вновь назначен М. С. Соломенцев. Ему поручено представить Верховному Совету РСФСР предложение о составе правительства РСФСР.

Слово было предоставлено члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС депутату А. П. Кириленко. По поручению ЦК КПСС он внес предложение, поддержанное партийной группой и Советом Старейшин Верховного Совета РСФСР, вновь избрать Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР депутата М. А. Яснова. Сессия приняла постановление Верховного Совета РСФСР «Об избрании Президиума Верховного Совета РСФСР». Этим постановлением Председателем Президиума Верховного Совета Российской Федерации избран Михаил Алексеевич Яснов.

В тот же день сессия закончила свою работу.

Фото А. ГОСТЕВА.

ВРУЧЕНИЕ ПРЕМИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА М. А. ШОЛОХОВУ

Президиум Всемирного Совета Мира на своей сессии, состоявшейся в мае с. г. в Стокгольме, присудил Международную премию мира в области культуры известному советскому писателю, видному деятелю Всемирного движения сторонников мира, члену Советского комитета защиты мира М. А. Шолохову за выдающийся вклад в укрепление мира и дружбы между народами.

Находившийся в Москве генеральный секретарь ВСМ Ромеш Чандра вручил М. А. Шолохову эту высокую награду. Он подчеркнул при этом, что участники Стокгольмской сессии ВСМ приняли это решение с большим воодушевлением.

«Хорошо известно,— сказал Р. Чандра,— какой большой вклад внесли Вы, Михаил Александрович, в расширение культурного сотрудничества между народами. Вы — один из участников Вроцлавского конгресса деятелей культуры в защиту мира, были у истоков движения сторонников мира, многое сделали для объединения деятелей культуры, выступающих за мир.

Ваши выдающиеся произведения, страстные выступления в защиту мира, против угрозы новой войны снискали Вам глубокое уважение миллионов людей на всех континентах».

В заключение Ромеш Чандра пожелал М. А. Шолохову новых творческих свершений, доброго здоровья, сил и энергии, новых больших успехов в благородной деятельности на благо мира.

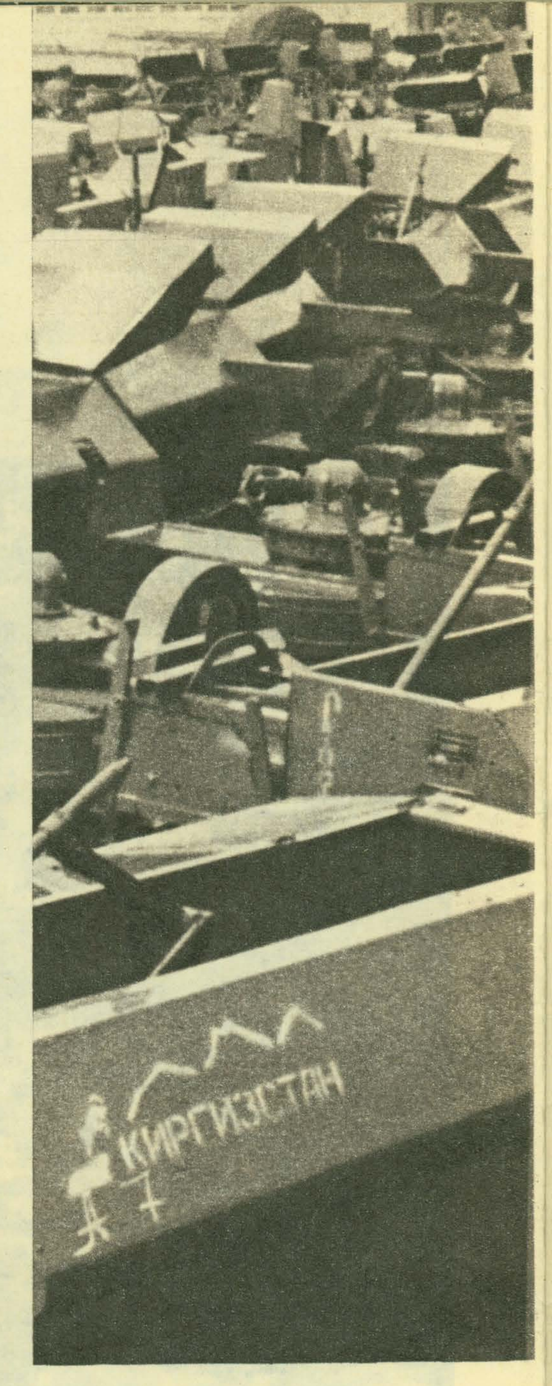
М. А. Шолохов горячо поблагодарил за высокую награду и попросил передать Всемирному Совету Мира сердечную благодарность за оказанную ему честь.

«Эта почетная награда Всемирного Совета Мира,— сказал М. А. Шолохов,— ко многому обязывает меня как писателя и участника движения сторонников мира. Я так понимаю, что от нас, писателей, от всех деятелей культуры требуется в нынешнее время еще многое сделать, чтобы помочь обеспечить прочный мир на земле и навсегда покончить с опасностью возникновения войны. Что касается меня, то я не пожалею для этого всех своих сил».

М. А. Шолохова поздравили с высокой наградой писатель, главный редактор журнала «Огонек» А. В. Софронов, заместитель председателя Советского комитета защиты мира О. С. Хархардин и ответственный секретарь комитета М. И. Котов. [ТАСС].

Фото А. Награльяна.

Герой Социалистического Труда сварщик Усенбек Макишев.



Для колхозов и совхозов..

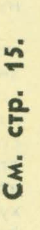
КОСАРИ—БОГА

от съезда к съезду

ТЫРИ

«В КИРГИЗСКОЙ ССР... Увеличить производство сельскохозяйственных машин в 1,7 раза... Реконструировать завод сельскохозяйственного машиностроения».

Из Директив XXIV съезда КПСС



АМБАРНЫЙ ВЕС

Напряжение на полях страны возрастает с каждым часом. Фронт уборки хлебов поднялся еще севернее, грохочет в центральных районах. Горячее, нелегкое время не зря называют страдой. У нынешнего года свои неповторимые особенности, которые хороший хозяин, конечно же, учитывает, применяясь к ним сам и приспосабливая машины, технику к условиям года. Хлебостой, такой могучий на глаз, дает нынче меньший намолот, чем ожидалось; местами хлеба повалены и ветрами и градом. Вот почему борьба идет за амбарный вес, вот почему совесть хлебороба не велит расхваливать «виды на урожай», а требует считать лишь то зерно, которое уже в бункере комбайна, которое уже прошло через весы и засыпано в элеваторы. Уборочные отряды и звенья хорошо взаимодействуют в хлебной степи Северного Кавказа, Дона, Кубани, Украины. Сотни из них управились с косовицей хлебов за десять календарных дней! Только одна десятидневка потребовалась, например, хлеборобам Слободзейского района, Молдавской ССР, чтобы убрать зерновые на всей площади. Восемь уборочных отрядов действуют и в Суворовском районе Молдавии, четкая организация труда сказалась и здесь на сборе зерна — потерь нет. Так же действует армия механизаторов, шоферов, механиков во всех районах, где валят, подбирают и обмолачивают зерновые и зернобобовые культуры. Жатва закончилась!—рапортуют передовики южных районов. Жатва продолжается! — сообщают «молнии» с уборочного фронта все новых и новых областей. О доблести мастеров свидетельствует амбарный вес — подлинный критерий хлеборобского труда.

Н. БЫКОВ

Отличный намолот в комплексных отрядах молдавского аграрно-промышленного объединения «Зернопром». Фото В. Чайковского (ТАСС).

СТРАНСТВИЯ АЛЬБЕРА МАРКЕ

Андрей ЧЕГОДАЕВ,
доктор искусствоведения

Альбер Марке, замечательный французский художник, очень много путешествовал. Странствия по белу свету были его страстью. Любимые им морские, или, вернее, приморские, пейзажи он писал не только на родине, на берегах Ламанша, Бискайского залива и Средиземного моря, но и в Норвегии, на Балтийском море, в Гамбурге, в Венеции, в Неаполе, в Алжире, Египте. Странствия привели его и в Москву: это было сорок лет назад, в середине тридцатых годов; мне выпала тогда честь водить его по залам картинной галереи Музея изобразительных искусств (тогда еще не носившего имени великого поэта), и я мог разглядеть и оценить облик и характер этого необыкновенного человека. Ему было тогда шестьдесят лет — он родился в 1875 году, сто лет назад. Марке был небольшого роста, худой, с коротко остриженной головой и с обвисшими усами, в очках, очень тихий и молчаливый; его можно было принять за провинциального учителя, за почтового чиновника, за кассира в банке — за кого угодно, но не за всемирно знаменитого художника, к тому времени ставшего признанным всеми классиками французского искусства. Взгляд его был острым и проницательным, а немногословные суждения — умными, верными и неожиданными. Я помню, с каким восхищением он вдруг остановился перед двумя легкими, свободными, виртуозными эскизами Франсуа Буше, художника, казалось бы, не имевшего ничего общего с искусством самого Альбера Марке. Но он оценил их свободную, непринужденную меткость, которую Буше тщательно заделывал и записывал в своих на академический лад законченных картинах. Простота, скромность и застенчивость делали Марке никак не похожим на преуспевающего модного мэтра — напротив, они только особенно подчеркивали его тонкую и изящную, чисто французскую духовную культуру, не сверкающую и не переливающуюся яркими красками, а удивительно сдержанную и спокойную, как и все его искусство.

Это спокойствие, естественная, далекая от каких-либо поз убежденность в своих выношенных за долгую жизнь принципах, в верности и значительности раз избранного пути поражали воображение больше всего потому, что были в слишком большом контрасте с обычными для французского искусства двадцатого века напряженностью и резкостью, даже нервозностью, а иногда и неуравновешенностью художественных исканий и опытов, успешных или неудачных, с общей обстановкой порывистого, стремительного и безмерно противоречивого художественного развития, высоко поднявшего многие подлинные таланты, но многих и сломавшего. Марке словно не замечал никаких бурь и волнений в окружавшей его художественной жизни, пройдя весь свой полувековой творческий путь — от первых работ, сделанных на самом исходе девятнадцатого века, и до последней картины, написанной в 1947 году,— с таким никому и ничему не подвластным достоинством и с такой медлительной, не откликающейся ни на какие внешние воздействия целеустремленностью, как будто он жил не в беспокойном, нередко более чем драматическом двадцатом веке, а в каком-то идиллическом золотом веке, специально предназначенном для полного душевного мира творцов-художников.

В этом убежденном и спокойном творчестве Альбера Марке не было ни малейших намеков на душевную вялость и невосприимчивость к горестям и волнениям подлунного мира. Я думаю, что неизменно сохранять спокойную уверенность и твердую, убежденную выдержку в кипящем водовороте художественной действительности двадцатого века было не пассивностью, а великим подвигом, который может вызывать лишь самое глубокое уважение.

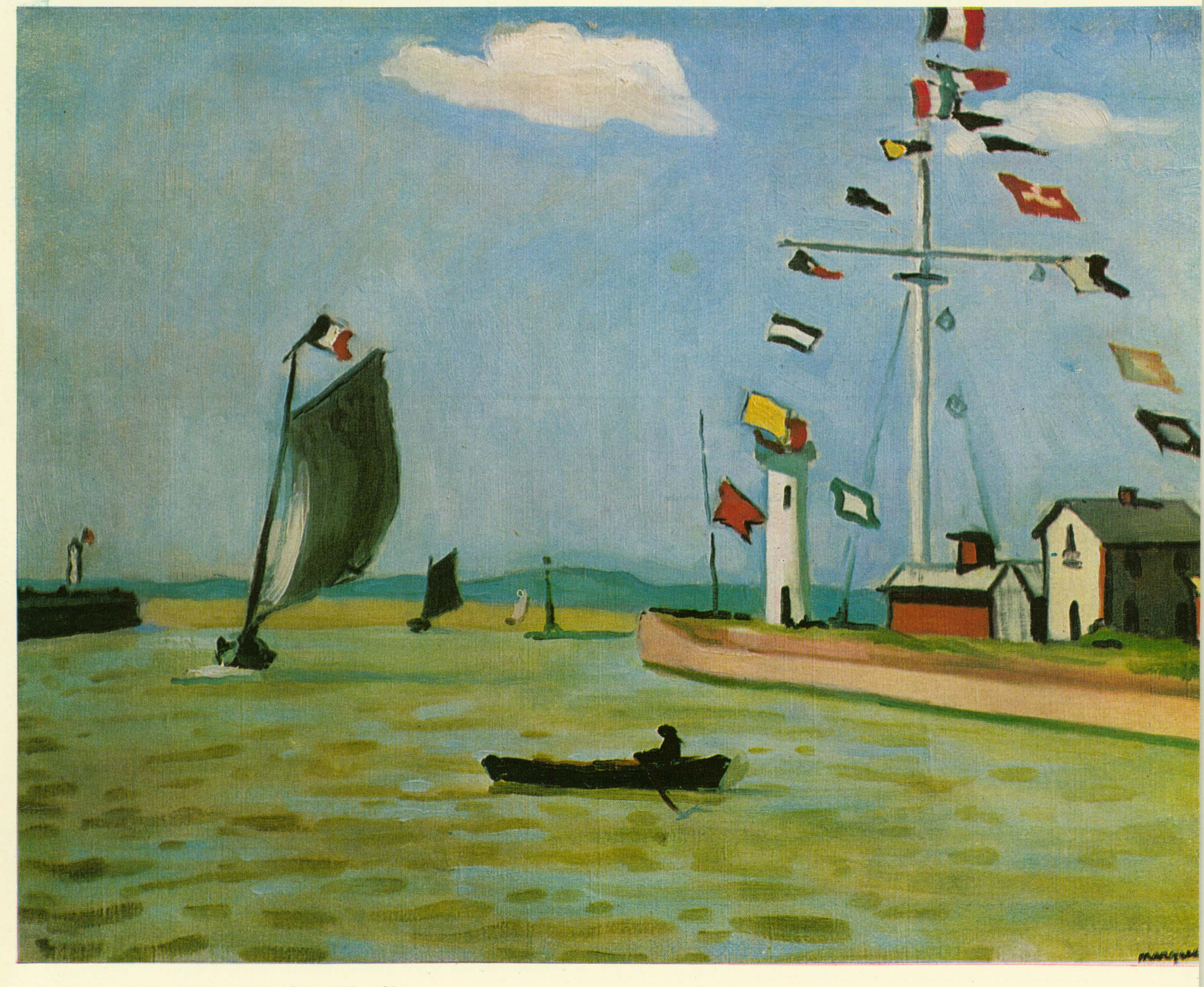
В каждом веке, в каждой эпохе бывают такие художники, которые словно конденсируют в своем душевном мире и в своем творчестве позитивную, утверждающую веру человечества в свое доброе предназначение, хотя бы со стороны эта вера и казалась слишком уж простосердечной, странно наивной. Таким художником был Пьеро делла Франческа в эпоху раннего Возрождения, таким был Шарден в «век Просвещения» или Аристид Майоль в наш, двадцатый век. Ничто не нарушало их огромной душевной наполненности и целостности. И хотя иные, вероятно, вольно или невольно предпочтут Микеланджело Рафаэлю или Рембрандта Рубенсу, так как ненасытность и напряженность и даже неистовство исканий и опытов как будто бы всегда ближе душе и понятнее уму всякого настоящего творческого человека, все же легче искать, находить и ошибаться, когда есть кто-то, кто твердо знает, что хорошо и что плохо, кто держит в руках надежный компас, выводящий из всех ураганов и штормов.

Франция видела, хотя бы за последние три века своей истории, много великих художников-искателей, смелых новаторов, неустанно и постоянно открывавших все новые и новые дали, дерзко опрокидывавших наперекор окружающему недоумению, непониманию, неприязни установившиеся понятия, привычную рутину, омертвевшие штампы, ради не только новых, но прежде всего необходимых, глубоких, живых, плодоносных художественных свершений. Такими художниками в свое время были Антуан Ватто и Луи Давид, Теодор Жерико и Оноре Домье, Эдуард Манэ и Винсент Ван-Гог и многие другие великие мастера, навсегда оставшиеся такими же новыми, неожиданными, будоражащими душу и пленяющими ум и сердце, какими они были при своем появлении. И словно уравновешивая их неизменную неудовлетворенность и непрестанные искания и даже резкие колебания и повороты от одной крайности в прямо противоположную,— тут же рядом работали художники совсем иного склада и темперамента, со столь же упорной, но совсем иной творческой целеустремленностью.

Так, например, Антуан Ватто всю жизнь был недоволен найденным, всю жизнь тосковал о недостижимой романтической утопии, исполненной самыми высокими и благородными человеческими мечтами и стремлениями, но попутно — словно нечаянно — открыл и поэтическую прелесть самой обыкновенной и повседневной реальной действительности своего времени — в своем «Бивуаке» или в своей «Вывеске Жерсена», открыл заново великую ценность глубокой и сложной душевной жизни, казалось бы, прочно забытую в блистательный, но опустошенный «век короля-солнца», Людовика XIV. Вслед за Ватто явился Шарден, прекрасно усвоивший уроки «Вывески Жерсена» своего великого предшественника, но строго и навсегда ограничивший рамки своего собственного искусства: ему ничего не было нужно, кроме самых простых и бесхитростных сцен спокойной домашней жизни, кроме простых кувшинов, стаканов, яблок или рисовальных принадлежностей, расставленных и разложенных на его столе. Всю свою жизнь Шарден извлекал бесконечные поэтические и художественные сокровища из этой как будто бы скудной и прозаической реальности, переплавляя невзрачную и ничем не примечательную поверхность глины или стекла в волшебную, сияющую материю, подвластную одному только взгляду художника. В девятнадцатом веке не только современниками, но и друзьями были бурный и пламенный Домье и тихий, мирный, созерцательный Коро, словно и не слыхавший никогда ни о каких мятежах и бурях.

Марке на свой лад унаследовал эту «тихую» линию художественной преемственности, идущую от таких мастеров, как Шарден или Коро. В беспокойном и противоречивом двадцатом веке было особенно много причин для напряженных и ненасытных творческих исканий, небывало дерзких опытов, для желаний во всей глубине постигнуть и раскрыть великую драматическую и патетическую сложность своего времени или, наоборот, совсем уйти и спрятаться от нее в сфере чистого вымысла, целиком отрешенного от жизни воображения. Но с той же, видимо, необходимой закономерностью творческая энергия двадцатого века выливалась не только в гремящие и все сметающие на своем пути потоки, но и в мерное, спокойное, свободное от всяких бурь течение, с прозрачной до дна глубиной, с полными мира и тишины берегами. Должно быть, без такого искусства, никуда не уходящего от жизни, но убежденно спокойного, нельзя обойтись человечеству. Такими мастерами во Франции двадцатого века, безусловно, стали два наиболее целостных и далеких от каких-либо внутренних противоречий художника — в скульптуре Аристид Майоль, в живописи — Альбер Марке.

Этим определяется очень важное место Марке в истории французского искусства нашего века. У него было мало сходства с неистовым Пабло Пикассо, с безудержно и покоряюще дерзким Анри Матиссом, с глубоко трагическим Жоржем Руо. Однако с Матиссом и Руо Марке учился у одного учителя — романтического мечтателя и фантаста Гюстава Моро, который в ранний и лучший период своего творчества был близок к старому Делакруа и к Теодору Шассерио, а некоторыми чертами своей печальной, тревожной, щемящей мечтательности и сказочности напоминал Врубеля. В поздние годы искусство Моро стало гораздо более головным, холодным, манерным, полностью ушедшим в



А. Марке. 1875—1947. ПОРТ ГОНФЛЕР. 1911.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

А. Марке. ВЕЗУВИЙ. 1909.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

отвлеченное и вычурное воображение, и он стал похож уже не на тонких, живых и человечных Врубеля и Шассерио, а на надуманных, мертвых и претенциозных английских прерафаэлитов. Однако именно в поздние годы он оказался отличным педагогом, сумевшим воспитать и наставить на верный путь таких трех разных, но равно замечательных художников, как Матисс, Руо и Марке.

Внешне ничем не похожий на этих своих товарищей, Марке был так же смел и последователен в утверждении своего собственного нового пути в искусстве, так же привержен к лаконичности, точной зоркости видения мира, так же охвачен стремлением к обобщению самого существенного, важного и характерного в том, что представало перед его глазами и словно конденсировалось в его мысленном взоре. Как и оба его товарища и друга, он был настоящим поэтом, умеющим видеть больше и глубже, чем обычные, рядовые люди.

Когда Марке впервые выступил публично со своими работами — вместе с Матиссом, Руо, Дереном, Вламинком, Фриезом,— их всех равно и одинаково прозвали «дикими» — такими непривычными и необузданными показались пугливым зрителям тех лет и чопорной критике, привыкшей к твердо установленным, неподвижным стилистическим категориям, их неожиданные новшества. Сейчас уже очень трудно перенестись в психологию посетителей выставок семидесятилетней давности. «Дикие» давным-давно перестали казаться чем-то небывалым и удивительным, сильнейшие среди них, в том числе и Матисс, и Руо, и Дерен, и Марке, давно стали классиками, найдя свое почетное место в музеях всего мира рядом с импрессионистами, Сезанном, Ван-Гогом, Тулуз-Лотреком. Их далеко оставили «позади» разнообразные новейшие течения прихотливого искусства двадцатого века. Однако Марке выглядит сейчас бесконечно новее многих художников, пришедших позднее него, но успевших увянуть или совсем кануть в Лету.

Нестареющая новизна искусства Альбера Марке заключена в том высоко поэтическом ощущении красоты и значительности реальной жизни, реальной природы, реального современного города, которым до предела насыщено его искусство. Он стал подлинным поэтом города нового века, поэтом странствий, ненасытной жажды узнавать и видеть мир, другие берега, другие страны. Ведь эта жажда никогда, быть может, еще со времен Одиссея или, во всяком случае, со времен Колумба, не охватывала человечество в такой непомерной степени, как это сложилось в двадцатом веке — не только мечтающем о путешествиях, но и вполне реально и непрестанно странствующем, будь то на Луну в космических кораблях или через океан на плоту Тура Хейердала. Живопись Марке вся пронизана поэзией странствий и путешествий, раскрывающих все новые прекрасные облики той же старой земли. Для его поэтического восприятия красоты и неисчерпаемой множественности мироздания не требуется никакого ухода в воображаемую морскую романтику прошлых времен,— он отлично умеет находить эту романтику в портовых кранах, океанских пароходах, разбегающихся железнодорожных путях, привокзальных пакгаузах, причалах, молах, набережных. Да и современный город, и прежде всего Париж, для Альбера Марке не требует каких-либо обязательных исторических воспоминаний. Следуя по дороге, проложенной Эдуардом Манэ и его сотоварищами, особенно Эдгаром Дега и Камиллом Писсарро, Марке внес в ощущение города еще большую остроту, еще большую собранность и сосредоточенность, нередко сводя городские дома, улицы, набережные к основным, наиболее характерным и существенным, наиболее содержательным массам и линиям. Но эти массы и линии никогда не превращаются у него в какие-либо отвлеченные и условные знаки или символы — в самом сжатом и лаконичном обобщении Марке всегда над всем господствует осязательно-ощутимая конкретность строго определенного места, точно переданного времени года и дня, состояния погоды, света и воздуха. Марке удивительно умеет одновременно выразить чувство словно остановившегося, неповторимо конкретного мгновения и длящейся, динамической изменчивости, таящейся в этом якобы неподвижно остановленном мгновении. Поэтому так безотказно воздействует зоркое видение Альбера Марке, в любой стране, в любом состоянии моря и неба находящее самое главное, самое сокровенно важное и — самое красивое.

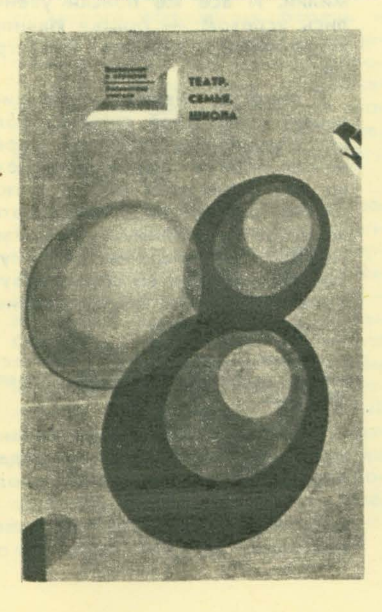
История для Марке не ушедшее в небытие прошлое, а неразрывная часть современности, реально участвующая в теперешней, невообразимой жизни. Поэтому силуэт Собора Парижской богоматери в покрытом снегом Париже в своей роли в создании поэтического образа современного города уравнен со всеми другими пространственными и предметными элементами города, он не наделен никакой исторической ретроспекцией. И Везувий у него не тот, что погубил Помпею, а нынешний, мирно парящий в небе над гладью лазурного моря. Но глаз Марке чаще обращается к вполне современным темам и образам. Таков и его «Вокзал Монпарнас под снегом», и «Алжирский порт в пасмурный день», и «Мост Сен-Мишель в Париже», и «Порт Гонфлер», и многие другие картины с абсолютно точно обозначенным местом и временем, со всеми явными приметами нашего века, невозможными ни в какие другие времена.

Впрочем, и тогда, когда Марке изображает как будто находящиеся вне всякого времени пейзажные мотивы (как, например, в прелестном «Паруснике в Поркеролле»), они все равно оказываются проникнутыми тем же самым чувством своего, нового времени благодаря той же неизменной остроте и обобщенности видения, той же лаконичной собранности и строгой конструктивности всего пространственного построения картины. Марке очень многому научился у импрессионистов и у Сезанна, переведя их умение обобщать свое безупречно верное и глубоко правдивое наблюдение в еще более собранную, выразительную, насыщенную форму, в овладении которой он очень рано и очень скоро достиг абсолютной уверенности и свободы.

Об этом можно прекрасно судить по замечательной, не имеющей себе равных в мире коллекции лучших ранних работ Альбера Марке, хранящейся в московском Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и в ленинградском Эрмитаже. Эти картины были приобретены у него самого в свое время замечательными московскими коллекционерами С. Щукиным и И. Морозовым, и надо сказать, что эти обладавшие огромным вкусом русские собиратели сумели выбрать самые главные и самые совершенные создания его молодости. Эти ранние картины, как правило, построены в каком-либо одном строгом тональном ключе, иногда они почти лишены цвета, монохромны. С течением времени, к тридцатым и сороковым годам XX века, Марке пришел к более сложной, многоцветной, изысканно тонкой колористической системе, особенно в изображении воды и неба. Необычайно хороши, например, жемчужные оттенки моря в том же «Паруснике в Поркеролле» (1939 г.) или в «Отливе в Пила» (в Бискайском заливе, 1935 г.).

И все же разница между поздними и ранними работами Марке невелика да и несущественна: как он начал свой путь, так через полвека его и окончил, ни разу не изменив тому отбору художественных задач, тому кругу художественных образов, с какими вступил в мир искусства на заре своего долгого пути художника. Пейзажи Парижа, портовых городов Франции и других стран, написанные им в первые десятилетия двадцатого века, заложили прочную основу всем его дальнейшим творениям, менявшимся от десятилетия к десятилетию так медленно и так мало, словно он с первых шагов нашел неисчерпаемую золотоносную жилу, которой хватило ему на всю жизнь. Но он и на самом деле все время добывал чистое золото, ни разу не засорив свое искусство никакими механическими и пустыми повторениями, никакой равнодушной монотонностью, никакой раз навсегда установившейся ловкой и привычной манерой. Он копал на одном и том же месте, но все глубже и глубже.

Человеческий облик Альбера Марке ни в чем не противоречил его художническому облику. Возвращаясь из всех своих странствий домой, в Париж, он все же раз в жизни был вынужден уехать из Франции надолго. Годы второй мировой войны он прожил в Алжире: фашисты, оккупировавшие Францию, угрожали ему смертью, так как он, подобно Майолю и большинству других французских художников, принял деятельное участие в движении Сопротивления. Поступив так, он словно отложил в сторону всю свою спокойную сосредоточенность и свои поэтические открытия, и это было естественным шагом для такого благородного и глубоко принципиального человека, влюбленного в свою страну и в высокую культуру своего народа.



ЗАБОТЯСЬ О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ

«Театр, семья, школа» — эта книга вобрала в себя шестнадцать статей, посвященных многосторонней и важной теме воспитания подрастающего поколения средствами искусства. Им предпослан вступительный очерк, принадлежащий перу составителя этого сборника Ю. А. Зубкова.

«Речь идет,— пишет составитель,— о еще более активном вторжении искусства в жизнь семьи и работу школы, об их общей ответственности за судьбы сегодняшних мальчишек и девчонок, каждого из них, за их нравственное здоровье».

Отсюда и неразрывность этих звеньев — театр, школа, семья, общность усилий педагогов, родителей, деятелей театра, направленных на то, чтобы лучше делать свое дело. Дело огромной важности, значение которого трудно переоценить.

«Сформировать убеждения молодого человека, дать ему идеалы — самый важный, самый первый долг всех, кто занимается воспитанием,— пишет актер Театра имени Моссовета Г. Некрасов.— А значит, в первую очередь долг тех, кто считает себя деятелем искусства».

Особое место уделено в сборнике патриотическому воспитанию молодежи, становлению героических черт характера. В этом смысле подчеркивается роль спектаклей, в которых предстают герои, являющие пример человеческой значительности, воинской доблести.

В связи с этим очень своевременно ставится вопрос о более серьезном подходе к репертуару театров для детей и юношества, о его идейной чистоте и художественной выразительности.

Воспитание молодежи — задача весьма обширная, и вряд ли возможно в одном сборнике охватить всю ее, но думается, что в книге «Театр, семья, школа» нашли свое отражение наиболее принципиальные и важные стороны этой проблемы.

Книга эта, несомненно, нужная и полезная. Она заставляет острее ощутить общую ответственность семьи, школы и театра за воспитание юношеской души.

И. ПАТРИКЕЕВА

Театр, семья, школа. М., «Педагогика», 1975, 128 стр.

интервью «огонька»

НОВЫЙ ПАСПОРТ ГРАЖДАНИНА

Первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-майор внутренней службы В. С. ПАПУТИН отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Ю. Чернявского

ВОПРОС. Известно, что первого января 1976 года в нашей стране начнется выдача гражданам паспортов нового образца. Расскажите, пожалуйста, Виктор Семенович, о значении этого важного мероприятия.

ОТВЕТ. Решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР имеют большое политическое и правовое значение. Они продиктованы прежде всего заботой о человеке и приняты в интересах человека. В этом суть нашего советского образа жизни, демократические принципы которого закреплены Конституцией СССР. «Каждому человеку,— говорил товарищ Л. И. Брежнев 14 июня 1974 года в речи перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы, — важно сознание того, что он равен в правах с другими членами общества, всегда может рассчитывать на справедливое, уважительное к себе отношение, на заботу государства, на помощь и поддержку коллектива. Каждый человек заинтересован в том, чтобы активно участвовать в делах своего предприятия и учреждения, в делах своего государства. Каждый человек хочет быть уверенным в своем завтрашнем дне, в устроенном будущем своих детей. У нас созданы условия для удовлетворения этих социальных потребностей. Это — огромное завоевание социализма».

Паспортная система играет важную роль в экономической и социально-политической жизни государства. Она позволяет организовать учет населения, глубже познать процессы миграции и, зная их, правильно планировать развитие народного хозяйства и размещение производительных сил страны.

Со времени принятия Положения о паспортах прошло более двадцати лет. За это время в СССР произошли большие социально-экономические преобразования, которые, естественно, отразились и на характере деятельности различных государственных институтов. Минувшие годы были отмечены, в частности, дальнейшим совершенствованием законодательства, направленного на улучшение форм и методов деятельности многих звеньев советской государственной системы. Прежде всего это выразилось в повышении роли Советов депутатов трудящихся, в укреплении статуса депутатов, в активизации деятельности трудовых коллективов, в расширении прав общественных организаций и т. д.

ВОПРОС. Что изменилось с введением нового Положения о паспортной системе в СССР?

ОТВЕТ. Вводится единый для всех категорий населения порядок выдачи паспортов. Они будут выдаваться независимо от того, где граждане живут — в городе или на селе — и где работают — в колхозе, совхозе, на заводе или в учреждении. Действие единых правил на всей территории СССР и распространение их на всех граждан, достигших 16-летнего возраста,— существенная особенность новой паспортной системы, которая введена в действие с 1 июля этого года.

Прибывающие на временное место жительства до полутора месяцев теперь регистрируются, а свыше полутора месяцев — прописываются. Регистрация будет производиться не позднее трехдневного срока со дня прибытия из одной местности в другую, а в гостиницах, санаториях, домах отдыха, пансионатах, больницах и других подобных учреждениях — по прибытии.

За прописку, как и до этого, будет взиматься государственная пошлина в размере, установленном действующим законодательством, за регистрацию же она не предусмотрена. Отменяется также плата за адресный листок прибытия, за который раньше граждане при оформлении прописки такую плату вносили.

До обмена паспортов старого образца на новый сохраняют силу ранее выданные. Причем те, срок действия которых истек после 1 июля 1975 года, считаются действительными без официального продления срока их действия до обмена на паспорта нового образца.

Вступили в силу и некоторые изменения в административной ответственности, применяемые к нарушителям паспортных правил.

ВОПРОС. Каковы существенные отличия паспорта нового образца?

ОТВЕТ. Паспорт — основной документ, удостоверяющий личность гражданина СССР и его советское гражданство. В отличие от действующих новые паспорта — ярко-красного цвета, с большим гербом на обложке — будут изготавливаться из материалов, обеспечивающих их долговременное сохранение, и именоваться: «Паспорт гражданина Союза Советских Социалистических Республик».

Действие паспорта бессрочное. Он изготавливается по единому образцу на русском языке и на языке соответствующей союзной республики, а для автономных республик — также на языках их народов. Последовательно будут вклеиваться фотокарточки владельца в возрасте 16, 25 и 45 лет. В новом документе приводятся следующие сведения о его владельце : фамилия, имя, отчество, время и место рождения, национальность.

В новых паспортах исключена запись о социальном положении граждан и не будут проставляться отметки о приеме на работу и увольнении; нет графы, на основании каких документов выдан паспорт.

Паспорт нового образца создаст гражданам значительные удобства. Не надо будет тратить время на его обмен, сокращается количество документов, обязательных к предъявлению при получении паспорта. Теперь будет меньше нужды в разного рода справках. Требуемые данные могут быть подтверждены предъявлением паспорта.

В новый паспорт будут вноситься сведения о наличии детей у его владельца, о регистрации и расторжении брака, прописке и выписке и т. д.

В паспорте отдельных граждан в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1967 года «Об улучшении порядка уплаты и взысканий алиментов на содержание детей» будет проставляться штамп «обязан к уплате алиментов». Такой штамп вносится в паспорта лицам, осужденным за злостное уклонение от уплаты алиментов или разысканным органами внутренних дел в связи с уклонением от такой обязанности. На основании этого штампа администрация по месту работы такого человека обязана взыскивать с него алименты, не дожидаясь исполнительного листа.

И, наконец, по желанию гражданина в его паспорте может быть сделана отметка о группе и резус-принадлежности крови. О пользе и гуманности такой записи вряд ли нужно говорить.

ВОПРОС. Отразятся ли изменения в паспортной системе на работе адресно-справочной службы?

ОТВЕТ. Безусловно. Адресно-справочная служба ведется в интересах всего общества и прежде всего самих граждан. В связи с этим хотелось бы напомнить о той роли, которую сыграла советская паспортная система в послевоенное время. В период Великой Отечественной войны миллионы советских граждан оказались в эвакуации. Враг разрушил полностью или частично десятки тысяч городов, поселков и деревень. Миллионы людей остались без крова, вынуждены были менять адреса и место жительства. Только благодаря учету населения и активной работе паспортных аппаратов сумели воссоединиться миллионы семей. Родители находили детей, дети — родителей, восстанавливались связи родственников, друзей, знакомых, однополчан.

Адресно-справочной службой повседневно пользуются миллионы советских граждан. Вот только один пример.

Владимир Иванов 28 января 1969 года обратился в паспортный отдел ГУВД Леноблгорисполкомов с просьбой помочь ему разыскать брата Валерия. О том, насколько сложными были поиски, говорит хотя бы тот факт, что из Ленинграда в 1941 году в один и тот же месяц было эвакуировано более десяти Валериев Ивановых одного возраста. Предстояло узнать о судьбе каждого из них. А ведь после войны многие детские дома оказались расформированными, их воспитанники разъехались в разные концы страны, давно стали взрослыми, сменили фамилии. И все же поиски увенчались успехом — братья Ивановы встретились в родном Ленинграде.

В связи с совершенствованием нашей паспортной системы получит дальнейшее развитие адресно-справочная служба. В несколько раз увеличится объем выполняемой ею работы. В связи с этим потребуется коренным образом улучшить размещение этой службы, обеспечение ее соответствующим инвентарем, оборудованием, телефонной связью.

ВОПРОС. Как будет осуществляться выдача паспортов нового образца?

ОТВЕТ. Совершенствование паспортной системы — задача большой государственной, политической важности. Поэтому и подготовка к ней ведется соответствующим образом. Выдачу и об-

СССР

мен паспортов предусмотрено провести в течение шести лет. Новые паспорта будут выдаваться в первую очередь гражданам, достигшим 16-летнего возраста, уволенным в запас из Вооруженных Сил СССР, и при перемене фамилии, имени, отчества.

Предприятия Гознака уже приступили к производству новых паспортов. Их изготовление поручено лучшим специалистам.

Органы внутренних дел проделали большой комплекс мероприятий по подготовке сотрудников паспортных служб, оснащению их соответствующей техникой, документацией. Совместно с исполкомами местных Советов депутатов трудящихся готовятся помещения, принимаются все необходимые меры, чтобы максимально облегчить трудящимся получение новых паспортов. Население будет широко и своевременно проинформировано о порядке проведения этого важнейшего мероприятия.

Получение нового паспорта — акт большого правового и государственного значения в жизни каждого советского гражданина. Он должен способствовать дальнейшему воспитанию у советских людей чувства верности идеалам Коммунистической партии Советского Союза, гордости за нашу социалистическую Родину, за предоставленные им широкие права на труд, образование, отдых, материальное обеспечение в старости, бесплатное медицинское обслуживание и другие социальные завоевания. В то же время на советских людей налагаются и определенные обязанности перед обществом. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать и исполнять законы, честно и добросовестно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, беречь и укреплять общественную социалистическую собственность. Добросовестное исполнение гражданами своих обязанностей будет способствовать успешному осуществлению задач коммунистического строительства.

Выдачу новых паспортов желательно проводить в торжественной обстановке с участием партийных, советских и общественных организаций, знатных людей—ветеранов, героев труда и войны. Обмен и выдачу новых паспортов нужно организовать так, чтобы каждый советский гражданин, получая «молоткастый, серпастый советский паспорт...», мог выразить свои патриотические чувства и с гордостью перед лицом своих товарищей сказать: «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза».

Сцена из спектакля. Фото А. Награльяна

Николас ДОРР, драматург, лауреат Национальной премии театра Союза писателей и деятелей культуры Кубы

КУБИНСКАЯ ПЬЕСА В МОСКВЕ

Было неожиданно увидеть в Москве столь любимую на Кубе пьесу, как «Тощий приз» Эктора Кинтеро. Из газет мы уже знали об этой постановке в Советском Союзе, но непосредственная встреча с ней была огромной радостью.

Когда в 1967 году в Гаване в связи с Фестивалем латиноамериканского театра была поставлена эта волнующая до глубины души пьеса, она была принята зрителями полностью и безоговорочно. Все мы были тогда взволнованы талантливо рассказанной грустной и грубовато-смешной историей. Помнится, как актриса, посвятившая себя на протяжении всей своей театральной жизни жанру легкой, буффонадной комедии, неожиданно поразила нас тогда игрой, полностью воплотившей все сложнейшие требования автора пьесы. Сама пьеса, ее глубоко реалистическая постановка, блистательное актерское исполнение стали кульминационным моментом в развитии кубинского театра.

Новая встреча с пьесой «Тощий приз» в Москве была для меня необычайно интересной, тем более что сейчас этот спектакль уже не идет на сцене гаванского театра. Посмотрев спектакль, убеждаешься в том, как точно удалось передать постановщику общественную значимость и национальный дух пьесы. Я спрашивал себя: неужели можно сохранить в переводе своеобразный язык Кинтеро, истинно кубинский дух его сатиры? Спектакль Театра Моссовета убедил меня: да, можно!

Молодой постановщик Юрий Шерлинг понял удивительное сочетание в сюжете патетического и комического, а в характерах героев — смешного и трагического и на этой основе создал спектакль, который от приятного развлечения приводит зрителя к серьезным размышлениям и тревоге. Я думаю, что в этом заключается одна из основных удач спектакля.

Этот спектакль чрезвычайно ясно показывает нам художественные принципы театра, руководимого народным артистом СССР Ю. А. Завадским, которые заключаются в гармоничном сочетании диалогов и монологов, танцев и песен, поэзии и действительности. Постановщик не пренебрегает ни одним средством изобразительного искусства для того, чтобы точно передать смысл пьесы. И в этом еще одно новшество этой сценической постановки. Главное, это — стремление к творческому поиску, и это стремление пронизывает всю постановку пьесы Кинтеро на сцене Театра Моссовета.

Если же говорить о некоторых недостатках, то это прежде всего затянутость танцевальных вставок, которые ведут к ослаблению драматических ситуаций. Есть некоторые неточности в деталях костюмов, как, например, преувеличенно аллегорический костюм ведущей на телевидении. Но это все, безусловно, не заслоняет достоинств спектакля.

Мне хотелось бы отметить яркость, с которой показано, как буржуазное общество потребления, его лживая пропаганда влияют на жизнь героев. Семье бедных цирковых артистов, казалось бы, наконец-то улыбнулось счастье. В куске мыла, купленном в итоге рекламной шумихи дельцов, оказался заветный лотерейный билет, который дает возможность им, беднякам, переехать в настоящий дом. Но счастье оказалось призрачным. Нет денег, чтобы уплатить земельный налог, стоимость газа, света. Приз оказался действительно «тощим» — бедняки обмануты.

На этом мрачном фоне дореволюционной Кубы, словно луч света, возникает образ женщины, многозначительно названной автором Илуминада — «светлая». Илуминада не одинока, ее муж — человек большой доброты. Несомненно, здесь нельзя говорить об идеализации человека, так как персонажи эти достаточно противоречивы. Важно то, что они не одиноки: новое поколение, дети и внуки, понимает их, пытается помочь в борьбе за счастье. Отсюда большой оптимизм спектакля. Полные надежды, уверенные, что люди добьются лучшей жизни, Илуминада и Октавио покидают сцену. Они проходят между зрителями, и надо сказать, что этот момент — одна из наиболее выразительных находок постановки.

Не всегда бывает легко передать жизнелюбие, южный темперамент героев, но и с этим артисты успешно справились. Галина Дашевская, чья игра заставила нас вспомнить Анну Маньяни, сумела очень точно передать характер Илуминады. Точно так же Анатолий Баранцев в исполнении роли Октавио продемонстрировал свое высокое актерское мастерство. Особенно превосходна игра талантливой Маргариты Тереховой.

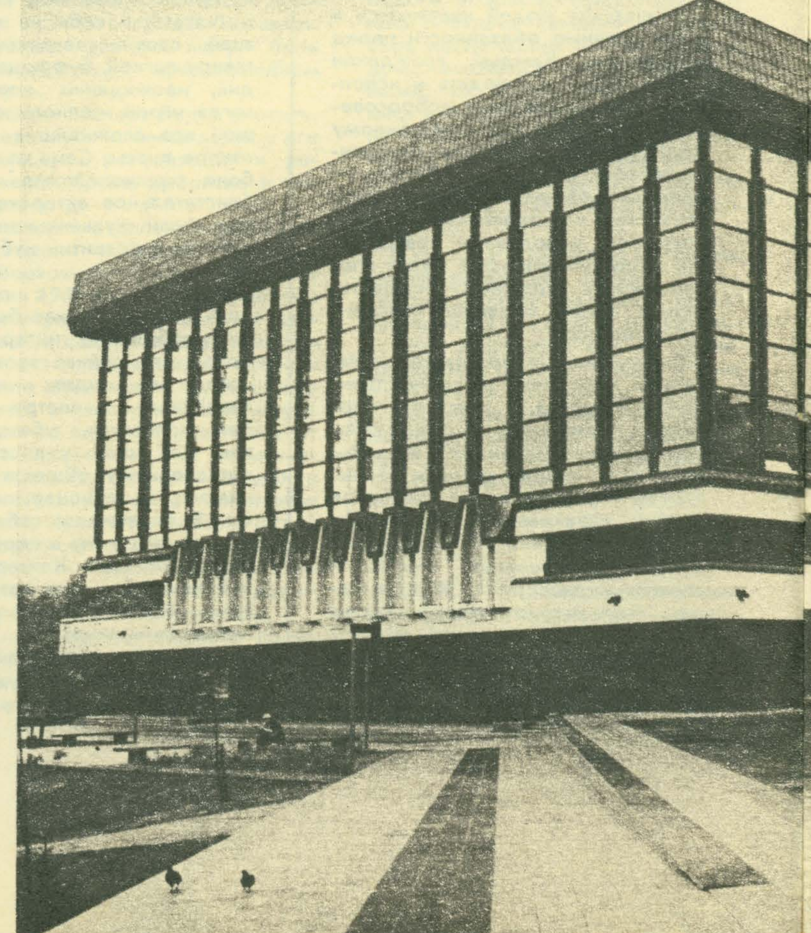
Итак, я поднимаю руки, чтобы приветствовать новое рождение пьесы «Тощий приз» в Москве на сцене Театра имени Моссовета.

21 июля—35 лет со дня восстановления Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии

ПРАВДА ИС

Юстас ПАЛЕЦКИС,
председатель
Комитета
защиты мира
Литовской ССР

◀ **Таллин. Гостиница «Виру».**
Вильнюс. Новый театр оперы и балета.



ТОРИИ

Пишу эту статью вскоре после возвращения из Белоруссии, где в связи с 30-летием Победы над фашизмом происходила международная встреча сторонников мира. Делегаты 35 стран разных континентов единодушно провозгласили: народы мира требуют навсегда покончить с опасной политикой «холодной войны», направить совместные усилия правительств и общественности на укрепление мира, прекращение гонки вооружений.

Я все еще находился под впечатлением услышанного и увиденного — кто останется равнодушным к тревожному звону колоколов над Хатынью?— когда уже в Вильнюсе прочитал статью Д. Биндера в газете «Нью-Йорк таймс». В статье речь шла о знакомом мне деятеле — господине Э. Дервински, с которым приходилось встречаться. Конгрессмен Э. Дервински за океаном по-прежнему гарцует на своем любимом прибалтийском коньке. Его предки эмигрировали из Виленской губернии не от хорошей жизни, а их потомок ныне преданно служит тем капитанам большого бизнеса, которым не по душе разрядка напряженности. И не случайно однажды во время конференции межпарламентского Союза в Гааге я назвал Э. Дервински «блудным сыном». Он покровительствовал и покровительствует поныне увивающимся вокруг него реакционерам, а то и просто военным преступникам из среды прибалтийских политиканов, убежавших из родного дома вместе с гитлеровцами. Среди них или за их спинами такие «деятели», как епископ В. Бризгис, сотрудничавший с гестапо и занесенный в Нюрнберге в списки военных преступников за поощрение расовых убийств; господа Импулявичус — у нас, в Литве, он был заочно приговорен к смертной казни,— бывший полковник и дипломат К. Шкирпа, глава «Литовского фронта активистов» — организаторы кровавых расправ над советскими людьми разных национальностей. Так вот, благодетель всех этих предателей Литвы, военных преступников, оголтелых расистов, господин Эдвард Дервински поспешил внести в палату представителей конгресса США проект резолюции, призывающий правительство США еще раз подтвердить, что Соединенные Штаты не признают вхождения прибалтийских государств в СССР. Дэвид Биндер, сообщающий обо всем этом читателям «Нью-Йорк таймс», пишет: «Провозглашенное участниками совещания по безопасности в Европе намерение подтвердить нерушимость послевоенных границ в Европе вызвало недовольство выходцев из прибалтийских стран, живущих в настоящее время в Соединенных Штатах и в Западной Европе». Биндер пытается убедить читателей, что «многие из более чем 1,6 миллиона американцев — выходцев из прибалтийских стран» недовольны вхождением Литвы, Латвии и Эстонии в Советский Союз.

Кто недоволен? Господин Э. Дервински, епископ В. Бризгис? Или главари созданной в США «Ассоциации содействия развитию прибалтийских исследований» (замаскированная под научную организацию, эта ассоциация давно уже стала своеобразным штабом прибалтийских антикоммунистов, штабом, разрабатывающим идеологические диверсии в Литве, Латвии и Эстонии)? Или же аккредитованные в Вашингтоне «официальные представительства» прибалтийских государств (они там с 1940 года)? Живые трупы! Кучка политиканов из бывших прибалтийских правителей, из числа деятелей зачахших политических партий продолжает взывать к восстановлению капиталистического строя в Прибалтике. Сейчас они активизировали свою деятельность, всполошились. Как же: совещание по безопасности в Европе, где участвуют представители многих стран, в том числе и США, намерено подтвердить нерушимость послевоенных границ в Европе! Народы Литвы, Латвии, Эстонии, волею которых 35 лет назад на их земле была восстановлена Советская власть, волею которых эти государства вошли в состав СССР, не нуждаются, конечно, в особом «подтверждении» справедливости свершенного ими. Но для тех, кто предал эти народы, для тех, кто покинул отчий дом и пошел на службу к империализму, для буржуазных националистов из эмигрантского подворья совещание по безопасности в Европе — подходящий повод для того, чтобы по заказу хозяев вновь обрушить потоки клеветы на политику КПСС, Советского правительства. Вот они и обивают пороги государственных учреждений США, вносят резолюции в конгресс, ведут разнузданную антисоветскую пропаганду, вновь и вновь пускают в ход гнуснейшие небылицы. При этом ничем не брезгуют. Они подбирают и подкармливают разных отщепенцев, перебежчиков. В США подвизается некий В. Севрук, которого в свое время не судили в Литве за антисоветские преступления лишь в силу его невменяемости. Он сделал вид, что уезжает в Израиль, но оказался в США, где, выдав себя за «марксиста», занялся грубой антисоветской стряпней. Буржуазные националисты готовы идти на сговор с любыми силами, лишь бы они были антисоветскими. В частности, прибалтийские буржуазные националисты, перекочевавшие за рубеж в обозе бежавших гитлеровцев, охотно блокируются с международным сионизмом, охотно выступают с «исследованиями» в фальсификаторских сионистских изданиях. Забыты еврейские погромы, вдохновителями которых были те же господа Бризгис, Шкирпа, Импулявичус. Издающаяся в США газета прогрессивной украинской эмиграции писала по этому поводу: «Не менее удивительным является этот «альянс» еврейского истеблишмента и его идеологической верхушки с правыми лагерями этнических групп в США — литовской, украинской, польской, то есть с теми, которые не раз и не два высказывали свое сожаление по поводу «слишком деликатного обращения Гитлера с евреями».

Однако, несмотря на все заслоны, воздвигаемые нашими идеологическими противниками, правда о жизни Советской Прибалтики доходит до дальних стран. Каждый год в Литву, Латвию и Эстонию из США, Канады, Австралии приезжают люди, когда-то уехавшие за рубеж. Своими глазами они видят разительные перемены, происшедшие здесь за последние десятилетия, убеждаются в невиданном прогрессе. Многие граждане из Прибалтики навещают своих родных за границей, едут с туристскими группами, делегациями, художественными ансамблями, участвуют в международных съездах, симпозиумах, выставках. А ведь сре-

Рига. Площадь Красных латышских стрелков.

Фото В. Сальмре

ди разных эмигрантских измышлений есть и такое: Советская Прибалтика «закрыта» для иностранцев, коммунисты боятся показывать ее. Очередная ложь. В 1974 году Литву посетило 64 тысячи иностранцев, а за границу выезжали 31,5 тысячи граждан Советской Литвы.

Все познается в сравнении. Буржуазные правители Литвы сознательно держали мой народ в духовной темноте. Они откровенно говорили, что им нужны не гимназисты и гимназистки, а пастухи, батраки и батрачки. Даже примитивную четырехклассную школу кончала лишь малая часть детей: большинство бедняков были вынуждены отдавать своих детей кулакам в пастухи. В Литве при населении в 2,9 миллиона человек было более 400 тысяч неграмотных. Только 27 тысяч молодых людей окончили гимназии и прогимназии, а высшую школу — менее 4 тысяч студентов. Но и это объявлялось бедствием. Литовская буржуазия вопила о переизбытке интеллигентов. Их положение было поистине трагическим. Вот воззвание правления Общества помощи интеллигентам, помещенное в газете «Летувос жиниос» 25 января 1936 года: «В последнее время среди нашей нарастающей интеллигенции находится все больше таких, которые не только не могут мечтать о приличном существовании, но даже не имеют куска черствого хлеба. Экономические трудности, нервозно-напряженная жизнь в борьбе за существование толкнули многих наших интеллигентов в бездну, из которой трудно выбраться. Интеллигентные люди с несомненными способностями становятся народу и стране ненужными и ложатся на общество тяжелой ношей».

Если таким было положение интеллигентов, то что говорить о рабочих, крестьянской бедноте. В тогдашней столице Каунасе около 7 тысяч семей безработных жило впроголодь на мизерное пособие. А на селе, по подсчетам буржуазного министра земледелия Крикщюнаса, почти 300 тысяч человек оказывались лишними. Крестьяне вынуждены были за бесценок продавать продукты своего труда. За проданный килограмм масла они могли купить лишь 15 коробок спичек. За долги ежегодно продавалось с молотка по нескольку тысяч хозяйств, не только бедняцких, но и середняцких, даже кулацких. Буржуазный премьер-министр Бистрас заявлял, что так как невозможно обеспечить всех работой, около 30 тысяч человек в год должны эмигрировать. Между тем конгрессмен господин Дервински и такие его коллеги, как Генри Джексон, Джекоб Джавитс, Джеймс Бакли, охотно распространяют басни буржуазных эмигрантов о мнимом процветании «независимой» Литвы в пору, когда ею правили буржуа и фашисты.

При этом наши идеологические противники иногда прибегают к довольно тонким, хитроумным приемам. Профессор Коннектикутского университета (США) Б. Мацуйка, выдавая себя за крупного специалиста по Прибалтике, опубликовал в «Журнале балтийских исследований» статью «Роль прибалтийских республик в экономике СССР». Автор пытается доказать, что прибалтийские республики, учитывая их площадь и население, играют непомерно большую роль в советской экономике. И тут автор, не скупясь на превосходные степени, говорит о подъеме экономики, культуры. Но при этом он, смещая события во времени, создает ложное представление, будто так было и раньше. Ученый стыдливо умалчивает о том, что все это достигнуто за короткий исторический срок, при Советской власти, с братской помощью других советских республик. Именно эта помощь и позволила Литве, Латвии и Эстонии занять подобающее им место в социалистическом хозяйственном комплексе СССР, успехи которого используются на благо всех народов нашей страны. Вот что скрывает от своих читателей господин Б. Мацуйка, распространяющий небылицы о мифической «оккупации Прибалтики». При этом ученый и не замечает, в какую он лужу сел: с одной стороны, «оккупация», а с другой — непомерный рост промышленности, сельского хозяйства...

Но желающих прислушиваться к этим басням становится все меньше и меньше. Правду истории нельзя скрыть. Подлинный расцвет и небывалый прогресс в прибалтийских республиках связан с восстановлением там Советской власти, с их вхождением в состав СССР. Здесь давным-давно забыли о безработице. Это и понятно: валовая продукция, скажем Литвы, сейчас в 43 раза превышает уровень 1940 года. Более чем в 10 раз увеличилось число рабочих и служащих. Все новые кварталы вырастают в Вильнюсе, Риге, Таллине. На карте прибалтийских республик появились новые города. Зажиточная, светлая жизнь пришла в деревни, где десятки тысяч машин, каких не знали тут прежде, обрабатывают колхозные и совхозные земли. Бывшие батраки и безземельные крестьяне, ютившиеся некогда в жалких хибарах, строят для себя каменные дома со всеми удобствами. Раньше Литва по производству электроэнергии стояла на предпоследнем месте в Европе (перед Албанией), теперь она занимает одно из первых мест.

Из США вместе с женой и детьми приезжал к нам литовский эмигрант В. Златорюс. Он рассказывал: «У себя дома, в США, во время родительского собрания в литовской воскресной школе я заявил, что довольно вспоминать старую Литву, что надо перенести взгляд на новую Литву, познакомить детей с ее жизнью. Ведь до сих пор в Америке смотрят на Литву как на сельскохозяйственную страну с пахарями, усадьбами. Даже не упоминается, что Литва теперь стала промышленной страной. При поездке по Литве это особенно заметно. Повсюду видишь большие колхозные и совхозные постройки, заводские корпуса, которые ничем не отличаются от таких же корпусов в Америке... Литва теперь не земля пахарей, а современная страна с развитой промышленностью и крупным сельским хозяйством и не отстает от других передовых стран мира».

А просвещение, наука, искусство, здравоохранение... Как далеко шагнули мы в сфере духовных богатств! В Литве учащихся средних школ и техникумов теперь почти в 20 раз, а студентов в 15 раз больше, чем их было при власти буржуазии. За 20 лет существования «независимой» Литвы высшую школу окончило около 4 тысяч студентов, а за послевоенные годы вузы республики окончило более 125 тысяч молодых людей. И никто, конечно, у нас не жалуется на переизбыток интеллигентов. А ведь, кроме высшей школы, в Литве имеется Академия наук, созданная при Советской власти, много разных научных институтов. Когда-то у нас было всего несколько сотен ученых, теперь их более 12 тысяч.

Реакционные эмигрантские кликуши истошно вопят о русификации, ущемлении национальной культуры. Но ведь национальная культура литовского народа при Советской власти получила поистине невиданное развитие. Литовские газеты, журналы, книги выходят тиражами, о которых прежде здесь не могли и мечтать. Редкая книга литовского писателя раньше выходила тиражом в 2—3 тысячи, а сборники стихов и того меньше. Теперь же обычный тираж книг у нас — 8—15 тысяч, а особо популярных — 25—30 тысяч экземпляров. Многие книги литовских писателей в переводе на русский язык становятся известными всему Советскому Союзу и за границей. Они выходят огромными тиражами, некоторые даже до 2 миллионов экземпляров. Только при Советской власти литовский народ смог по-настоящему познакомиться с произведениями своих классиков, раньше они или вовсе не издавались или издавались очень малыми тиражами.

В Литву недавно вернулся из Америки журналист В. Альсейка. Вот что пишет он в литовской газете «Лайсве» («Свобода») о культурной жизни в нашей республике: «Приятно было увидеть все собственными глазами, убедиться, что это: обман, пропаганда, как говорили мне некоторые странные люди, когда я еще жил на американской земле, или действительность? Прошла неделя, другая, и я мог сказать: никакой выдумки или обмана нет. Культурная жизнь течет, как воды быстрой реки, уже ряд лет по ясному, глубокому руслу. Мне все яснее становится, что в этой области сделано действительно много. Сравнивая с тем, что я видел в ряде городов США, могу заявить: многое в культурной жизни Литвы лучше, совершеннее, чем в Нью-Йорке».

Побывав в театрах, бывший американец просто диву давался, как их тут много и как охотно публика посещает их. Он хорошо помнит времена буржуазной Литвы, когда было только два театра. Теперь в Литве 11 профессиональных и 25 народных театров. Новый театр оперы и балета в Вильнюсе — в нем около 1 200 мест — постоянно переполнен, зрители приезжают сюда из других городов, деревень Литвы. Драматический театр в Паневежисе пользуется мировой славой. Есть у нас государственные ансамбли, хоры, симфонические оркестры, но есть и самодеятельные ансамбли песни, танца на заводах, при высших школах, в учреждениях, колхозах, совхозах. При Советской власти консерваторию окончило более 1 700 человек, а в пору буржуазной Литвы — лишь около 70.

Расцвет экономики, культуры Советской Литвы — это результат того, что Советская Литва пользуется всеми возможностями постоянно развивающейся экономики СССР как равноправный член семьи его республик.

...Во время парламентской встречи, полемизируя с тем же господином Дервински, я рассказывал ему о больших достижениях литовского народа. Он тут же возразил: дескать, главное не рост экономики, а свобода народа.

— А какую свободу имел литовский народ при буржуазной власти? — спросил я тогда. Спрашиваю об этом и теперь.

Литовцы, как и их братья — русские, латыши, эстонцы, белорусы и другие народы СССР,— долго боролись за настоящую свободу, боролись не только против русского царизма, но и против национальных эксплуататоров. После Октябрьской революции, в конце 1918 года, в Литве утвердилась свободная, народная Советская власть. Но ненадолго. Через несколько месяцев ее задушили вооруженные силы международной интервенции. Мне довелось быть очевидцем того, как в мае 1919 года немецкие войска заняли столицу Латвии — Ригу, и несколько тысяч рабочих было убито лишь для устрашения. Таким же образом легионы Пилсудского захватили столицу Советской Литвы Вильнюс, а германские войска — остальную часть республики. Так чужими руками была установлена и при помощи оголтелого террора укрепилась буржуазная власть в Прибалтике. Так ее отторгнули от Советской России.

В Литве даже власть буржуазной демократии просуществовала лишь до 1926 года. После военного переворота здесь установилась фашистская диктатура Сметоны (в Латвии и Эстонии подобные перевороты произошли позже, в 1934 году). Многочисленные народные восстания жестоко подавлялись. К смертной казни или долголетнему тюремному заключению приговаривали не только коммунистов, но и людей иных политических воззрений, недовольных фашистским режимом.

Когда в 1936 году фашистское правительство проводило выборы в сейм, большое число граждан было лишено избирательных прав. В этом фашистском «сейме» оказались лишь представители привилегированных классов, в нем не было ни одного рабочего, ни одного трудящегося крестьянина, ни одной женщины, ни одного представителя национальных меньшинств. Вот за какую «свободу» ратует господин Дервински.

Я помню, как ликовал мой народ, когда в Литве была восстановлена Советская власть, когда ее приняли в свою семью братские советские республики. Народ понимал, что только социалистический путь развития может обеспечить ему подлинную свободу, независимость, благополучие, прогресс. Укрепили его в этой уверенности тяжелые годы гитлеровской оккупации, бешеная антисоветская пропаганда, проводившаяся нацистами и их приспешниками — буржуазными националистами, многие из которых теперь продолжают свою деятельность за границей, особенно в США. Кровавый след оставили иные из них на литовской земле уже после победы над фашизмом. На счету националистических диверсионных банд, орудовавших в Литве в первые послевоенные годы, тысячи жертв, главным образом учителей, работников сельских советов и их семей.

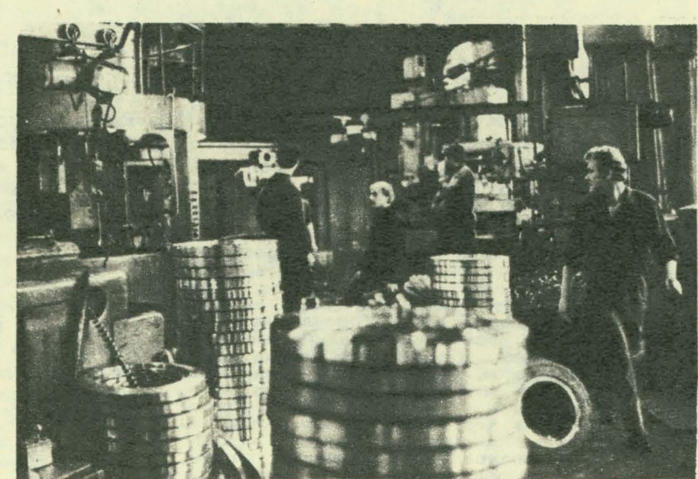
За что убивали их? За что бандиты во главе с Нейцелисом убили лесничего Миколаса Шимялиса? Только за то, что во время оккупации он спас 14 евреев из каунасского гетто и прятал их до прихода Советской Армии. А бывшего сержанта Советской Армии Витаутаса Дужинскаса убили за то, что он участвовал в штурме Берлина. Отца и мать, всю семью Дануте Станелене бандиты убили за то, что Дануте сражалась в рядах Литовской дивизии против гитлеровцев и была награждена тремя орденами Славы. И вот эти-то головорезы, детоубийцы нашли за океаном покровителей среди империалистических глашатаев «холодной войны». Убийцы настоящего интернационалиста Миколаса Шимялиса — теперь друзья-соратники сионистов. Звери, растерзавшие родителей освободительницы Литвы Дануте Станелене, рядятся ныне в тогу «борцов за свободу Литвы». На них-то и опираются господин Дервински и его коллеги, от их имени и вносится резолюция в конгресс США: «Спасите Прибалтику!».

Конечно, эти господа в меньшинстве. Большинство составляет та прибалтийская эмиграция, представители которой побывали у нас и собственными глазами увидели, как расцветает их родина.

Пусть они злобствуют, господа Дервински! Правда истории непоколебима.

КОСАРИ—БОГАТЫРИ

Вячеслав КОСТЫРЯ,
фото В. СВАРИЧЕВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька».



В инструментальном цехе завода имени М. В. Фрунзе.

По старой крестьянской пословице, не то сено, что скошено, а то, что сложено...

— Что такое подборка сена и скирдование, я с детства знаю, — рассказывает Дадый Иманалиев, склонившийся у наждачно-заточного станка.— Я ведь крестьянский сын... Колхоз наш в долине реки Чу, отец там всю жизнь был чабаном. Ну, и луга у нас! Пожалуй, из-за них я и стал рабочим на заводе, где делают пресс-подборщики сена. Вот это, скажу я вам, косари-богатыри! Что ни час, то четыре, восемь и даже более десяти тонн сена, увязанного в плотные тюки. Чем гуще травостой, тем больше!..

О крестьянских истоках своей нынешней рабочей профессии могли бы рассказать многие товарищи Дадыя Иманалиева, слесаря-сборщика с двадцатилетним стажем, одного из лауреатов республиканской Государственной премии за разработку и внедрение в производство комплекса сеноуборочных машин.

— Когда я первый раз пришел в цех, — вспоминает он, — меня встретили приветливо. Бригадир Петр Пантелеевич Купавцев спросил: «Сено убирать приходилось?» И когда я кивнул, смутившись, он ободряюще сказал: «Мне тоже... Нам такие люди и нужны».

Завод сельскохозяйственного машиностроения в городе Фрунзе, где работает Иманалиев, ведет свою родословную от небольшого механического предприятия.

...Незабываемый, грозный 1941 год. В октябре с берегов Азовского моря в столицу Киргизии пришло 360 железнодорожных вагонов и платформ с оборудованием Бердянского завода сельскохозяйственного машиностроения. И к концу ноября восемь новых цехов уже давали продукцию. С той суровой поры завод носит имя легендарного полководца, уроженца здешних мест, — Михаила Васильевича Фрунзе.

Важной вехой в жизни предприятия стал 1966 год. На Международной выставке «Современные сельскохозяйственные машины и оборудование» в Москве пресс-подборщик «Киргизстан», серийно выпускаемый заводом имени Фрунзе, был удостоен золотой медали.

Но особенно памятен заводчанам 1970 год: у них побывал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Именно тогда определились новые перспективы этого крупнейшего предприятия, от продукции которого во многом зависит обеспечение качественными кормами животноводческих комплексов страны, а в конечном итоге — рост производства мяса, молока, шерсти.

Реконструкция завода имени Фрунзе вскоре стала строкой Директив XXIV съезда КПСС. И ныне это предприятие переживает свое второе рождение. Цеховые корпуса подвергаются коренной перестройке, а вместе с тем выпуск плановой продукции неуклонно увеличивается.

— Посмотрите, — говорит секретарь заводского парткома Александр Терентьевич Шевцов, — как успешно машиностроители воплощают в металле главный пункт социалистических обязательств: выпустить в 1975 году тридцать тысяч пресс-подборщиков вместо двадцати восьми тысяч. А ведь в 1970 году завод дал их лишь около шестнадцати тысяч штук. Можно сказать, за пятилетие вступил в строй еще один завод!

— И все мало?

— Естественно! За животноводство взялись нынче капитально. А заготовка кормов — ключ к нему. И в адрес дирекции идут не только официальные разнарядки о поставках наших пресс-подборщиков во все концы Советского Союза, но и слезные письма-просьбы от тех, кому они пока не достались...

Директор завода Неофид Федорович Петенёв, рассказывая о трудностях реконструкции, полон оптимизма.

— После завершения реконструкции выпуск машин возрастет, и мы станем щедрее!.. — говорит он. — Главное в том, что на заводе немало прекрасных мастеров. Более ста человек уже выполнили свои личные пятилетки. Среди правофланговых, например, наш ветеран-электросварщик Усенбек Макишев. Обязательно побывайте у него в кабинете!

В кабинете?.. И впрямь. Рабочее место Макишева в реконструированном цехе так и называется: «сварочный кабинет». В центре — «стол» со всеми приспособлениями для электросварки. На стене крупными белыми буквами по красному полотнищу: «Здесь работает Герой Социалистического Труда У. Макишев».

Как он работает, видно с первого взгляда. Тележка для готовых деталей полным-полна! А Усенбек, невысокий, в удобно пригнанной спецовке и синем берете, прикрыв лицо щитком, знай водит тонким кончиком сварочной проволоки по трубке, к которой — словно магнит их тянет! — прирастают обрубки металла с дырочками. Длиной трубка с рукоять обыкновенной косы...

— Неужто железные рукоятки для кос делаете?

Приняв шутку, Макишев смеется:

— А дырки тогда зачем? Нет, это балки для вязального аппарата пресс-подборщика. Через отверстия протягивается обвязочный материал, и что ни час, то в среднем пятикилометровая полоса валков превращается в удобные для перевозки стожки, иначе говоря, тюки.

В конструкторском бюро, в лабораториях и на испытательных станциях продолжается работа над каждым узлом машины, изыскиваются новые решения технических задач. Мы познакомились здесь с главным конструктором завода Василием Севастьяновичем Самсоненко. Он повел разговор о будущих пресс-подборщиках.

— Выступая в Алма-Ате на торжествах по случаю двадцатилетия с начала освоения целины, Леонид Ильич Брежнев привел слова прославленного бригадира Александра Гиталова о комбайнах, которым уже не по зубам высокие урожаи передовых хозяйств. А ведь нынешняя ориентация на создание долголетних культурных пастбищ ставит и перед нами эту проблему! Практика показала, что один орошаемый гектар при хорошем уходе заменяет по урожайности четыре богарных, за лето с него пять укосов трав можно взять. Вот и стараемся, чтобы наши машины были по-современному зубастыми...

Некоторый итог творческих поисков машиностроителей завода имени Фрунзе подвел заместитель главного инженера Василий Иванович Андрусенко.

— Новая модель пресс-подборщика, которая готовится к серийному выпуску, в полтора раза производительней прежней, — сказал он. — Продукция завода пользуется большим спросом и у нас в стране и за рубежом, машины экспортируются в Болгарию, Венгрию, Монголию, Марокко, Тунис, на Кубу. В Москве, на ВДНХ, представлены два наших пресс-подборщика, причем один — для горных условий. Реконструкция дает нам возможность достичь уровня мировых стандартов, и это стало постоянной заботой не только руководства, инженерно-технического персонала, но и рабочих всех специальностей.

Вот литейщик-формовщик Виктор Андреевич Шапошников. Он так же, как и Дадый Иманалиев, из крестьянской семьи. Шапошников — один из активных участников соревнования за досрочную поставку колхозам и совхозам запасных частей к сельхозмашинам.

— Без крепкой и многорукой машины в сельском деле никак нельзя, — говорит Виктор Андреевич. — Недавно я ездил к брату в совхоз «Балашовский», Саратовской области. Александр на тракторе К-700 работает. Отличная машина! Или возьмите наш пресс-подборщик... Тоже силач, и если поглядеть на его работу по-крестьянски, то еще и хороший хозяин! Почему? Да ведь обычный, сметанный вручную стог рыхловат, места занимает много, мышам в нем раздолье, для перевозки таких стогов кузовов не напасешься. А наш сенной или соломенный тюк очень крепкий, тугой. И еще: в срок заготовленные корма — самые ценные, питательные, а на больших площадях такое лишь машине под силу.

...На площадке готовой продукции изо дня в день выстраиваются приземистые, новенькие машины с эмблемой «Киргизстан». В сопроводительных бумажках значится: «Прицепной пресс-подборщик», — а в народе их уже давно с признательностью зовут косарями-богатырями...

СМОЛЕНСКИЕ УКРАСЫ

Н. ТОЛЧЕНОВА
Фото М. САВИНА

...В своем истинно национальном отразить вечное, непреходящее...
В. ВАСНЕЦОВ

Не смея сразу войти, долго стоишь перед сказкой, ожившей среди русских полей и лесов. Словно и сама земля стала сказочным владением берендеев... Это — неповторимое создание рук человеческих, «Теремок» в усадьбе Фленово, или, точнее, Талашкино, под Смоленском.

Насытиться «лепотою», как называли красоту наши предки, невозможно: она тобой завладевает. И если даже ты бывал здесь когда-то, все равно, возвращаясь к «Теремку», воспринимаешь иным, новым, сегодняшним, всегда взрослеющим зрением души его рукотворное чудо. Неопровержимо оно подсказывает тебе, что только работящий и добрый, талантливый народ мог придумать за века своего существования все эти плавные, гармонические пропорции, стройные линии, яркие и веселые детали, чтобы выразить в них свое отношение к миру. Реальность, вещность, высветленные и преображенные вдохновением, кажется, поют гимн самой жизни.

И недаром здесь вспоминаешь Землю берендеев, Снегурочку: великий Чайковский говорил, что музыку создает народ; композитор только аранжирует ее.

Именно этим и славен музей, где древнее народное зодчество и все вообще «украсы» Талашкина аранжированы знаменитыми художниками России. Здесь работали Репин, Васнецов, Рерих, Врубель, Серов, Бенуа, Нестеров, Коровин, Поленов, Грабарь, Малютин, а сама хозяйка, Мария Клавдиевна Тенишева, все свое время и силы, подобно П. М. Третьякову, отдавала искусству. Целью же своей она избрала изучение и воссоздание искусства народного.

Будучи и сама незаурядной артистической личностью, М. К. Тенишева сумела объединить передовые силы русской художественной интеллигенции вокруг любимого ею Талашкина. Приезжавших сюда друзей она поражала широтой натуры, целенаправленностью творческих поисков. Гости Талашкина неизменно бывали вовлечены в деятельную жизнь Тенишевой, и каждый из них участвовал в ее работе по-своему.

По эскизам, рисункам выдающихся художников России в усадьбе строились либо переоборудовались заново старые здания, появлялись все эти замечательные украсы, сохраняющие в своем облике главное: народный замысел. Расписные деревянные балалайки, узорная керамическая посуда, цветная и золототканая вышивка, декоративная резьба по дереву, роспись тканей, наконец, та уникальная мозаика и эмаль, которую многие годы изучала и в конце концов научилась блистательно создавать по народному орнаменту сама Мария Клавдиевна.— да чем только не увлекались в Талашкине! Но это не было забавою «для себя». В этом все они видели большое, настоящее, главное.

Собирая по избам старину, художники умели заинтересовать, увлечь и крестьян. Молодежь окрестных сел охотно работала в художественных мастерских, созданных в Талашкине, умножая богатства музея.

Промчавшиеся годы были к ним безжалостны. Но в целости сохранились бесценные памятники древнерусского зодчества — «Теремок» и небольшая церковь, построенные по проектам С. В. Малютина.

Талашкинская церковь на усадьбе Фленово собственно церковью не была: духовенство категорически этого не разрешило, усмотрев в ней такую же «языческую» сказочность, как и у «Теремка». Роспись же и мозаика, выполненные Н. К. Рерихом, делают эту небольшую, словно игрушечную церковку национальной, подлинно народной драгоценностью. Глубинно, исчерпывающе точно вписалась она в окружающее ее пространство, как и «Теремок». Оба эти редчайших памятника естественно живут среди простой и скромной русской природы. Не кичливо, бережно оттененные ею, они сами становятся выражением ее души.

Видимо, тут-то и нашли великие художники заветный секрет «лепоты» — того очарования, что заложено и не умирает и в характере народа. Собственно говоря, они, все вместе, именно и отыскивали те невидимые следы, те тропы, которые каждый народ прокладывает в веках, постигая свое существование образно, поэтически цельно... Смоленщина давала им в этом смысле многое, ибо исконно русская земля, лежащая на западных границах по пути «из варяг в греки», была хранителем и самой жизни народа и всех его обычаев. Храбрые люди, умевшие защищать свои дома от вражеских набегов, превращали Смоленск в неприступный ключ-город, но не утрачивали при этом ни миролюбия, ни человечности и в те древнейшие времена. Именно эту черту на редкость ярко выражает народное творчество края. Безвестные смоленские умельцы, что бы ни творили их золотые руки: простой оконный наличник или дугу, обливную глиняную крынку, холстинный рушник,— все превращали в предметы искусства и высокого мастерства, радующего глаз красочным узорочьем, простотой и изяществом замысла, кружевной тонкостью исполнения.

Русские же художники прошлого века, защищая народность от всяческих посягательств на нее, а главное, от разрушения, стремились противопоставить вечно живую ее красоту мертвящим увлечениям и декадентским вкусам высшего света. И прежде всего старались сберечь как истинное, непреходящее богатство великие традиции народа. Решительно отвергая стилизацию под старину, они добивались подлинности декора при всей смелости и даже буйстве фантазии, ее форм и красок.

Таковы и есть экспонаты Талашкина. Они и сейчас выполняют одну из самых великих задач времени, не давая пропасть, сберегая для поколений, для новой жизни своего народа самую душу его мироутверждающего, победного творчества, его никогда не сдающуюся веру в свои силы, в будущее.

Конечно, самоотверженные люди не все сумели сберечь, отстоять от захватчиков во время гитлеровской оккупации и особенно в те дни, когда враги побежали вспять, поспешно нагружая поезда и машины чужим добром. Видно, не успели, не смогли разобрать по бревнышку, по камушку «Теремок» и церковку во Фленове, пограбили только коллекции. Но, вот удивительное дело, войдя наконец в «Теремок», мы не ощущаем «бедности» музея. К тому, что удалось все-таки сохранить, прибавились еще и многие другие, новые богатства, собираемые не только работниками музея, но, кажется, всеми людьми этого края.

Вот они-то и есть главное богатство: люди, хранящие дорогие традиции родной земли.

Нынешний «музейный взрыв», мощный всплеск подлинной, не праздной, заинтересованности, сердечного внимания к сокровищам старины — явление радующее. В нем не только современная любознательность, но прежде всего духовная культура... Что, греха таить, есть еще такие музеи, где обнаруживаешь все признаки отжившей «музейности»; они не стали лабораторией живой, духовной нынешней жизни, средоточием красоты сбереженной, собранной из прошлого и деятельно, умно соотнесенной с сегодняшними творческими потребностями народа.

Тем ценней и дороже то, что неисчерпаемые фольклорные глубины Смоленщины обращены навстречу современности. Питают они и сегодняшнюю жизнь. И это несомненная, большая заслуга Смоленского управления культуры, которым руководит Зоя Андреевна Цветкова, человек энергичный, умеющий поддержать всякое хорошее начинание.

Да разве только управление культуры прививает молодежи края любовь к творчеству — и не платоническую, а действенную, результативную, что подтверждается на каждом шагу, многими примерами. Как не порадоваться, скажем, что учащиеся старших классов школы в Талашкине не только пишут сочинения о достопримечательностях своего родного села, но изучают их и знают подробно, серьезно. Когда возле «Теремка» в воскресные дни собирается особенно много посетителей, старшеклассники помогут вести экскурсию. Они рассказывают о богатствах, какими обладают талашкинцы, сдержанно, но очень толково, со скрытой гордостью и волнением. И ведь не только старшеклассники! Пока мы ждали экскурсовода, сторожившая музей молоденькая женщина, с которой мы разговорились, принялась сперва по словечку, а потом все подробней и увлеченнее рассказывать об истории создания музея, о Марии Клавдиевне Тенишевой, чья жизнь до Талашкина вовсе не была счастливою...

Богатствами Талашкина питается и художественная школа в Смоленске. Это учреждение тоже многим замечательно, а больше всего — людьми. Возглавляет школу Юрий Михайлович Грачев, молодой директор, уроженец здешней земли, энтузиаст.

Свою трудовую жизнь Юрий Грачев начинал шофером; он «выходец» из самой «простой» крестьянской семьи (как мы видим, слова эти настолько устарели сегодня, что приходится брать их в кавычки: социальный их смысл ушел в прошлое, отброшен и уничтожен революционной советской действительностью).

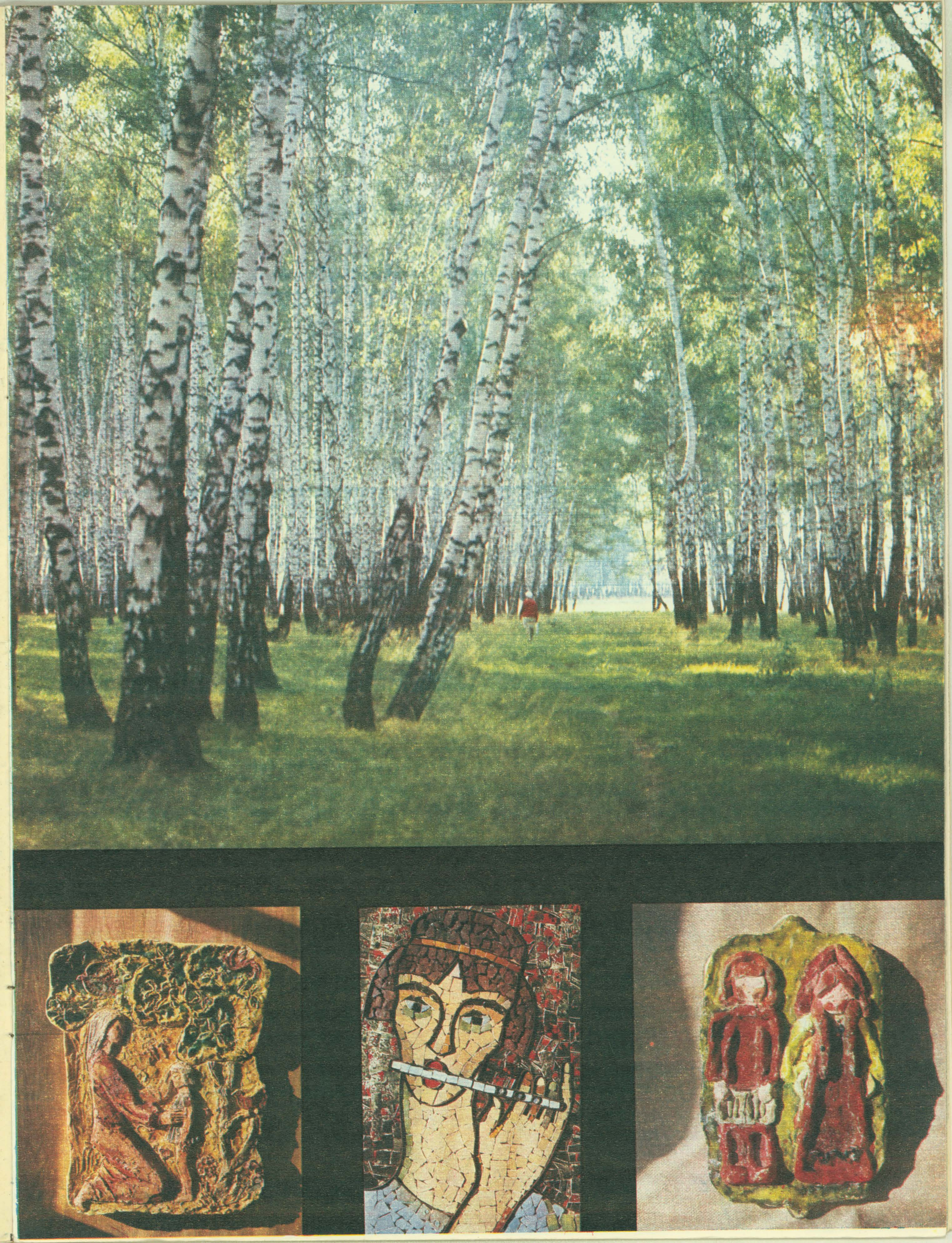
Родители Грачева и сейчас работают в колхозе. А их сын, человек широко образованный и живо мыслящий, по призванию стал работником культуры, прекрасно понимающим главную *современную* нравственную суть своих задач. Научить людей красоте, человечности, сделать их богатыми внутренне — такова программа дел, которые он затевает и осуществляет, как все здесь,— с выдумкой, интересно и разнообразно...

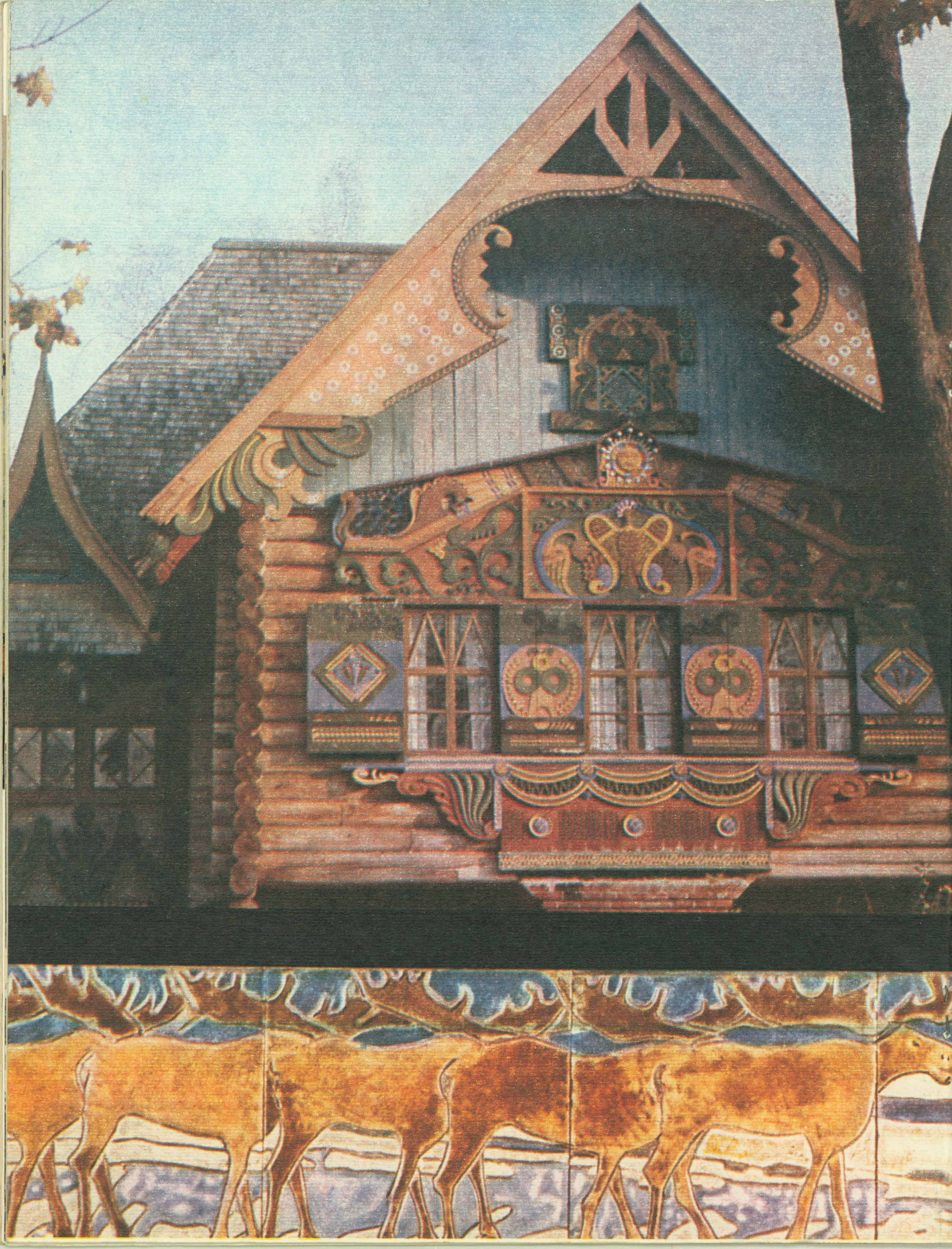
Вот такие-то «музейные» дела Смоленщины... В них жизнь народа вчера. И жизнь народа сегодня.

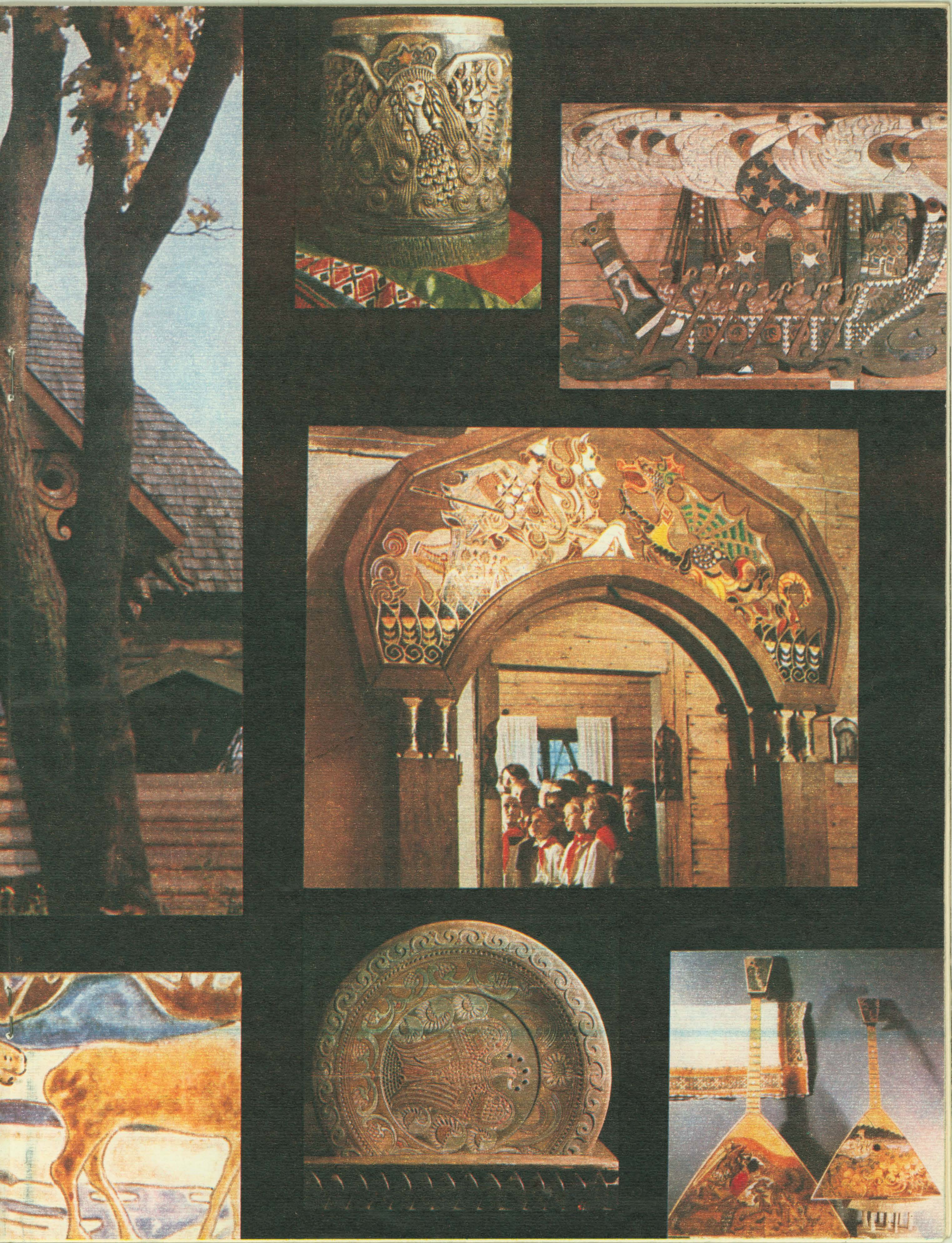
Окрестности Талашкина. * Керамика смоленских студентов.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

«Теремок» и его экспонаты: Керамический фриз «Олени» Н. Рериха. * Короб «Царевна-Лебедь». Резьба и роспись С. Малютина. * «Корабль Садко» — панно. Резьба по дереву талашкинских мастеров. Эскиз С. Малютина. * Дверь с эмалевыми украшениями — работа М. Тенишевой. * Блюдо «Жар-птица» — резьба и роспись С. Малютина. * Балалайки, расписанные М. Врубелем.







За нашу и вашу свободу! Эти слова стали символом боевого братства советского и польского народов, когда они вместе сражались против общего врага — фашизма. Советские солдаты, которым довелось воевать на польской земле, хранят память о мужестве и самоотверженности польских патриотов.

„ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ!“

22 ИЮЛЯ — ДЕНЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОЛЬШИ

А. ГОЛИКОВ

— Здравствуйте! Говорит художник Константин Сергеевич Саркош. — Голос в телефонной трубке был незнакомый, имя тоже.

— Простите, кто? — переспросил я.

— Бывший воздушный стрелок из полка Гризодубовой, гвардии старшина Саркош.

— О! Но ведь ты... — Я чуть было не выпалил «убит еще в сорок третьем»... — Ты в Москве? Приезжай ко мне сейчас же!

В 1942 году в 101-й полк авиации дальнего действия, которым командовала прославленная летчица Валентина Степановна Гризодубова, пришел московский художник Константин Сергеевич Саркош с сыновьями — девятнадцатилетним Борисом и шестнадцатилетним Русланом. Все трое были воздушными стрелками в нашем полку. Их знала вся дивизия. Весной сорок третьего года отец в воздушном бою сбил вражеский истребитель и был награжден орденом Красной Звезды. А вскоре — орденом Отечественной войны.

Не отставали и сыновья. Старший, Борис, прикрепил к своей гимнастерке орден Красной Звезды. Он много раз летал к партизанам Ковпака. Руслан смело воевал в составе комсомольского экипажа, за что и получил благодарность от командующего авиацией дальнего действия.

А потом жена Константина Сергеевича получила одну за другой три похоронные. Первым не вернулся с боевого задания младший, Руслан. Затем в воздушном бою был смертельно ранен Борис. Через две недели не вернулся с боевого задания и глава семьи — старшина Саркош.

Вскоре после этих событий я попал в госпиталь и потерял из виду своих полковых товарищей. И вот Константин Саркош сидит передо мной, рассказывает о том, что с ним произошло тридцать лет назад.

— Мы сбросили бомбы на цель, сделали разворот и попали в прожектора, — вспоминает Константин Сергеевич. — Сразу огонь вражеских зениток стал прицельным. От близких разрывов самолет звенел, как струна. А потом весь содрогнулся, наполнился дымом и пламенем. С обожженным лицом, в тлеющем комбинезоне я выбросился с парашютом. Приземлился неудачно, потерял сознание. Пришел в себя, а надо мной стоят немецкие солдаты.

Кошмарной чередой потянулись дни фашистского плена. Жил надеждой вернуться в полк. Пять раз пытался бежать. Его ловили, жестоко избивали и бросали в карцер. За побеги в общей сложности отсидел в карцере почти два месяца. Точнее, отстоял по колена в вонючей жиже, стараясь только не потерять сознание и не упасть.

— За последнюю попытку вырваться на свободу меня из лагеря перевели в тюрьму в польском городе Сувалки. Режим здесь был строже, охрана усиленная. Поднимали нас до рассвета, строили в колонну и гнали на работу за город. Конвоиры строго следили, чтобы все работали быстро, подгоняли палками. В тюрьму пленных приводили до наступления темноты.

И все же мысль о побеге я не оставил. Фронт приближался. Был на исходе сорок четвертый год. Однажды нас задержали на работе дольше обычного. Когда колонна пленных вошла в город, стало совсем темно. Я решил, что удобный момент наступил. На нашем пути был глухой переулок; когда мы к нему подошли, я попросил товарища загородить меня от конвойного. Он это сделал, и я стремглав бросился в переулок, с разбега ткнулся в забор, перемахнул через него и, попав в какой-то двор, замер. Сзади ни стрельбы, ни криков.

Осторожно вышел на улицу и направился в сторону, противоположную тюрьме. Возле колодца остановился. Гремя ведрами, подошла женщина. Увидела меня — испугалась. Узнав, что я военнопленный и прошу помощи, повела домой. Ее муж — инвалид, потерял ногу на фронте еще в тридцать девятом. Добрые люди покормили, обогрели, но приютить не смогли: к ним часто заглядывали гитлеровцы.

Женщина дала мне старую шапку мужа, свитер и большую краюху хлеба. Я стал благодарить, но она только махнула рукой: мол, у нас, поляков, теперь одна надежда — на Красную Армию. Потом вывела из дома и показала, как найти сарай с сеном, в котором можно безопасно переночевать. Поплутав, я наткнулся на деревянный сруб, набитый клевером. Закопался в него и уснул как убитый. Проснулся от фырканья лошадей и голосов немецких солдат. Думаю, меня ищут, будут прощупывать сено штыками. Но солдаты нагрузили сеном подводу и уехали.

Дождавшись темноты, пошел искать новое пристанище. Всюду были расклеены приказы фашистского коменданта: за укрытие бежавших советских военнопленных или оказание им какой-либо помощи — расстрел. А голод и холод уже изрядно мучили. Остановился возле небольшого домика. В окне горел свет. Заглянул. Человек пять мужчин о чем-то беседуют. Я вошел, сказал, что советский военнопленный. В ответ смущенное молчание. Понял: в помощи отказывают. Я вышел на улицу. Меня догнал парень лет двадцати пяти. «Не обижайся на нас, — по-русски сказал он. — Люди боятся не за себя, а за своих близких. Ведь в случае чего расстреляют всю семью. У себя в доме я тебя тоже не спрячу: ненадежно, — я на примете у немецкой комендатуры».

Парень привел меня в какой-то двор. Посередине стояла сараюшка с сорванной дверью. Парень отодвинул одну доску в потолке и сказал: «Полезай! Мне самому здесь тоже приходилось прятаться». Я залез наверх и оказался как бы на маленьком чердачке. Можно было, скорчившись, сидеть или лежать, подогнув ноги. В темноте я нащупал что-то вроде тюфяка. Парень сходил домой, принес молока, хлеба и ватное одеяло.

На другой день, когда стемнело, Валерий — так звали моего спасителя — принес еду, сена, помог утеплить мое убежище. Двор был проходной. Часто я видел гитлеровских солдат, жандармов. Сначала пугался, потом успокоился: кому придет в голову, что тут скрывается военнопленный.

В том, что Валерий — верный товарищ, я вскоре убедился еще раз. Его дом был хорошо виден из моего убежища. Крыльцо выходило как раз на проходной двор. И вот как-то к Валерию зашли трое немецких солдат и офицер. Они пробыли в доме с час. Потом я увидел, как гитлеровцы вытащили Валерия во двор. Солдаты били его прикладами, а офицер совал в лицо пистолет. Оставив Валерия лежать на земле, фашисты ушли.

Вечером еду мне принесла сестра моего друга. Она рассказала, что, видимо, кто-то на него донес. Гитлеровцы искали сбежавшего военнопленного. Грозя расстрелом, требовали выдать его. Произвели в доме тщательный обыск. И ничего не добились.

Для меня время тянулось нестерпимо медленно. Каждый прожитый день отмечал на стене черточкой. Их было семнадцать, когда стала явственно доноситься артиллерийская канонада. В небе загудели наши самолеты. А еще через три дня вечером послышался гул танковых моторов, затем стали бить минометы, началась стрельба. В городе шло сражение. Я вылез из своего пристанища, побежал к Валерию. Он сказал, что рядом с домом стоит вражеский пулемет, и просил на улицу не выходить. В окно я увидел наших солдат. Выскочил во двор и чуть не попал прямо к немцам. Опять спас Валерий. Он схватил меня за руку и втолкнул в какой-то сарай. Вскоре бой прекратился. Наша атака была отбита, и фашисты удержали город.

Утром ко мне пришел Валерий, как всегда, с хлебом и бутылкой кофе. Рассказал, как гитлеровцы добивали русских раненых. Двух раненых офицеров спрятал у себя его сосед...

Наступила двадцать четвертая ночь. По улице, сотрясая мостовую, прошло самоходное орудие «фердинанд», потом рота связистов. Фашисты оставляли Сувалки. А с рассветом шум боя послышался уже за городом. Впервые я вышел на улицу, не таясь. При виде наших солдат не мог удержать слез. Стрелковая часть остановилась у соседнего дома. Полковник обнимал поляка, который спас его раненых офицеров.

Я тоже на прощание горячо поблагодарил своего нового друга.

В новогоднюю ночь сорок пятого вернулся в свой полк и снова стал воевать воздушным стрелком. Тридцать лет спустя я наконец отыскал адрес своего спасителя. Фамилия Валерия — Богушевский. Жил он тогда на улице Эмилии Плятер, в доме номер три.

— А как твоя жена, здорова? — спросил я.

— Да, Мария Даниловна воспитывает внуков.

— Внуков?

— Ну да! Ведь Руслан-то жив! Он тоже был в плену. После войны служил в Советской Армии. Сейчас работает преподавателем и живет в Москве, недалеко от меня.

На художественно-графическом факультете педагогического института города Смоленска студенты обучаются прикладному искусству.

Василь **КОЗАЧЕНКО**

Рисунок **М. ПЕТРОВОЙ**

Известный украинский писатель Василь Козаченко заканчивает работу над новым романом «Кони вороные». В этом произведении рассказывается о судьбе трех поколений крестьянской семьи Бондарей — с предреволюционных лет и до середины пятидесятых годов. В центре повествования — мать, Докия, сельская труженица, и ее старший сын Трофим — батрак, комсомолец, коммунист ленинского призыва, пограничник, командир партизанского соединения, министр...

В отрывке, который мы помещаем ниже, запечатлен один из эпизодов периода Великой Отечественной войны.

— А вы, пан Данило, теперь, видно, в большие начальники вышли.

Давненько уже она не произносила постылое слово «пан», и оно, казалось, застряло от непривычки на губах. Как-то неловко было его произносить.

А Кислица выпрямился, хмыкнул и пристально, проверяя, не подтрунивает ли она над ним, взглянул на нее исподлобья.

— Оно такая, мамаша, выходит линия,— начал он неторопливо, убедившись, что ей не до шуток.— ...Когда поплывешь против волны, можно и утонуть... Конечно, всякому это без интереса... А я, как пострадавший от большевистской власти, можно сказать... Карьеру жизни они мне как беспартийному закрыли и дальше секретарской службы не пускали. А теперь вышло, что линия моя открыта и моя, выходит, и власть...

Одним словом, Данько настолько уже привык обязательно где-нибудь секретарствовать — в сельсовете, в сапожной артели, на маслозаводе,— а взлет его на должность председателя колхоза был так молниеносно краток, что он и при немцах, как только они пришли, тоже секретарствовал. Но теперь, как «обиженный большевиками», работал он в полиции.

И тут, в полиции, оказалось, что Кислица способен на много большее, что инцидент в

КОНИ ВО

Это было, наверное, самое страшное время в ее жизни. Хотя кто его знает, когда и было труднее! Потому что жизнь ее была очень щедрой на горе!..

Вот уже больше года она жила одна-одинешенька в пустом доме, ей не с кем было целыми неделями даже словом перемолвиться. Жила и убивалась, подобно чайке, которая вывела своих птенцов у торной дороги. В свободное время (потому что ее, несмотря на преклонный возраст, тоже выгоняли на работу в «общественном хозяйстве») сама себе собирала в леваде и на меже всякий сушняк, будылья подсолнечника, ломала дерезу и жала на замерзшей реке камыш. Питалась кое-как — много ли ей нужно!

Никого из детей дома не было, и она не знала даже, где они есть. Не знала и не могла разузнать, живы ли они вообще. И мечтала лишь об одном: еще хотя бы раз, хотя бы на миг увидеть их, а потом уже можно и умереть. Какая же это старая материнская песня и сколько раз уже повторялась она в ее жизни!

По ночам она иной раз до самого утра неспокойно ворочалась с боку на бок — одолевали тяжелые и гнетущие, как глыбы, мысли. Иногда в беспросветной темноте, когда за замерзшими стеклами неистовствовала, завывая и голося, метель, ей начинало казаться, что она сходит с ума. Тогда поднималась, зажигала каганец, пила холодную воду и думала, как бы ей пригласить в хату хоть какую-нибудь живую душу, хоть какого-нибудь малого ребенка. Ей очень хотелось сделать это, но днем неизменно стыдилась просить жену Ильи Одарку, чтобы она отпускала к ней на ночь свою маленькую дочурку, Христю.

Никаких, ни близких, ни даже дальних родичей у нее не было. Единственный двоюродный брат умер еще в тридцать третьем. А со стороны мужа Панаса хотя, кажется, и были родственники, но такие далекие, что с ней уже и не знались. Кажется, если бы не Одарка да не ее маленькая дочь, с которыми она горевала по соседству, можно было бы и в самом деле сойти с ума. И как горько завидовала она сейчас Одарке! Даже ей, чей муж находился где-то на войне, а возможно, и погиб уже давно. Но зато Одарка жила с родным ребенком.

Ни одной души, которая пожила бы в хате и порой отозвалась словом, Докия так и не дождалась.

А вместо этого, примерно в середине зимы, перед Новым годом, к ней неожиданно и неизвестно зачем зашел Данько Кислица.

Он снова был в галифе, теперь уже в обычном, зеленом и заправленном в огромные крестьянские валенки. От него снова, так, словно бы то было лишь вчера, остро разило самогоном. Только теперь он заметно постарел, осунулся и нижняя губа еще больше оттопыривалась и вроде бы даже толще стала.

На голове у него была шапка-ушанка, а на рукаве черного, на вате, пиджака — белая повязка. И на поясе в желтой новенькой кобуре — револьвер.

Вошел — не поздоровался. Не злонамеренно, а просто так, не привык, видно, здороваться или забыл. Прошел к столу, не снимая шапки, важно уселся на скамье, свернул цигарку.

— Ну, так как живем, мамаша? Что хорошего слыхать? — спросил он, прикуривая от медной зажигалки.

— Сами знаете, как мы теперь живем... Перебиваемся, как говорят, с хлеба на квас...

— М-да... Оно, конечно. — Данько глубоко затянулся.— Линия такая,— процедил он, выпуская дым струйкой, и надолго умолк.

Появление этого незваного гостя не столько удивило, сколько насторожило Докию. Ей стало не по себе и чуточку даже тревожно. Он сидел, а она стояла у шестка, думала, что еще скажет, не дождалась и промолвила так, лишь бы не молчать:

колхозе (однажды он избил односельчанина) был не таким уж случайным происшествием. И Данько только теперь надлежащим образом оценили по заслугам. Перевели с должности секретаря и послали из района в родное село старшим, точнее сказать, кустовым полицейским комендантом над пятью полицаями.

Данько еще немного посидел, молча покурил, осматривая комнату, потом, склонив набок голову, долго смотрел на Докию:

— Ну, а тот... Трофим, сказать бы, Панасович... Не слыхать? Вестей о нем не имеете случайно?

У Докии мороз пошел по коже. С трудом переведя дыхание, ответила:

— Где уж там... Хотя бы знать, жив ли... и того было бы достаточно.

— Оно, конечно, — покровительственно процедил Кислица.— Возвращаться сюда ему не резонт.— И многозначительно продолжил: — Человек он, сказать, партейный... Но ежели что, обо мне не сумлевайтесь. На меня, по старой дружбе, как на каменную гору...

Он еще некоторое время посидел, покурил и ушел.

А она после этого не спала несколько ночей. Все думала и ни до чего не могла додуматься. Только сердце подсказывало ей, что здесь что-то не так, что приходил Кислица неспроста. Долго мучилась, колебалась и, наконец, решилась посоветоваться с Одаркой.

Одарку приход Кислицы к Докии напугал и насторожил. Потому что Одарка возле сельуправы дважды слыхала, как называлось имя Трофима. Один раз говорили между собой два полицая, а в другой — она уже и не помнила кто. И оба раза при виде ее умолкали.

Нет, что-то таки за этим было, что-то за этим скрывалось. Вот только Докия никак не могла этого разгадать. Не могла и готовила себя к самому худшему...

И когда через неделю возле ее двора остановилась немецкая машина, она испугалась, но не была удивлена.

Из машины — видела в окно — вышли четверо: Кислица, двое немцев и еще какой-то

РОНЫЕ

нездешний полицай. Один из немцев остался у машины, а трое направились к двери.

Пока вошли в дом, Докия успела подумать, что хуже смерти ей ничего не будет, а смерть для нее не так уж и страшна. Подумав так, она немного успокоилась и встретила пришельцев внешне спокойно и сдержанно.

Вошли — не поздоровались. Немец остановился у порога так и стоял там с автоматом, повешенным на грудь. Он не закрыл за собой дверь (дверь вообще плохо закрывалась, не заскакивала щеколда, и с этим всегда нужно было долго возиться), и в комнату потянуло холодом. Она хотела было попросить, чтобы закрыли дверь, но потом раздумала. Стояла у стола, смотрела на них и ждала, что будет дальше.

Чужой полицай, молоденький, невысокий, с острым, как у воробья, носиком и темными веселыми глазами, одетый в короткую теплую шубку и валенки, остановился возле лежанки и начал с нескрываемым любопытством рассматривать комнату.

Кислица подошел к ней. Теперь он не называл ее мамашей и даже не обратился на «вы». Только и сказал коротко и сдержанно:

— Одевайся, хозяйка, поедешь...

«Куда?» — хотелось ей спросить, но она сдержала себя. «Не буду я у него спрашивать!— сердито одернула себя.— Да и не все ли равно, куда?»

Молча, не спеша и не глядя на них, словно их и в доме не было, обулась в сапоги, которые ей еще перед войной подарил Трофим, надела ватную фуфайку, накинула большой теплый платок.

— А нет ли чего-нибудь потеплее? — вдруг спросил молоденький полицай.

Она промолчала, не хотела с ним разговаривать, ей было все равно.

— И так хорошо будет,— ответил за нее Кислица.

Но молоденький полицай не обратил внимания ни на ее молчание, ни на слова Кислицы. Метнулся по комнате, заглянул под кровать, за печь. Стянул с жерди старый, потертый кожух Панаса, взял ее растоптанные, подшитые кожей валенки, потом подумал и прихватил с постели огромную подушку.

«Зачем она ему?» — подумала Докия, хотя все это ни капельки ее не волновало.

Повернулась и первой, не оглядываясь, пошла из дому. Выйдя из сеней, заперла дверь на засов, подумала, что хорошо было бы попросить Одарку присмотреть за домом, но передумала и, не ожидая приказа, направилась к машине.

Высокий, сухощавый немец нагнул спинку переднего сиденья. Она протиснулась на заднее. Рядом с ней расположился молоденький полицай. Высокий немец сел за руль, а приземистый, краснощекий, с рыжими усами — возле него.

В машине на сиденье лежал еще новый большой кожух, валенки. Прямо под ногами — несколько гранат и что-то похожее на большую винтовку с треногой, как она узнала уже после, ручной пулемет.

Когда все расположились, Кислица встал на подножку возле шофера. Машина фыркнула, тронулась с места и, поднимая за собой снежную пыль, помчалась вдоль улицы.

Еще заметила Докия, что из-за угла своей хаты на нее смотрела застывшими глазами насмерть перепуганная Одарка.

За селом машина на миг остановилась. Кислица спрыгнул на дорогу.

— Ну, будь да не забудь! — не снимая рукавицы, протянул ему руку полицай.

Данько, отворачиваясь, чтобы не встречаться с ней глазами, делая вид, будто и не замечает ее, переступал с ноги на ногу, ждал, что немцы тоже попрощаются с ним. Но краснощекий, с рыжими усами что-то по-своему буркнул, видимо, обращаясь к шоферу, и машина снова тронулась.

Кислица так и остался торчать на снежной дороге.

Докия была твердо уверена, что ее везут в район.

Однако, не доезжая до городка нескольких километров, машина свернула вправо, на большую дорогу, и помчалась на север.

«Куда же это?» — подумала Докия с тревогой. Однако придерживалась того, чтобы ни о чем у них не спрашивать и вообще не разговаривать с ними.

Машина мчалась по необозримой заснеженной степи. Свистел, врываясь под брезентовое прикрытие, встречный ветер, мелькали и огромными полукружьями всплывали по сторонам и уходили назад глубокие снега. В сизовато-синей дымке по обочинам дороги маячили далекие села, леса и перелески.

Только иногда, изредка встречались им одинокие прохожие, сани, которые тащила пара худых крестьянских кляч, что еще загодя съезжали с дороги и застревали в глубоком снегу. Два или три раза они разминулись с большими, крытыми брезентом на железных дугах немецкими грузовиками.

Ехали молча. За несколько часов никто не обронил ни слова. Только полицай порой что-то напевал себе под нос. Немцы курили сигарету за сигаретой. Ехали не останавливаясь, не уменьшая скорости, пересекли несколько сел и только тогда на склоне глубокого яра остановились ненадолго, чтобы заправить машину.

В степи уже сгущались сумерки. Пролетали изредка, кружась и забиваясь под прикрытие, лапчатые снежинки. Воздух, словно бы уплотняясь, становился каким-то фиолетово-розовым и нежно-призрачным.

От наплыва мыслей, которые уносили ее куда-то вдаль и рисовали картины одну страшнее другой, от белого снежного мерцания, шипения колес, шума мотора, запаха бензина и хотя и незаметного, но какого-то тревожного напряжения у нее разболелась голова. Уже давно от неудобного и твердого сиденья устали и окоченели ноги. Холод забирался от кончиков пальцев выше, пронизывал все тело, мягко оседал острыми льдинками где-то в груди. Невыносимым он не казался. Не мешал ни думать, ни дремать.

Наконец, не удерживая тяжелых век, она откинула голову назад и с досадой подумала, что эта езда и все это, видимо, не закончится никогда и она вот так будет ехать все время, до самой смерти. Потом, засыпая, подумала: «Хорошо бы вот так уснуть да уже и не проснуться». Эта мысль показалась ей совсем не страшной, очень привычной и даже щемяще-приятной...

— Мама, не спите,— сказал ей у самого уха молодой голос.— Слышите, мама?

Она вздрогнула от этого неожиданного, давно уже звучавшего «мама», сразу очнулась, раскрыла глаза, вспомнила, где она, что с ней, но не отозвалась. То, что полицай назвал ее мамой, покоробило, оскорбило Докию, и она твердо решила молчать.

На дворе, оказывается, уже наступила ночь. Сбоку, невысоко над полями, висел в воздухе круглый, будто стеклянный шар. Луна была такой огромной, что Докии показалось, будто подобной она никогда в жизни не видела. Снега вокруг заливало мерцающими зеленоватыми волнами призрачного света. И они словно бы и впрямь горбились, изгибались, перекатывались, как вода в весенний разлив. А машина все мчалась и мчалась.

— Мама, сейчас же переобуйтесь и наденьте кожух,— велел полицай.

Она не отзывалась. И тогда он дернул ее за плечи, натягивая на них кожух. Одел, подложил за спину подушку и начал стаскивать с ее ног сапоги. Она не помогала ему, но и не упиралась. Однако потом, уже совсем очнувшись, валенки натянула на ноги сама.

Эта возня прогнала сон. И хотя более теплая одежда и обувь немного согрели ее, остальную часть дороги она не спала.

Ехали еще долго, видимо, за полночь и, наконец, остановились у крайней хаты какого-то села.

Кто и что было в этой хате — не запомнила. Была так утомлена и измучена, что даже от еды отказалась. Ноги у нее подкашивались, а голова шла кругом. Она только не противилась и дала себе влить что-то в рот. Жидкость обожгла ее, забила дыхание и расслабляющим терпким холодом растеклась по всему телу. Докия сразу же прилегла на какую-то солому, прикрылась кожухом и окунулась в теплую, глубокую, мягкую и покачивающуюся пустоту...

Разбудили ее на рассвете, еще затемно.

Она увидела в доме высокую, худощавую женщину и низенького желтобородого старичка. И показалось ей, что они переговаривались с полицаем, будто с давним знакомым. Ее заставили съесть кусочек хлеба с салом и мисочку густого супа. Потом двинулись дальше.

Снова с коротенькими остановками ехали целый день. Немцы лишь изредка говорили между собой по-своему. А большую часть дороги молчали. Полицай все чаще и оживленнее обращался к Докии. Она делала теперь все, что он приказывал. Даже ела, что давали, раз или два.

Под вечер, когда искристое солнце опускалось где-то позади машины, за бело-сиреневые холмы, впереди на фоне прояснившегося, хрустально-голубого неба выросла темная, зубчатая стена леса.

Лес все разрастался, выныривая из-за снегов, и спешил им навстречу. Из темного он превратился в густо-фиолетовый, фиолетовый, и вот уже на темно-синей еловой стене его стали ясно выделяться белые березы.

На изрядном расстоянии от леса, в низком изреженном перелеске, впереди машины неожиданно появился на дороге немецкий солдат с флажком и автоматом, болтавшимся у него на животе.

Машина остановилась. Краснощекий, с усами, оглянулся на полицая и неторопливо вышел на дорогу. Увидев его, тот с автоматом молниеносно и лихо вытянулся, поднял руку вверх — «Хайль Гитлер!» — и заговорил о чем-то громко и торопливо.

Краснощекий тоже взмахнул рукой — «хайль» — и, не отходя от машины, заговорил в ответ. Говорил негромко, степенно. А тем временем из-за кустов, оттуда, где над низкими зарослями ольхи виднелась высокая, сколоченная из свежих досок вышка, к машине подошло еще двое. Поздоровались сдержанно. Краснощекий показал им какую-то бумагу. Белобрысый в белом кожушке и заячьей шапке (видно, старший) взглянул на эту бумажку, повертел ее в руках, возвратил, и когда второй, с новой планшеткой, накинутой на шинель, заглянул в машину, о чем-то расспрашивая шофера, те двое завели неторопливый разговор. Один, видимо, расспрашивал, другой рассказывал, указывая рукой в сторону вышки. Наконец, они, похоже, договорились между собой. Козырнув, краснощекий сел в машину, и они поехали дальше, в направлении вышки.

Ехали вдоль леса, не приближаясь к нему. По узкой, но хорошо укатанной дороге. Ехали

медленно. Миновали еще одну вышку, где их не остановили, а только помахали руками.

Ночь снова застала в дороге. Уже поздно, в густой темноте, перед тем как должна была взойти луна, остановились.

— Тут,— сказал полицай.

Краснощекий, с усами, обернулся и неожиданно заговорил по-нашему:

— А ты хорошо помнишь? Не забыл?

— Забы-ы-ы-л,— протянул полицай, и Докия даже в темноте почувствовала, что он улыбнулся.— Да меня здесь хоть и с завязанными глазами пусти — не заблужусь.

— Все же выйди и посмотри, чтобы нам случайно не застрять.

Полицай вышел из машины и направился куда-то в сторону. Некоторое время его темная фигура виднелась на снегу, а потом скрылась с глаз, будто расплылась.

Когда именно он возвратился в машину, Докия не заметила. Только голос его услышала:

— Давай потихоньку за мной.

Машина свернула в лес и, видимо, шла некоторое время по неглубокой целине. Потом спустилась передними колесами в ров, рванулась, остановилась, буксонула, взревев мотором, дала задний ход.

— Бери вправо и потом мимо березы,— раздался из темноты голос полицая.

Снова некоторое время ехали по целине. Потом под машиной что-то стукнуло раз и вторично. Куда-то провалились передние колеса, потом задние. Потом передние проскочили, а задние снова забуксовали. Натужно ревел мотор. Машина содрогалась, гудела.

— Слезай, подтолкнем... Не страшно,— слышался голос полицая...

Еще два-три рывка, разгон — и машина, промчавшись какое-то расстояние по целине между кустами, ударившись колесами и днищем о какую-то преграду, остановилась среди высоких деревьев.

— Теперь прямо вдоль этого орешника,— сказал полицай, влезая в машину.

Тронулись. И в тот же миг где-то совсем неподалеку раздался выстрел, вспыхнул зеленый свет и вокруг пугливо заплясали, закружились черные тени.

И только теперь Докия насмерть перепугалась. А те трое молчали, будто ничего и не случилось.

Через минуту в ту сторону, куда они ехали, метнулась вторая ракета. Потом прогремело несколько коротких, кажется, пулеметных очередей. В лесу, между деревьями, их трескотня утроилась оглушительным эхом.

Машина мчалась между высокими и стройными стволами сосен.

Спутники Докии молчали, как онемевшие.

Ехали лесами почти до самого утра. Остановились в каком-то небольшом селе. В тускло освещенной избушке, когда они вошли туда с полицаем, его встретили как своего человека. Заспанный старичок в длинной полотняной сорочке весело воскликнул:

— О, смотри! Честное слово Захарка!.. Откуда ты взялся?!

— А с неба упал.

— Нет, в самом деле... Как это вы сюда прорвались?

— Прямехонько, через заставы,— смеялся Захарка.— Еще и приветствовали нас. Знаешь, как это они делают: «Хайль!..»

В этой избушке они переночевали и потом отдыхали до вечера.

Жили в этом доме старик и молчаливая, сухонькая, но подвижная старушка. Днем заходили еще какие-то люди. Почти все они узнавали Захарку, расспрашивали, где был да что видел, сокрушались, что совсем нет соли, разговаривали о немцах, партизанах, частенько вспоминая какого-то Орлюка.

Немцы вместе с машиной куда-то исчезли, и Докия никогда больше так их и не увидела.

А когда стемнело, появился Захарка и сказал:

— Ну, мама, поедем дальше.

Теперь они ехали на старой санях, которые тянула тонконогая, с огромным животом буланая лошаденка.

Ехали только вдвоем. Захарка помахивал кнутом, иногда насвистывал какую-то песенку, справлялся, удобно ли ей сидеть.

Она немного ехала, немного шла за санями, чтобы согреться. Захарка, шагая рядом, шутил:

— Ну, мама, смотрите мне, да не убегите ночью к партизанам.

Впервые за всю дорогу она скупо улыбнулась. Знала уже почти наверняка, что никакой он не полицай, но понять до конца ничего не могла и только теперь спросила:

— Куда же ты везешь меня, разбойник?

— Э-э-э! — расхохотался Захарка, с разгона усаживаясь на сани. — Раз уж до сих пор не сказал, то теперь немного потерпите.

— Да зачем я такая тебе или кому там понадобилась, чтобы со мною еще и возиться?

— Э-э-э! Кому-то, видать, нужны!

— Да ты ведь меня впервые видишь. Даже кто я есть, не знаешь.

— Зна-а-а-ю,— смеялся Захар.

— И кто же я?

— Мать!

— Мать,— пожала она плечами.— Верно, что мать, да не твоя.

— Все равно! — крайне довольный, продолжал шутить парень.— Все равно, чья-то да есть...

Еще раз передохнули в каком-то селе. И снова Захарку встречали там как хорошо знакомого. Выехали еще засветло. Санки тянула уже какая-то другая, мохнатая, как овца, лошадка. В темноте пересекали скованную льдом большую речку. Въехали на крутой бугор и дальше пробивались густым лесом, еле заметными, известными лишь одному только Захарке узкими лесными дорогами.

Докия заметила, что Захарка как-то словно бы подтянулся, умолк. Время от времени заботливо спрашивал:

— Ну, как вам, мама? Не замерзли? Скоро будем на месте!

Но ехали они еще долго. Взошла луна, а они все двигались между стволами старых елей и сосен. Несколько раз их неожиданно, прямо в лесу, останавливали какие-то люди, о чем-то негромко переговаривались с Захаркой. И почти все как своего, давно знакомого, поздравляли с возвращением. Поздравляли искренне, радостно.

А Захарка становился все более неспокойным. Стал непривычно суетливым, возбужденным. Все чаще и чаще переспрашивал:

— Как вы там?.. Не замерзли? Вот-вот уже... скоро-скоро!..

Спустились в овраг, поднялись негустым мелколесьем по крутому склону и внезапно остановились в тени огромного, развесистого дуба, который не успел еще сбросить свой шершавый от мороза медный наряд.

— Вот мы, мама, и приехали,— сказал возбужденно-весело, но почему-то шепотом Захарка.

Она оглянулась вокруг и ничего, кроме кустов, деревьев, снега и луны в чистом зеленоватом небе, не увидела.

Неподалеку вздрогнули и вдруг отделились от деревьев какие-то тени. Вытянулись, упали на снежную опушку, сократились и стали людьми.

— Захарка? Ты?.. Здорово!

— Ты откуда взялся?

— А с неба упал,— повторил свое довольный Захарка.

Молодые вооруженные хлопцы, одетые кто во что, окружили Захарку, присматривались к Докии.

— А это кто с тобой?

— Так...— уклонялся тот от прямого ответа.— К Орлюку, одним словом... Он у себя?

— Да, у себя... Сказать ему?

— Нет, я сам... Пошли, мама.

Прошли с десяток шагов, и перед ними неожиданно возникло небольшое рубленое строение. «И как только я не заметила сразу?» — удивилась Докия. А Захарка шагнул неслышно обутой в валенок ногой на низкий порог.

— Сюда, за мной, мама,— сказал шепотом. И она почувствовала, что парень волнуется.

Тихо открылась сенная дверь, пересекли тесные, темные сенцы, открыли дверь в комнату и остановились. Захарка немного впереди, а Докия у него за спиной.

В лицо щекочуще ударило щедрым домашним теплом, а в глаза, привыкшие к ночным сумеркам,— светом. В комнате горела большая керосиновая лампа.

Освоившись, Докия осмотрела просторную, с низким потолком комнату. Лампа висит под матицей и освещает длинный, сколоченный из шершавых досок стол. На столе — газеты, несколько книжек, еще какие-то бумаги. Дальше, по ту сторону стола, широкие полати или нары, и на них кто-то спит. По стенам на гвоздях развешана одежда, шапки, оружие.

За столом, спиной к двери, в зеленом военном ватнике внакидку сидит кряжистый мужчина. Опершись локтями на стол и охватив голову руками, он что-то внимательно рассматривает или, возможно, читает.

Захарка косит глаза на Докию, зачем-то прикладывает пальцы к губам, широко и както странно улыбается. Потом набирает полную грудь воздуха, вытягивается и полушепотом произносит:

— Товарищ командир!

Мужчина резко, торопливо оглядывается на голос Захарки, да так и застывает, сидя с неудобно поднятой головой. И зеленый ватник постепенно сползает у него с плеч.

С пожилого, усатого и незнакомого лица на Докию смотрят застывшие от удивления и неожиданности родные, дорогие глаза.

Какую-то минуту в доме стоит такая напряженная и такая глубокая тишина, что слышно, как тихонько шипит и потрескивает фитиль в лампе.

— Мама?!. Вы?!.— наконец тихо то ли вздыхает, то ли спрашивает, то ли утверждает мужчина.

Но Докия этого уже не слышит, у нее вдруг больно сжимается сердце, горячая волна оглушительно бьет в виски и голову, что-то начинает распирать так, будто она стала пухнуть. Свет перед глазами померк, в ушах зашумело, лампа быстро поплыла куда-то в сторону, и Докия стремглав полетела в темную и бурлящую бездну...

...Когда пришла в себя, почувствовала, что лежит раздетая в тепле, на чем-то мягком. Сквозь прикрытые веки пробивается желтоватый свет. А откуда-то сбоку доносится, словно сквозь вату, потом все более отчетливо и выразительно, взволнованные голоса. И кто-то держит в своей ее руку.

...— Ты что, совсем ничего не сказал ей? — слышит она и сразу же узнает голос Трофима.

— Так я же хотел как лучше,— оправдывается Захарка.— Сначала нельзя было говорить, а потом дай, думаю, сделаю и вам и маме неожиданную радость...

— А вот сделаю я тебе неожиданную радость,— резко произносит Трофим,— да, несмотря на все твои заслуги, возьму и пошлю на целую неделю картошку чистить.

— Товарищ командир! — обижается Захарка.— Хотелось же как лучше! От чистого сердца. Другие только похвалили бы, а вы!..

— Так и я от чистого сердца,— уже мягче и, наверное, улыбаясь, говорит Трофим.

Докия сразу вспоминает все. Ей хочется заговорить, взять Захарку под защиту, но она почему-то не решается. Ей стыдно подавать голос. Ведь это, пожалуй, впервые в жизни стряслось с нею такое. Потеряла сознание, будто какая-то барыня. Стыдно за себя, стыдно перед сыном, которого тоже, видимо, осрамила перед чужими, подчиненными ему людьми. И Докия некоторое время так и лежит, не раскрывая глаз, вслушиваясь в дорогой, родной голос сына, который она так давно не слыхала. Лежит неподвижно. Только из-под ресниц, из закрытых глаз скатываются и неслышно стекают по ее морщинистым, обветренным на морозе щекам обильные теплые слезы. Она чувствует себя непередаваемо счастливой и плачет сладко и неудержимо, как маленький ребенок, который просто не знает, что делать со своим таким огромным счастьем, что даже страшно от него становится. И ей так хорошо, так ясно на душе, как бывает в детстве, в материнских теплых объятиях. Верилось и не верилось, что он, ее Трофим, ее старший, стоит вот здесь, рядом. Достаточно лишь открыть глаза, и она увидит его... Но она не решалась раскрыть веки, боялась, чтобы все это не оказалось вдруг только сладким сном...

Авторизованный перевод с украинского И. КАРАБУТЕНКО.

УВЛЕЧЕННОСТЬ

Во многих произведениях Василия Чичкова героями выступают мальчишки. Есть у него повесть «Трое спешат на войну», посвященная московским ребятам, добровольцам ушедшим на фронт. И это не удивительно, если вспомнить, что сам автор оказался в семнадцать лет в суровом круговороте войны. Тогда, в 1942 году, он командовал взводом разведчиков на Воронежском фронте, тогда же награжден орденом Красного Знамени, был ранен.

Кончилась война, В. Чичков стал журналистом, а в 1958 году вышла его первая книга — «Под созвездием Южного Креста».

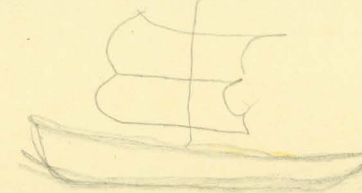
В. Чичков вошел в литературу с латиноамериканской темой — на этом «огненном» континенте он работал собственным корреспондентом «Правды». С большим интересом читаются его книги: «Пепе — маленький кубинец», «Заря над Кубой», «Остров отважных ребят», «Мексиканские рассказы». Документальные произведения Чичкова отличаются точностью характеристик, объемностью человеческих образов, яркостью деталей.

Как-то в шутку я сказал ему: «У тебя почерк артиллерийского разведчика: ясное видение помогает точно определить цель и взять ее в вилку!» Он достал с полки свою книжку «Шаги по чужой земле» и отчеркнул в предисловии: «В дальней дороге по чужим странам всегда встречаешь много новых людей. Одни удивляют, другие огорчают, третьи радуют или просто будоражат воображение. Возвратясь домой, эти встречи не забываешь. Вдруг вспоминается человек, его слова, поступки, и напрашивается сравнение нас и их, живущих за рубежом, нашего и их отношения к жизни и ко всему, что происходит вокруг. За каждым из этих рассказов стоит человек, который до сих пор памятен мне».

В последнее время писатель совершил ряд поездок на крупнейшие стройки Сибири. В его блокноте появляются записи: Иркутск, Братск, Красноярск, Ангарск, Ачинск... В результате выходит повесть «Эти непослушные сыновья», удостоенная премии на Всероссийском конкурсе 1972—1974 годов на лучшее литературное произведение для детей и юношества.

Сегодня Василию Чичкову пятьдесят. На столе — только что вышедшее издание его популярных у подростков повестей, новая пьеса «Неоконченный диалог», напечатанная в журнале «Театр». А под пером уже рождаются строки будущих произведений.

Вадим КАССИС



Виктор ВАСИЛЬЕВ

Фото А. БОЧИНИНА

СЕРЬЕЗНАЯ ДЕВЧОНКА

Теннис, отметивший в прошлом году свой столетний юбилей, — один из самых популярных видов спорта. Первый в мире по темпам развития в последнее двадцатилетие и по масштабам международных связей (ежегодно проводятся сотни международных турниров на всех континентах) — таковы официальные данные ЮНЕСКО.

Растущая популярность тенниса легко объяснима. Наука ставит теннис в пятерку видов спорта, дающих наибольшую и всестороннюю нагрузку. В то же время в теннис можно играть для сохранения здоровья и творческой бодрости.

В нашей стране теннис давно уже перестал быть спортом избранных. Наряду с Москвой и Ленинградом, Киевом и Тбилиси новыми теннисными центрами стали Минск, Донецк, Баку, Днепродзержинск, Северодонецк, Салават и многие другие города.

Сегодня мы печатаем очерк о выдающейся советской спортсменке Ольге Морозовой, сумевшей стать одной из сильнейших теннисисток мира.

Когда в 1958 году советские теннисисты впервые выступили на Уимблдонском турнире — неофициальном первенстве мира на травяных кортах, то законодатели мод — австралийцы и американцы — единодушно высказали довольно мрачное пророчество.

Чтобы победить игрока австралийской десятки, заявили на пресс-конференции эти знатоки, советским мастерам понадобится 20—25 лет, и то при условии, что с ними будут заниматься австралийские или американские тренеры.

Нашелся, правда, крупнейший авторитет, которого покоробил этот снобизм. Англичанин Фред Перри, трехкратный победитель Уимблдонского турнира, заявил, что через десять лет советские теннисисты будут выступать в финале Уимблдона. Его назвали в некоторых газетах сумасшедшим, но, представьте, Перри не ошибся ни на один год! В 1968 году Ольга Морозова и Александр Метревели пробились в финал Уимблдона в смешанном разряде. Хотя они тогда и уступили корифеям мирового тенниса Маргарет Смит-Корт и Кеннету Флетчеру, но лишь в итоге упорнейшего сражения (счет второго сета был 11 : 13!).

Вскоре после этого я встретился с Перри — гостем Московского международного турнира — и спросил, что позволило ему сделать такой безукоризненный прогноз.

— Уверенность в том, что если русские чего-то всерьез захотят, то обязательно своего добьются!..— ответил он и добавил: — Я видел, что ваши тренеры и спортсмены захвачены идеей догнать теннисных корифеев Запада. Это ведь очень важно, чтобы теннисист был одержим желанием хорошо играть...

В 1970 году Морозова с Метревели вновь стали финалистами Уимблдона, а три года спустя Метревели вышел в финал Уимблдона и в одиночном разряде. Казалось бы, чего же боле?

Но если быть откровенным до конца, некоторые основания для недовольства все же были. И Метревели и особенно Морозова, выиграв у очень сильного соперника, могли затем проиграть сравнительно слабому или, во всяком случае, выступить ниже своих возможностей. В открытом первенстве Франции, неофициальном первенстве мира на земляных кортах, Морозова в 1972 году встретилась с француженкой Франсуазой Дюрр. При всем том, что манера игры Дюрр очень неудобна для любой противницы, было очевидно, что Морозова с ее резко наступательным стилем сильнее француженки, но победила Дюрр — упорством, цепкостью, умением бороться за каждое очко, особенно ключевое, выигрышное.

Словом, искусством игры экстра-класса наши лучшие мастера тогда уже владели, искусством же выигрывать у сильнейших — еще нет. И только тогда, когда Морозова стала ежегодно выступать, помимо других соревнований, в серии австралийских и американских турниров, количество перешло наконец в качество, и одна за другой капитулировали перед ней знаменитые теннисистки: пятикратная победительница Уимблдона американка Билли-Джин Кинг, австралийка Ивонн Гулагонг, американки Роузи Казалс и Джюли Хэлдмен, голландка Бетти Стоув и ряд других известных мастеров. А в прошлом году Ольга Морозова вышла наконец в финал Уимблдона и в мировой классификации впервые попала в четверку сильнейших (в некоторых классификациях ей отводилось даже почетнейшее второе место!).

Лишь после этого официального признания у нас раскрылись глаза, и советские любители тенниса с приятным изумлением убедились в том, что Ольга Морозова оказывается заметной величиной мирового тенниса, одна из самых сильных теннисисток всех континентов, в том числе, хочу не без тайного злорадства заметить, австралийского и американского.

— Знаете, — как-то призналась мне Морозова,— я всегда была какая-то правильная, образцово-показательная, что ли...

Оля хорошо училась, слушалась учителей и родителей, всегда была чистенькая, аккуратная и все,

все безропотно выполняла. Она не могла позволить себе хоть в чем-нибудь провиниться. Тренер и духовная наставница Морозовой, а теперь уже и преданный друг Нина Сергеевна Теплякова вспоминает, как однажды ее удивило, что 13-летняя Оля занимается не так сосредоточенно, как обычно. И вдруг девочка разрыдалась: «Я не спала всю ночь, вчера поссорилась с мамой!..»

Вместе с чуткостью, рассудительностью, самодисциплиной девочке свойственна была повышенная эмоциональность, горячность, внешне проявляющая себя в быстрой, возбужденной речи, в порывистости движений, нетерпеливости.

Тепляковой очень помогли послушание девочки и ее взрывной темперамент. Нина Сергеевна навсегда привила спортсменке уважение к физической подготовке. Морозова и сейчас неутомима в тренировках. Она одна из самых быстрых и выносливых теннисисток в мире. Когда американка Кинг, проиграв в начале прошлого года Морозовой, встретила ее затем летом в Уимблдоне, она с улыбкой сказала Ольге: «Знаешь, на сколько я похудела? На пять килограммов! Теперь ты меня не перебегаешь!» Но и пять сброшенных килограммов не помогли.

Живость темперамента, порывистость как нельзя лучше пригодились при освоении наступательного стиля. Стихия Морозовой, чему она опять-таки должна быть благодарна Тепляковой, — это агрессивная игра с лету, ведущаяся в быстром темпе, со стремительными выходами к сетке.

Но, как и все у Морозовой, этот стиль, хотя она рождена именно для такой игры, дался ей не сразу, а после мучительных срывов.

Поздним летом 1965 года шестнадцатилетняя Морозова впервые выступила в чемпионате страны. Она приехала в Харьков героиней Уимблдона: дебютируя там в турнире девушек, она неожиданно заняла первое место, а во всесоюзной классификации... числилась на 87-м месте. И вот, в первом же круге встретившись с Ириной Рязановой, в ту пору одной из сильнейших советских теннисисток, Оля добилась победы (в решающем сете 6 : 0).

Следующей соперницей Ольги Морозовой была бакинка Алла Сорокина, теннисистка средней силы, игравшая в откровенно защитном стиле, но зато на редкость упорно. Именно против такой соперницы Морозовой надо было играть, не изменяя своему стилю, своей индивидуальности. Но по неопытности она допустила большую ошибку — дала вовлечь себя в тягучий, монотонный обмен мягкими ударами с задней линии. Игра невыносимо затянулась. Мяч, случалось, при розыгрыше одного очка перелетал через сетку более 130 раз — и в результате поражение.

Когда ошеломленная проигрышем Морозова сидела в раздевалке, проходившая мимо Галина Бакшеева с присущей ей прямотой бросила: «Так тебе и надо! Девчонка — и качаешь...» Бакшеева имела право так говорить: она всегда была смелой.

Вся в слезах, Морозова там же, в раздевалке, поклялась Нине Сергеевне, что больше так трусливо никогда играть не будет. А спустя год, на очередном чемпионате страны — в Алма-Ате, Морозова, опять выигравшая в Уимблдоне турнир девушек, преподнесла очередной сюрприз — стала вдруг второй мяч подавать ударом снизу. Никогда не забуду, как я был изумлен, когда в матче с Бакшеевой Морозова вдруг перешла на низкую подачу, но сидевшая рядом Теплякова, сунув в рот таблетку валидола, подтолкнула меня локтем: дескать, помалкивайте, потом все объясню.

Оказывается, тем летом у Морозовой пропала подача. Такое иногда бывает — когда подачу начинают перестраивать, а то и просто на нервной почве. При атакующем стиле Морозовой играть без сильной подачи невозможно. Девушка была страшно угнетена, но ничего не могла с собой поделать. И тогда Теплякова посоветовала своей любимой ученице подавать снизу.

Это была своего рода психотерапия, придуманная Тепляковой для освоения мощной подачи. Хитрость целиком оправдала себя. Спустя некоторое время Морозова «поймала» наконец подачу, а затем постепенно усилила игру с задней линии, которая до того долго была ее уязвимым местом. И тогда начал четко обрисовываться облик нынешней Морозовой — теннисистки острого, наступательного, темпового стиля, современного в теннисном понимании и вообще отвечающего духу нашего быстрого, беспокойного времени.

Сильно пробить подачу и помчаться вперед, чтобы застичь ответный мяч в воздухе и послать его в один из дальних углов корта, а потом добежать вплотную к сетке, и, подрезав мяч ювелирно точным движением, направить его вдоль сетки, и заставить соперницу лишь беспомощно проводить его глазами — это Морозова!

В упоминавшемся выше разговоре Перри выразил убежденность в том, что современный теннис с его богатством вариативных технических и тактических возможностей — это проблема индивидуальности. Теплякова проникновенно разгадала проблему индивидуальности Морозовой, этой «серьезной девчонки», рассудительной и порывистой, благоразумной и всегда готовой на риск, и, взращивая в ней оба эти начала, воспитала выдающегося мастера тенниса.

От Нины Сергеевны у Ольги Морозовой и многие другие, чисто человеческие качества — не зря она на праздновании 70-летия любимой наставницы назвала ее своей «второй мамой». Теплякова в прошлом была танцовщицей, и Ольга обожает балет и сама превосходно танцует (танцы входят в программу ее физической подготовки). Теплякова научила ее вязанию — это занятие очень успокаивает нервную систему. Теннис не заглушил в Морозовой и другие присущие женщине пристрастия. Она, например, превосходная хозяйка.

Но как преображается Оля на корте! Она очень сильна в стремительных атаках, но и замысловатые комбинации тоже представляют одну из наиболее привлекательных черт ее теннисной индивидуальности. Морозова очень ценит в теннисе мыслительное начало, которое позволяет сравнивать теннисный матч с шахматной партией. Вот почему она так не любит проигрывать Крошиной и в то же время любит с ней играть, ибо не устает восхищаться тем, как искусно та действует тактически, как гибко приспосабливается к соперницам, как по-разному разыгрывает не только сет или даже гейм, но порой и очко.

Но почему, став трижды подряд чемпионкой страны (1969—1971 годы) и продолжая все успешнее выступать в крупнейших международных турнирах, выигрывая у игроков мировой десятки, Морозова затем стала терпеть поражения от советских теннисисток? В 1972 году она проиграла Крошиной в чемпионате Европы, а Бирюковой — в чемпионате СССР. В следующем первенстве страны потерпела поражение от Крошиной, а в международном московском турнире 1974 года — от шестнадцатилетней Наташи Чмыревой. Что это за странная закономерность?

Конечно, неудачи Морозовой дома прежде всего объясняются тем, что в отличие от нашего мужского тенниса лидер здесь не одинок: целая группа одаренных теннисисток, в первую очередь Марина Крошина и совсем еще юная Наташа Чмырева, старается во что бы то ни стало доказать, что ни в чем не уступает первой ракетке.

И все же во многом это от той же самой ее «правильности». После побед над звездами мирового тенниса Морозова убеждена, что она просто обязана выигрывать у менее сильных соперниц, что в этом ее спортивный долг. Нужно ли доказывать, как мешает такая убежденность?

Но такие психологические издержки с лихвой окупаются, и не только в моральном, но и в чисто спортивном плане. С Морозовой, например, очень любят играть в паре. И отнюдь не только потому, что она с ее коронными ударами с лету — прирожденный парный игрок. Рассудительность, справедливость позволяют ей держаться безукоризненно корректно с партнерами и, что еще важнее, понимать, а значит, и прощать им неизбежные в парной игре эмоциональные всплески.

Александр Метревели — парный игрок, очень требовательный, с трудом скрывает свое разочарование в момент явных промахов партнера и даже партнерши. Играть с ним поэтому непросто. Но Морозова, играя с Метревели, никогда не забывала о том, какая огромная ответственность лежит на лидере нашего тенниса, которому, помимо борьбы в турнирах с сильнейшими теннисистами всех континентов, приходится еще и брать на себя львиную долю тяжести в матчах на Кубок Дэвиса — командном первенстве мира. Да и потом Ольга быстро разгадала, что за укоризненными взглядами темпераментного Метревели скрывается добрая душа, что он вовсе не думает обидеть ее. И между ними, как выразилась сама Морозова, установились «потрясающе дружеские отношения».

В высшей степени закономерно и то, что Морозова давно уже стала заманчивой парной партнершей. Первой сделала ей лестное предложение Маргарет Корт, а потом Ольгу приглашали играть с собой почти все игроки мировой десятки: Роузи Казалс, Вирджиния Уэйд, Крис Эверт, Лесли Хант, Бетти Стоуве, Ивонн Гулагонг, Джюли Хэлдмен...

Минувший год ознаменовался крупнейшим успехом Ольги Морозовой: первой из советских теннисисток она стала финалисткой Уимблдонского турнира.

После того, как Морозова победила довольно сильных австралийских теннисисток Пейш и Крантцке, ею овладело спокойствие: она попала в восьмерку, это уже здорово, и ее не волновала предстоящая встреча с пятикратной победительницей Уимблдона Билли-Джин Кинг. А когда уже в первом гейме Ольга увидела, что соперница нервничает, что у нее не ладится подача, она поверила в свой успех. Главное же, Морозова с удивлением и радостью увидела, что не уступает Кинг ни в скорости игры, ни в ударах с лету и явно превосходит в точности подачи. И она выиграла в двух сетах, красиво и заслуженно.

Итак, впервые в жизни Морозова попала в полуфинал Уимблдона. Теперь ее ждала встреча с англичанкой Вирджинией Уэйд, несомненно, менее грозной соперницей, но тут возникла особая ситуация. Уэйд тоже впервые в жизни попала в полуфинал, но с тринадцатой попытки! К тому же считалось, что ей повезло. Кинг выбыла из игры, и вся спортивная Англия надеялась, что Уэйд станет финалисткой Уимблдона.

В день полуфинала то и дело припускался дождь. Теннисисток семь раз вызывали на центральный корт! Только в четвертом часу (вместо двенадцати) матч наконец-то начался.

В первом сете 28-летняя Вирджиния Уэйд, высокая, худая брюнетка, играла так, как никогда в жизни. Ее подача была неотразима, а ударами и справа и слева англичанка посылала мяч точно по боковым линиям. Морозова почти не делала ошибок, но чувствовала себя совершенно беспомощной и проиграла первый сет всего за 15 минут — 2 : 6!

И все же она не испытывала растерянности. Волшебство в теннисе недолговечно: именно потому, что Уэйд действовала слишком уж хорошо, Ольга надеялась на то, что ей удастся переломить ход игры.

Между тем ураган атак англичанки не ослабевал: во втором сете она вела 4 : 2 на своей подаче. Казалось бы, исход встречи предрешен. Но тут и наступил момент, которого так ждала Морозова. Седьмой гейм длился очень долго. А потом Ольге удалось выиграть два очка, которые, как потом сказала Кинг, были самыми важными в матче.

При счете «ровно» Уэйд с силой направила мяч под левую руку Морозовой и выбежала вплотную к сетке. Ольга отбила мяч высокой свечой. Уэйд помчалась назад, но было уже ясно, что мяча ей не догнать — весь вопрос был в том, не упадет ли он за границами корта. Нет, мяч упал на площадку — «Меньше!». В ходе розыгрыша следующего очка Морозова из трудного положения выкинула Уэйд под правую руку очень легкий мяч. Будь он чуть потруднее, англичанка, возможно, выиграла бы очко, но мяч был слишком удобен... Уэйд подбежала, размахнулась и, решив прикончить мяч неотразимым крученым ударом, послала его... далеко за боковую линию.

Вот тогда-то в борьбе и наступил долгожданный перелом, вознаградивший Ольгу Морозову за ее упорство. Она перехватила инициативу и выиграла сет со счетом 7 : 5, а затем и решающий — 6 : 4. Англичане, так горячо желавшие удачи своей соотечественнице, устроили Ольге овацию. Вирджиния Уэйд рыдала в раздевалке...

В финале Морозова проиграла американке Крис Эверт.

— Тут нужен был совершенно особый опыт, — рассказывала Морозова, — а у меня его не было. Вместо ракеток я несла два присланных мне больших букета цветов — такова непререкаемая традиция Уимблдона. Я чуть не упала с цветами, спускаясь по лестнице. Потом я кланялась и делала реверанс королевской семье — такое тоже приходится делать не каждый день. Главное же, надо было забыть, что я играю в самом ответственном матче, какой только бывает в жизни теннисистки. А вот этого-то сделать я и не смогла...

Да, для этого нужен был совершенно особый опыт. Теперь он у Морозовой есть.

Бор. ЛЕОНОВ

О ВСЕРОССИЙСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ «ПОДВИГ»

СВЕТ ПОБЕДЫ

Как всенародный праздник отметили советские люди 30-летие со дня победного завершения Великой Отечественной войны, которая явилась целой эпохой в жизни нашего народа. В свете победы над фашистской Германией яснее и отчетливее открываются и славные свершения советской литературы, связавшей с момента рождения в пламени революции и гражданской войны свою судьбу с судьбой народной. В лучших ее произведениях оказались органично, художнически вдохновенно запечатленными героизм, подвиг как норма поведения нашего человека и в труде и в бою. Это убедительно подчеркнула своим тематическим единством Всероссийская библиотека «Подвиг», начавшая выходить с 1971 года в издательствах Российской Федерации по решению Госкомиздата РСФСР и секретариата Союза писателей РСФСР.

Издание библиотеки еще не завершено, но уже вышло около ста книг — романов, повестей, сборников поэм и стихотворений. Собранные вместе, они представляют внушительную летопись борьбы и побед нашего народа и через сердца современников передают в будущее эстафету героики прошлого. И в этом, думается, назначение Всероссийской библиотеки «Подвиг».

Составители стремились как можно шире представить художественную панораму народного подвига, не беря за основу принцип хронологии. Наряду с такими произведениями, как «Железный поток» А. Серафимовича, «Мятеж» Д. Фурманова, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Сорок первый» Б. Лавренева, «Кочубей» А. Первенцева и другими, о беззаветной стойкости бойцов революции и гражданской войны рассказывают опубликованные в библиотеке «Необыкновенное лето» К. Федина, «Сердце Бонивура» Дм. Нагишкина, «Соленая Падь» С. Залыгина, которые создавались значительно позднее. Правда, не значатся пока что в числе вышедших поэтические сборники Н. Тихонова «Орда» и «Брага», «Падение Даира» А. Малышкина, «Донские рассказы» М. Шолохова, «Рассказы Ивана Сударева» и военная публицистика А. Толстого но, видимо, они тоже появятся в этой серии.

Открывается библиотека знаменитым «Разгромом» А. Фадеева, романом, который вместе с «Чапаевым» Д. Фурманова и «Железным потоком» А. Серафимовича стал своеобразной точкой отсчета в освоении пластов героического молодой советской литературой.

Свет исторической правды, великая сила движения народных масс, воплощенные в немеркнущих образах коммунистов, патриотизм и интернационализм наших людей, запечатленные в творчестве выдающихся советских художников, звали к подвигам, готовили к грядущим испытаниям. И народ, вступивший в июне 1941 года в смертельную схватку с фашизмом, взял на духовное вооружение все лучшее, что было создано нашей литературой в 20—30-е годы, и все то, что создавалось ею в огне войны.

К нашедшим на страницах книг свою вторую жизнь Чапаеву и Пархоменко, к Левинсону и Павке Корчагину вскоре присоединились Василий Теркин А. Твардовского и лейтенант Герасимов — герой рассказа М. Шолохова «Наука ненависти», танкист Егор Дремов из рассказа А. Толстого «Русский характер», старый Тарас из «Непокоренных» Б. Горбатова, капитан Жаворонков из лирической повести В. Кожевникова «Март — апрель», герои поэм, стихов, песен Н. Тихонова, А. Суркова, М. Исаковского, А. Фатьянова, К. Симонова, А. Недогонова, С. Гудзенко и многих других авторов, чьи книги широко представлены в библиотеке «Подвиг».

В произведениях о Великой Отечественной войне и по сей день не тускнеет священная правда истории, чувство ответственности художника за каждое слово, с которым он обращался к народу. А. Н. Толстой уже в 1942 году с гордостью говорил о том, что «советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа». Такими предстают перед нами и сегодня, спустя более тридцати лет, главы из романа М. Шолохова «Они сражались за Родину», роман А. Фадеева «Молодая гвардия», повесть «Взятие Великошумска», пьеса «Нашествие» и военная публицистика Л. Леонова, рассказы Л. Соболева «Морская душа».

Тема минувшей войны наиболее широко представлена в библиотеке. И это естественно, ибо здесь наши писатели добились значительных успехов. Во многом способствовал этому приход в литературу вчерашних фронтовиков, которые уже в своих первых талантливых произведениях передали изнутри строгую и мужественную правду войны, правду чувства переднего края.

Одни из них сразу же по окончании войны сменили оружие на перо и по горячему следу пережитого выступили с книгами, заслужившими известность и признание. Это и М. Бубеннов с незабываемой первой книгой романа «Белая береза», и Э. Казакевич с героико-романтической повестью «Звезда», и Б. Полевой с документально-художественной «Повестью о настоящем человеке», и М. Алексеев с романом «Солдаты», и создатели своеобразного «партизанского эпоса» П. Вершигора с книгой «Люди с чистой совестью» и Д. Медведев с книгой «Сильные духом». Можно назвать еще немало достойных книг, которые еще не вышли в библиотеке. Безусловно, многие из них по праву займут свое место в этой серии, как заняли его сборники стихов М. Луконина «После боя», С. Орлова «Мой лейтенант», М. Дудина «Соловьи», Ю. Друниной «Светлокосый солдат», поэма Е. Исаева «Суд памяти».

Другие заявили о себе лишь двенадцать — пятнадцать лет спустя после войны, где-то в середине и в конце 50-х годов. Среди них были А. Ананьев, выступивший с романом «Танки идут ромбом», Ю. Бондарев — автор суровых и лирических повестей «Последние залпы» и «Батальоны просят огня» (в библиотеке представлен его роман «Горячий снег»), И. Стаднюк с повестью о трагических событиях начала войны «Человек не сдается», Н. Чуковский с романом о славных защитниках Ленинграда «Балтийское небо», А. Андреев — автор повести «Очень хочется жить», О. Кожухова, написавшая лирико-публицистический роман «Ранний снег».

Библиотека «Подвиг», пожалуй, наиболее обостренно подчеркнула, как до обидного мало создано у нас произведений о самоотверженной работе советского тыла в годы Великой Отечественной войны. А ведь общеизвестно, что тыл был поистине всенародным трудовым фронтом, и не случайно его участники с гордостью носили звание бойцов тыла. Пока что героический труд советских людей в годы войны представлен в библиотеке только романом В. Ажаева «Далеко от Москвы».

Героическая тема, тема подвига обретает черты духовного наследия, передаваемого от одного поколения к другому. Наследниками боевой славы отцов ощущают себя и герои тех немногих еще произведений о современной Советской Армии, что включены в библиотеку. Это дилогия Н. Камбулова «Верность», роман Г. Семенихина «Над Москвою небо чистое», роман Г. Березко «Сильнее атома», повесть Н. Горбачева «Звездное тяготение» и роман Вл. Жукова «Земная тревога». Несомненно, библиотека пополнится произведениями о суровой романтике службы сегодняшних защитников социалистического Отечества, о молодых воинах, которым Родина доверила охрану своих священных рубежей.

Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что важное и нужное издание предприняли Госкомиздат РСФСР и Союз писателей РСФСР. Но также очевидны и недочеты, которые обнаружились по мере выхода в свет многотомной библиотеки «Подвиг» в различных издательствах России. Об этом шла речь на состоявшемся недавно заседании Госкомиздата РСФСР, рассмотревшего вопрос «О мерах по улучшению издания Всероссийской библиотеки «Подвиг».

Решено с 1977 года переиздать библиотеку «Подвиг» в улучшенном оформлении и большими тиражами.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

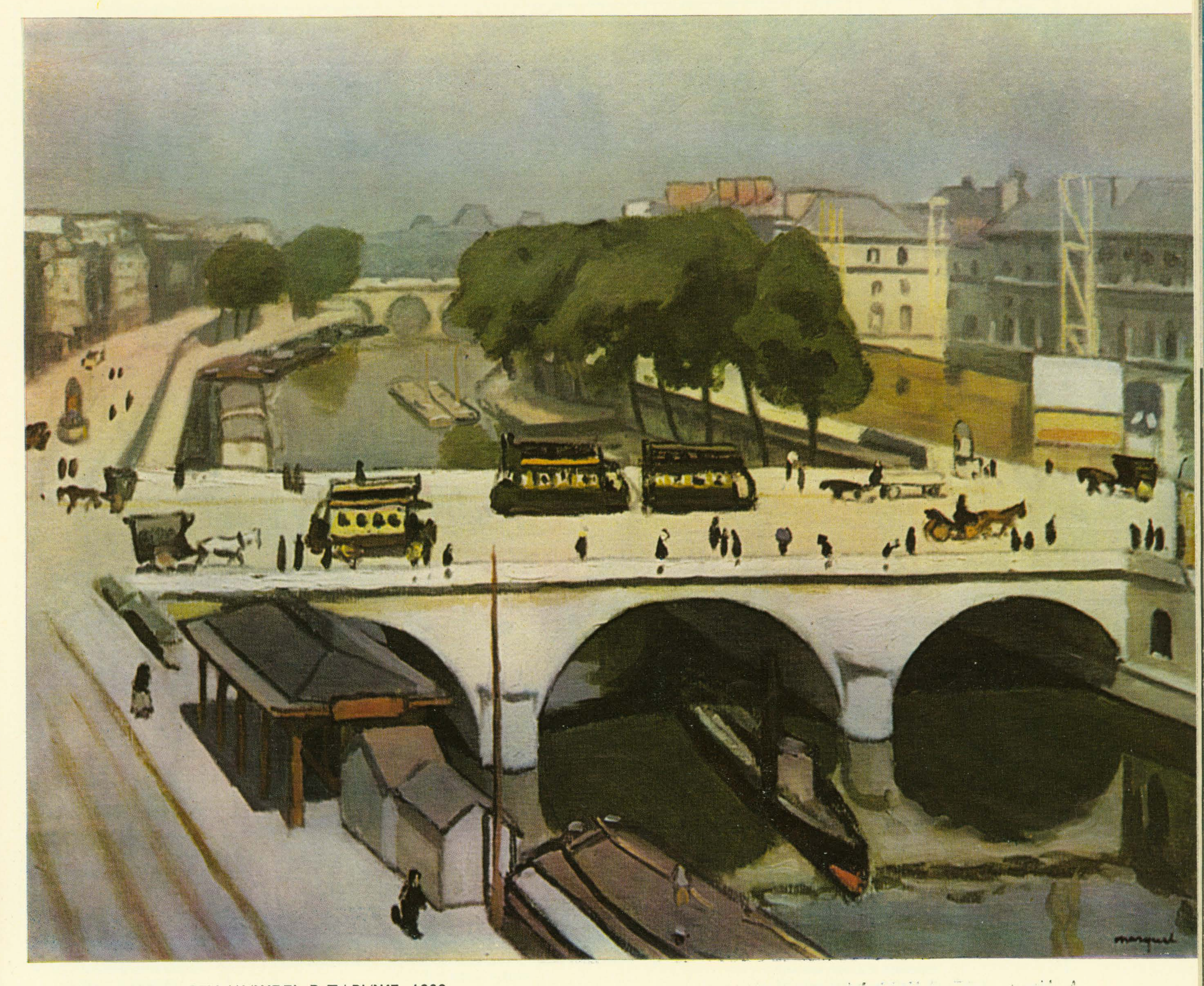
Тяжело сознавать, что уже нет среди нас Владимира Владимировича Павлова. Мы потеряли верного друга, боевого товарища, человека сильного духа, твердого характера и доброго сердца.

Много лет прошагал он по жизни в рядах огоньковцев, отдавая весь свой талант, остроту пера и жар души журналу. Он всегда был готов прийти на выручку, помочь в трудную минуту товарищу, разделить радость и развеять печаль. За это мы его любили, доверяли ему, избирали нашим партийным секретарем.

Нелегкий путь выпал на долю Володи Павлова. Война застала его бойцом воздушно-десантной бригады. С первых дней великой битвы сражался в тылу врага. Его партизанские подвиги отмечены высоким званием Героя Советского Союза. Десятки вражеских эшелонов пустил под откос партизан Владимир Павлов, много взорвал он мостов и много их восстановил, став после войны инженером-строителем. Большой жизненный опыт привел Владимира Павлова в журналистику, неугомонная натура требовала активного присутствия на самых горячих участках нашей современности. Много сил отдавал он партийной и общественной работе и в редакции и в комитете ветеранов войны.

Последнее время Владимир Владимирович Павлов был главным редактором газеты «Голос Родины» и журнала «Родина», но не переставал считать себя огоньковцем и с гордостью носил удостоверение «Огонька».

Мы не забудем тебя, дорогой друг!

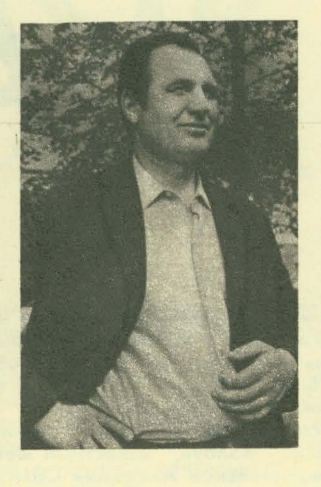


А. Марке. МОСТ СЕН-МИШЕЛЬ В ПАРИЖЕ. 1908.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

А. Марке. СОБОР НОТР-ДАМ ЗИМОЙ. 1910. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Николай ШУМАКОВ



РОДНИКИ

БОЛЬ УТРАТ

И снова позади столица.
И снова я в родном краю.
Прищурясь, вглядываюсь в лица,
Черты родные узнаю.

Вот стайка школьников подходит.
При встрече сердце— тук да тук...
Определяю по породе,
Чей это правнук или внук.

Они не видели Победы.
Их не коснулась боль утрат.
А ведь их прадеды и деды
Под обелисками лежат...

...Пылает памятью рябина.
Я вижу холмики могил —
От Сталинграда до Берлина,
От Халхин-Гола до Курил.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ ПОЛЕ

Иду путем благословенным,
Весенним воздухом дыша.
Всесильным чувством неизменным
Моя наполнена душа.

Тут начинаются истоки
Моей судьбы,
Моей любви...
Ржаных полей родные токи
Пульсируют в моей крови.

Над хлебным полем
Гомон звонкий
И молодые небеса.
И в них звенят не жаворонки,
А предков наших голоса.

КОВЫЛЬ

Ковыль, ковыль,
Твою седую быль
Вдаль юный ветер
Волнами уносит.
Ковыль, ковыль,
Веков далеких пыль
Садится на курганы,
Словно проседь.
И жить тебе,
Как будто песню петь.
И трепетать,
Что день
Счастливо прожит.
И мать твоя —
Земля родная — степь
Красивее с тобою
И моложе...

В РЫБАЦКОМ ПОСЕЛКЕ

Норд-ост холодный
Бродит по поселку
Бывалым
Подгулявшим рыбаком.
А вдалеке
С нависшей тучей сопка
Застыла, как геолог с рюкзаком.
Суда к причалам
Медленно швартуются.
На снастях
Шторма рваная печать.
А море хладнокровное волнуется,
Как будто бы
Его пришли встречать.
На зданьях
Флаги алые полощутся.
Попахивают
Рыбой и дымком.
Продрогшая
Молоденькая рощица
Матросам
Машет ситцевым платком.
Шуршат
Трудом пропитанные робы.
Замолк норд-ост,
Соленый ус жуя.
На берег сходят
Люди высшей пробы.
И, как медали,
Рыбья чешуя.

РАННИМ ВЕЧЕРОМ

Я в поле вышел
Ранним синим вечером —
Вдали виднелась
Тихая река,
А высоко над всем,
Насквозь просвечены,
Зашедшим летним солнцем
облака...

А ведь оно
Давным-давно за пашнею
Исчезло,
Как и в прошлые века.
Так земляки мои,
На фронте павшие,
Из дальнего мне светят далека.

РОДНИКИ

При виде их
Все полнится
Улыбкой молодой.
И всех,
Кто им поклонится,
Поят живой водой.

ГОЛУБАЯ ЗЕМЛЯ

Мне не кажется
Жизнью пресною
Сеять рожь или поле пахать...
Окружен я
Людьми интересными —
С ними вместе
Душой полыхать.
Я работу крестьянскую, древнюю
Почитаю, как мать и отца.
Я, рожденный российской
деревнею,
С нею буду всегда,
До конца...
...Вот деревня по имени Ивица.
А за нею луга и поля...
Ты кормилица и поилица,
Голубая моя земля...

СТОЯЩЕМУ НА ГОРЕ

Условно все на свете до поры.
Меняют образ
Города и лики...
Когда ты смотришь на людей
с горы,
То не считай,
Что ты уже великий.

БЕЛОЕ И СИНЕЕ

По-над лесом —
Дымка синяя.
На лужайке —
Три коня.
Тропка узкая и длинная
Убегает от меня.
Все своим
Чудесным обликом
В душу музыкой вошло:
Тихо тающего облака
Лебединое крыло.
Окоема струйка-линия.
Над поляной — неба храм.
Только белое, и синее,
И тревожный конский храп.

РЖАВА

О курский край —
Моя держава,
Твой трубный глас
Меня зовет.
И полустанок дальний
Ржава
Тревожно в памяти живет.
Там счастьем душу озарило,
Где все деревья мне родня,
Где белозубой одарила
Улыбкой девушка меня.

КАРТА

Натан РЫБАК

Я получил письмо от бывшего фронтовика, а теперь механизатора из Тернопольщины Сидора Покальчука:

«...Часто я встречаю в газетах упоминание об академике Евгении Федорове. Не тот ли это комсомолец Федоров, который вместе с Папаниным был на дрейфующей станции «Северный полюс»? О нем тогда и журнал «Огонек» писал. Неужели это он — ученый, академик?..»

Да, это тот Федоров. Именно тот самый комсомолец, а теперь видный советский ученый, действительный член Академии наук СССР, член президиума Всемирного Совета Мира.

Я пишу эти строки, но вижу не тот далекий день, когда на дрейфующей льдине во всей полноте проявились волевые качества характера молодого исследователя, комсомольца Евгения Федорова, а почему-то зал имени адмирала Дрейка в Дартмутском колледже, в провинциальном американском городе Хановере. Вижу большой квадратный стол, за которым разместились советские и американские ученые, чтобы обсудить вопросы, в одинаковой мере волнующие их, особо важные для стран, которые они представляют, и для всего мира.

Сопредседательствуют заведующий иностранным отделом Академии наук США Харрисон Браун и советский академик Евгений Федоров. Над ними на стене портрет адмирала Дрейка. Конечно, сей адмирал с надменным выражением лица корсара не мог даже предполагать, что станет немым свидетелем того, как люди разных континентов будут искать конструктивные пути к решению самой острой проблемы сотрудничества, и в частности охраны окружающей среды.

А думал ли Евгений Константинович Федоров в суровые дни и ночи в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа, где начиналась его северная Одиссея, на полярной станции под началом И. Д. Папанина, что труд и поиски приведут его много лет спустя в далекие бухты жизненных сложностей, которые вряд ли можно назвать тихими?

От бухты Тихой на Земле Франца-Иосифа и трудной и в то же время интересной работы на полярной станции «Мыс Челюскин» через дрейфующую станцию «Северный полюс» и тревожную жизнь на льдине, когда земля, возможно, казалась ему и его товарищам миражем, вела его воля исследователя.

Чтобы выдержать невзгоды, нужны были опыт и стойкость. У молодого ученого была стойкость и не очень много опыта. Однако дерзание помогает приобрести опыт и превращает его в знание.

21 мая 1937 года на борту самолета, за штурвалом которого сидел Водопьянов, Евгению Федорову, молодому геофизику, довелось вместе с штурманом Спириным прокладывать на карте курс к полюсу, ориентируясь по высотам солнца и по радиомаяку острова Рудольфа. Так начиналась историческая Одиссея покорения Северного полюса советскими людьми. Так открывалась новая страница в истории советской науки во имя торжества разума и справедливости на нашей планете. У истоков этого подвига стоял Евгений Федоров. Думал ли он и его коллеги о том, что они герои?

— Мы трудились,— говорит об этих далеких днях Евгений Константинович— Мы трудились,— повторяет он спокойным голосом,— и нам очень хотелось доказать, что человек может побеждать стихию. Может и должен.

На юбилее Ивана Дмитриевича Папанина Федоров сказал:

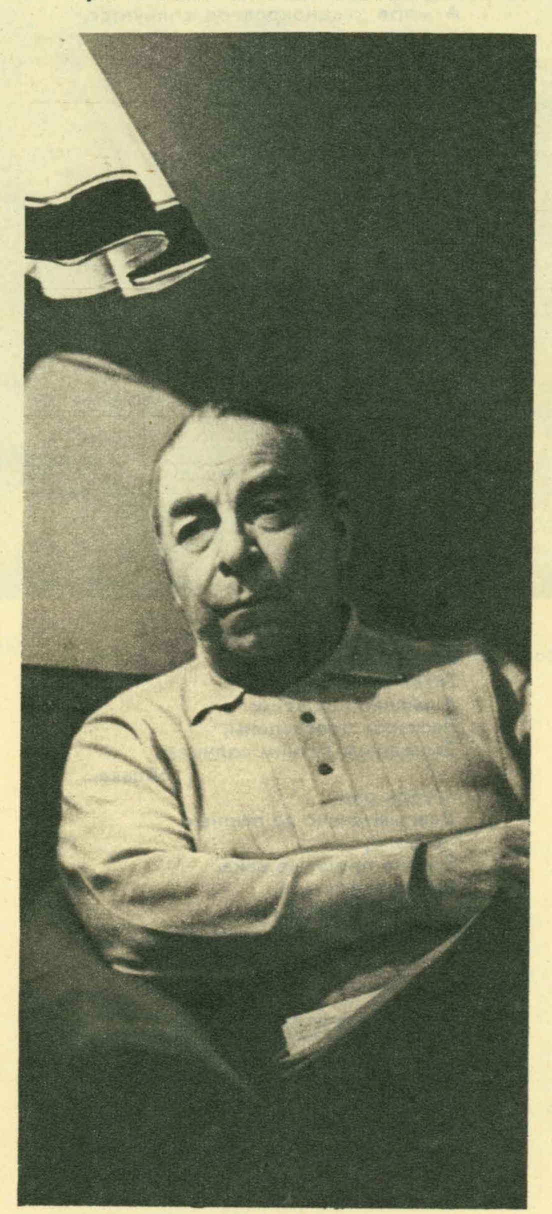
— Я удостоен нескольких почетных званий, но не менее, чем ими, горжусь званием папанинца, которое присвоил нашей четверке народ.

Да, Федоров-папанинец и Федоров-ученый — одно и то же лицо.

...Харрисон Браун вскинул свои острые глаза на Федорова и, потирая ладонью щеку, несколько запальчиво говорит:

— Дорогой Федоров, не упускайте из виду, что человечество вступило в драматические отношения с природой...

— От нас зависит, дорогой Браун,— спокойно и решительно отвечает Федоров,— чтобы эти отношения с матерью-природой не носили конфликтного характера. Мы, именно мы, ученые, должны приложить все усилия, чтобы эти отношения были мирными, добрыми и полезными для жизни на нашей планете.



Евгений Константинович Федоров.
Фото Г. Макарова

— Это справедливо,— басит, соглашаясь, Томас Фрэнсис Мэлоун, известный метеоролог, член национальной Академии США,— как геофизик прежде всего я разделяю точку зрения мистера Федорова.

— Спасибо, мистер Мэлоун,— спокойно благодарит Федоров.— Что ж, давайте думать о мирных аспектах нашего отношения к природе и к ее богатствам. А это, пожалуй, неотделимо вообще от проблемы мира на нашей планете и, конечно, мирного сотрудничества не только между учеными наших стран, но вообще между нашими странами...

...Спустя несколько дней, когда наш лайнер ИЛ-62 пересекал воздушный океан, приближая нас к берегам Родины, я наблюдал, как Е. К. Федоров, разложив перед собой на столике страницы докладов на VII Дартмутской встрече американских и советских представителей, делал пометки на полях. Добрая сотня пассажиров дремала. Тускло светили плафоны. Спокойно скользили между рядами кресел стюардессы. Я посмотрел в окошко. В рваном проеме облаков вспыхнула зеленая звезда. Позади были жаркие дискуссии в Нью-Йорке и Вашингтоне, Хановере. Встречи с прессой. Беседы с представителями делового мира. Невольно напрашивался вывод: мы стали лучше понимать друг друга. И вспомнилось, как в жарком споре Е. К. Федоров сказал американским коллегам:

— Мирное сосуществование необходимо вам ничуть не меньше, чем нам, уважаемые господа. И чего греха таить, если б это было не так, вряд ли вы сели бы с нами за один стол.

Листаю блокнот и читаю замечание Харрисона Брауна:

— У нас устанавливается не просто личная дружба. Существуют возможности для растущего сотрудничества, которое основано на совокупности общих точек зрения на проблемы мира.

Конгрессмен Юдолл, представляющий штат Аризона в конгрессе США, принимавший довольно активное участие в комиссии, работавшей над вопросами охраны окружающей среды, внимательно следит за диалогом, делает заметки в записной книжке, когда выступают его соотечественники. Однажды, словно шутя, он сказал:

— Господа, а не кажется ли вам, что мы говорим о природе, как поэты...

— Природа — это жизнь, мистер Юдолл,— ответил Е. К. Федоров.— Человек должен ее защищать, а не уничтожать.

...Пассажирский лайнер в воздушном океане слегка вздрагивает. Федоров углублен в бумаги. Его лицо сосредоточенно, неторопливы движения руки, сжимающей карандаш, которым он что-то помечает на развернутых листах.

...Карта жизни человека неотделима от карты жизни общества. Кто думает иначе, заблуждается.

И не случайно именно Евгений Федоров назначается на весьма ответственный пост начальника Главного управления гидрометеорологической службы страны. За его спиной уже опыт работы в этой области, он закреплен знаниями и научными трудами.

Молодого ученого уже в те годы тревожит вопрос, насколько верно и глубоко осмысливаются взаимоотношения человека с природой. Насколько глубоко и верно?.. Федорова-ученого

ЖИЗНИ

по-прежнему занимают проблемы земного магнетизма, вопросы метеорологии и вместе с тем социологические вопросы. Его поиски вторгаются в область экологии. Этим он, еще будучи студентом физического факультета Ленинградского университета, интересовался с особой пытливостью. И это пригодилось не только в научной деятельности, но и в общественной.

* * *

Великая Отечественная война. В жизнь советского ученого Е. К. Федорова она вошла как суровое испытание.

— Работа в те трудные годы была посложнее, чем в самые суровые дни на дрейфующей льдине,— признается Евгений Константинович.

Невольно вспоминаешь слова Фредерика Жолио-Кюри, который, отдавая дань уважения своим советским коллегам, подчеркивал:

— Вот страна, где наука служила и служит делу мира, и ученые этой великой страны блестяще доказали это в годы борьбы с фашистской Германией.

Евгений Константинович Федоров был в армии советских ученых, которые сражались за чистое небо над нашей Родиной, за мирное небо для всей нашей планеты.

На штурманскую карту его жизни рядом с линией, указывающей маршрут труда ученого, пролегла, а впоследствии полностью слилась с первой линия огромной общественной деятельности борца за дело мира.

На одной из недавних Дартмутских встреч с американцами Е. К. Федоров заметил:

— Никогда мы еще не были так близки к взаимопониманию, как теперь. Климат международной разрядки меняет коренным образом атмосферу в наших отношениях. Мы совершим преступление перед народами наших стран и всего мира, если не станем всеми силами содействовать укреплению стабильности духа взаимовыгодного сотрудничества во всех областях.

Эти слова нашли добрый отклик у всех участников встречи, и наиболее плодотворные решения были приняты на восьмой Дартмутской встрече, происходившей в апреле прошлого года в Тбилиси.

Недаром Норман Казинс, один из активных инициаторов проведения Дартмутской конференции с американской стороны, признал:

— Годы «холодной войны» в истории американо-советских отношений — годы упущенных возможностей.

— Это так,— заметил Е. К. Федоров, председательствовавший на конференции,— однако важно то, что мы стали на путь, который поможет нам наверстать эти упущенные возможности.

В своей научной работе академик Федоров уделяет много внимания вопросам окружающей среды. Правительство не раз поручало ему вести ответственные государственные переговоры, относящиеся к этим вопросам. Такими были, например, переговоры экспертов о возможности обнаружения ядерных взрывов, проводившиеся в 1958—1959 годах. Группе видных советских ученых (среди них были академики И. Е. Тамм, Н. Н. Семенов, М. А. Садовский, Л. М. Бреховских), ученых Польши, Чехословакии и Румынии предстояло доказать своим коллегам из США, Великобритании, Франции и Канады, что задача уверенного обнаружения ядерных взрывов может быть решена.

В результате переговоров представители науки договорились об основных чертах приемлемой международной системы контроля: ведь ученые, как отмечал Федоров, обязаны следовать логике и считаться с установленными в науке фактами. Однако впоследствии, как известно, правительство США, по существу, дезавуировало позицию своих ученых и лишь много времени спустя под возрастающим давлением мирового общественного мнения пошло на заключение Московского договора 1963 года о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Хотя этот договор и не прекратил испытаний под землей, но главная опасность — радиоактивное загрязнение атмосферы, вод и поверхности нашей планеты — была в основном предотвращена.

С проблемой охраны природной среды были тесно связаны переговоры между СССР и США о мирном использовании ядерной энергии и те переговоры о предотвращении военного использования средств воздействия на природную среду, которые ведутся и сейчас.

— Люди доброй воли во всем мире,— подчеркивал не раз академик Федоров,— должны быть хорошо проинформированы о сути вопроса, который волнует нас, ученых, несущих ответственность за результаты открытий, могущих принести человеку пользу и легко обратимых ему во вред. Достижения науки должны контролироваться. Нельзя безнаказанно эксплуатировать богатства природы, нельзя варварски обращаться с окружающей средой.

Невольно приходит на память замечательное выражение М. В. Ломоносова, что «академики не суть художники, но и государственные мужи».

Академик Е. К. Федоров — депутат Верховного Совета СССР. Он облечен высоким доверием, которое оправдывает как ученый и как общественный деятель.

* * *

Возглавляя много лет Главное управление гидрометеорологической службы Советского Союза, академик Федоров продолжал свои научные поиски, и теперь, когда он переключил свое внимание на исследовательскую деятельность, казалось бы, стало больше времени именно для нее... Но уход только в «свое» несвойствен характеру человека, который с гордостью называет себя папанинцем.

Скажем так, сегодня Ученый совет в институте, а завтра на рассвете надо быть в аэропорту Шереметьево, и снова полет... Трудно ли это в уже немолодые годы? На подобный вопрос прямой и честный ответ: надо!

Так говорилось на дрейфующей льдине, так говорилось в грозные годы войны, и это слово, обязывающее и дисциплинирующее, выражает в полной мере волю советского человека к достижению цели, поставленной перед ним партией и народом.

Возросший во второй половине шестидесятых годов интерес к вопросам взаимодействия человека и биосферы приобретает явно выраженную социально-политическую окраску. Академик Е. К. Федоров в своих работах обращает внимание именно на эту, социальную сторону проблемы, придавая решению ее государственное значение. Борьба за разумное отношение к окружающей среде, подчеркивал не раз в своих выступлениях Е. К. Федоров, неотъемлема от борьбы за мир и разоружение.

В дни работы Всемирного конгресса миролюбивых сил в октябре 1973 года член президиума Всемирного Совета Мира, академик Федоров снова говорил о долге ученых и их ответственности перед человечеством.

Совсем недавно, в начале июня этого года, я вновь встретился с Евгением Константиновичем. Это было в Москве на очередной рабочей встрече представителей советской и американской общественности в рамках традиционных дартмутских конференций. За столом переговоров оказались мои знакомые Норман Казинс, профессор Джордж Ретженс, академики Н. Н. Блохин, Е. К. Федоров и многие другие. И вновь я услышал, с каким жаром говорил Евгений Константинович о долге ученого, об охране окружающей среды.

Вспомнились дни, когда ядерный шантаж был главным пугалом в руках агрессивных сил. Американский атомщик Эдвард Теллер, хвастливо называвший себя «отцом водородной бомбы», на упрек, что термоядерная сила должна найти иное применение, чем уничтожение самой жизни, с безответственностью, граничащей с авантюризмом, сказал:

— Меня интересует сам факт создания бомбы, а не результаты.

— Настоящего ученого, преданного делу мира и прогресса, всегда будут беспокоить результаты,— заявил Федоров, выступая на комиссии, занимающейся вопросами охраны окружающей среды.

Именно беспокоить, а не интересовать, беспокоить и тревожить. Этим беспокойством, этой тревогой полна жизнь ученого-коммуниста Евгения Федорова, человека, в юности ставшего на путь поиска и дерзаний, для которого Северный полюс был не увлекательным путешествием, а отправной точкой в новые неизведанные пути — мира и прогресса.

* * *

...В своем письме читатель Покальчук спрашивает меня: «Тот ли это комсомолец Федоров, который участвовал в экспедиции на дрейфующей станции «Северный полюс»? Да, тот. Тот самый Евгений Федоров, принадлежащий к славному поколению первопроходцев, воспитанному ленинской партией.

И если вам придется побывать в столице нашей Родины и вы попадете на улицу, которая называется улицей Федорова, знайте, что носит она имя того же Евгения Федорова, жизнь и судьба которого заинтересовала вас.

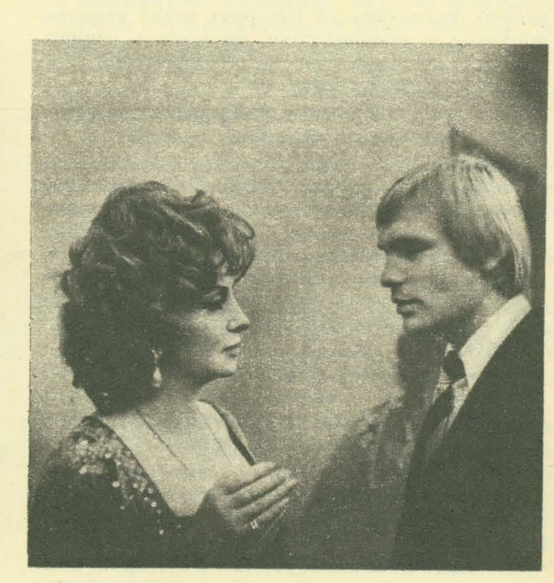
С № 30 журнал «Огонек» начинает печатать повесть Ивана Шамякина «Брачная ночь».

Открытие IX Московского международного кинофестиваля.

ФЕСТИВАЛЬ ОТКРЫТ

Народная артистка СССР Бакен Кадыкеева с зарубежными гостями.

Гюльсара Аджибекова — исполнительница роли Сабиры («Красное яблоко»).



Звезда итальянского кино Джина Лоллобриджида и советский актер Олег Видов.

Фото Ю. Устинова.

10 июля в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное открытие IX Московского международного кинофестиваля. Участников и гостей фестиваля приветствовал председатель оргкомитета, председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш.

Под бурные аплодисменты собравшихся Ф. Т. Ермаш огласил приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева участникам и гостям IX Московского международного кинофестиваля.

От имени советских деятелей кино выступил первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР Л. А. Кулиджанов. Затем председатели международных жюри конкурсов — народный артист СССР С. И. Ростоцкий, народный артист СССР Р. Л. Кармен, писатель Герой Социалистического Труда С. В. Михалков — представили зрителям членов жюри художественных, короткометражных и детских фильмов, видных кинематографистов и общественных деятелей из многих стран.

Первый день фестиваля завершился показом конкурсных художественных картин «Красное яблоко» Т. Океева (СССР) и «Мы так любили друг друга» Э. Скола (Италия).

В фильме «Красное яблоко», (авторы сценария Ч. Айтматов, Э. Лындина и Т. Океев) роль художника Темира играет известный советский актер Суйменкул Чокморов. Его герой — сложный и противоречивый, раненный первой, неразделенной любовью, постоянно возвращающийся к своему чувству. То далекое, призрачное чувство мешает ему увидеть настоящую любовь его жены Сабиры.

— Мы попытались в фильме акцентировать внимание на том,— рассказывает Ч. Айтматов,— что любовь — это святое, вечное чувство, которое во все века считалось и будет считаться высшим проявлением человечности.

Киргизский кинематограф — дебютант Московского фестиваля, чего нельзя сказать о создателях второго конкурсного фильма. Режиссер Этторе Скола и актеры Стефания Сандрелли, Витторио Гасман, Нино Манфреди — старые друзья Московского кинофестиваля.

В центре фильма «Мы так любили друг друга» — судьба Джанни, Антонио и Николо — трех друзей, сражавшихся в одном партизанском отряде. Мы видим их в бою и видим их спустя 30 лет, когда они встретились, чтобы с горечью признаться друг другу, что изменилось не только время, но и они сами. «Мы хотели изменить мир, но мир изменил нас»,— говорит Николо. Фильм Э. Скола согрет добрыми, простыми человеческими чувствами.

Таковы только два из 380 фильмов, которые кинематографисты ста стран представили на строгий суд жюри.

ДЕВЯТЬСОТ ДНЕЙ...

■

Окончен роман-эпопея «Блокада». Десять лет писательского труда вложено Александром Чаковским в это произведение. Начиная с 1968 года, когда появились первые главы романа, читатели с обостренным нетерпением ждали очередного номера журнала «Знамя», ибо книга сразу же вызвала пристальный интерес.

Об Отечественной войне 1941—1945 годов уже накоплена огромная литература — мемуарная, историческая, художественная,— и она в течение грядущих десятилетий многократно возрастет, но при всем этом «Блокада» займет свое приметное место.

Автор эпопеи напоминает рачительного хозяина: он пустил в дело все виды литературного оружия, не пренебрег ничем, что могло бы ему пригодиться для решения поставленной перед собой творческой задачи. Разнообразные виды литературного оружия действуют у него согласно, дополняя и взаимно усиливая друг друга. Несомненно, одни читатели больше будут увлечены рассказом автора о внутренних пружинах событий, о мозговых центрах гигантской борьбы, другие — описанием военных действий, штабной работы, тем, что непосредственно происходит на полях сражений, третьи — личными судьбами героев романа: Веры Королевой и Звягинцева, архитектора Валицкого и его сына, Суровцева, Пастухова, доктора Осьминина.

В десятой главе пятой части романа Вера Королева, рассуждая о счастье, записывает в свой дневник следующие строчки: «Счастье!— повторила я про себя и подумала:— Каким оно может быть разным. Огромным, как Победа, как прорыв блокады, и маленьким, как кусок хлеба, как огонек коптилки... Как все относительно в жизни!» Неужели все это когда-нибудь забудется?.. Как он сказал, Пастухов? «Ну и пусть забудется! Героизм людей — вот что не должно забываться!»

Она дописывает: «Наверное, он прав...» Конечно, мудрый человек Пастухов, политработник, комиссар госпиталя, прав,— и тут не может быть иного мнения. Автор романа любит Пастухова, этого простого, мужественного человека, и описал его с той теплотой, какой он заслуживает. При всей многоплановости «Блокады» через роман проходит мысль: советский человек, советский народ, авангард народа — ленинская партия — вот сила, разгромившая лютого, жестокого врага. В романе нет картинных богатырей,— подвиги, исполненные величия, совершают люди, казалось бы, ничем не примечательные, только что оторванные войной от своих обычных, мирных дел. Что же движет ими, какие порывы возникают в их сердцах, что побуждает их идти на смерть, сносить неслыханные лишения, преодолевать чудовищные трудности, невозможное делать возможным?

Любовь к Родине, к своей стране, к ее общественному строю, справедливому и честному, настолько умножала возможности человека, что он превращался в железный сплав, смертью попирая смерть. Немецкий офицер Миллер, находясь в госпитале, в своей беседе с Данвицем сравнивает Россию со скалой, покрытой тонким слоем земли: бур входит в землю мягко, а потом ломается — гранит непреодолим. Данвиц, белокурая бестия, истовый фашист, пришел в ярость от такого «непатриотичного» объяснения, но впоследствии жизнь подтвердила ему правильность суждений его оппонента.

В романе множество действующих лиц. Наряду с вымышленными персонажами, что естественно для романа, в нем активно участвуют вполне реальные исторические личности. Мы встречаем здесь Сталина, Жданова, наших прославленных полководцев — Ворошилова, Жукова, Говорова, Федюнинского и других. Для людей старшего поколения, живших в ту пору, воевавших на фронтах Отечественной войны, многое из того, о чем сообщает автор, известно, однако смелость его характеристик, глубина суждений, введение в повествование таких деталей, какие были за пределами нашей осведомленности, не могут не вызвать к себе обостренного внимания. Чувствуется, что за каждой главой романа стоят горы прочитанных автором материалов и документов, и это дало ему возможность достоверно рассказывать о минувших грандиозных событиях. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что автор сам участник обороны Ленинграда, и потому так правдивы в романе подробности ленинградского бытия в ту героическую пору.

Он ввел в роман и деятелей антигитлеровской коалиции, показав наглядно, какие трудности и сложности возникали в наших взаимоотношениях с ними и сколько понадобилось прилагать усилий, дипломатического ума, такта, силы воли, чтобы преодолевать часто возникавшие трудности и трения.

Александру Чаковскому удалось создать запоминающиеся портреты главарей фашистской Германии. Гитлер и его камарилья были негодяями и преступниками, но негодяями, так сказать, «крупномасштабными», сумевшими обмануть целую нацию, создать мощную, отлаженную военную машину, поставить на карту судьбу всего человечества. И тем большая слава нам — советским людям, Советской Армии, что именно мы сумели превратить в прах гитлеровскую военную машину и сокрушить жестокого, подлого и наглого врага, у ног которого покорно лежала почти вся Европа. А. Чаковский неоднократно приводит читателя во вражий стан, в фашистское логово, и мы воочию видим, с каким страшным противником мы имели дело.

Пятая книга романа завершает эпопею. Когда автор принимался за работу, он думал, что уложится в 20—25 печатных листов. Получилось значительно больше. Громадный материал потребовал расширения границ замысла. 900 дней блокады, все ее этапы освещены в романе: от первых дней до конца — до прорыва.

Звягинцев после боя вслушивается в лесную тишину — артиллерия умолкла, громы сражения затихли.

«...И вдруг ему показалось, что он слышит привычный звук ленинградского метронома. Быстрый и тревожный, как во время артобстрела или воздушного налета.

— Что это? — удивленно спросил Звягинцев.— Метроном?

— Какой еще метроном? — удивленно переспросил Молчанов.— ...Дак это же дятел, товарищ подполковник,— артиллерия бить здесь перестала, вот он и прилетел в рощу! Пичуга махонькая, а стук дает что твой дровосек. Упорная птица.

— Быстро стучит. Как метроном во время тревоги...

— Быстро? Что ж, товарищ подполковник, тревога-то еще не отменена. Вот когда всесоюзный отбой дадут, тогда соловьиное время настанет. А пока и дятел хорош. Все же птица живая прилетела. Добрый знак».

Таким лирическим аккордом заканчивается роман-эпопея. В пятой, заключительной книге определяются судьбы героев романа: многие погибли в осажденном Ленинграде, иные пошли дальше, вперед — на запад. До всесоюзного отбоя, до соловьиного времени было еще далеко.

Когда закрываешь последнюю страницу, явственно ощущаешь сожаление, что роман окончился. Он порождает взволнованность, с которой не хочется расставаться. Можно, конечно, при желании найти в романе неудачные места, поспорить с писателями о характеристиках тех или иных персонажей, но прежде всего возникает чувство благодарности к автору за его труд, восславивший подвиг советского народа.

Как и можно было ожидать, еще до опубликования всех глав пятой книги на экран вышла выпущенная «Ленфильмом» картина «Блокада» в постановке режиссера М. Ершова по роману Чаковского. Мне довелось ее посмотреть после того, как я прочитал весь роман. Если бы романа не было, а существовал только фильм, то его следовало бы зачислить в ряд хороших. В нем есть превосходно отснятые батальные сцены, в фильме заняты отличные актеры, но если подвести итог, то следует сказать, что это всего лишь киноиллюстрации к первой книге романа.

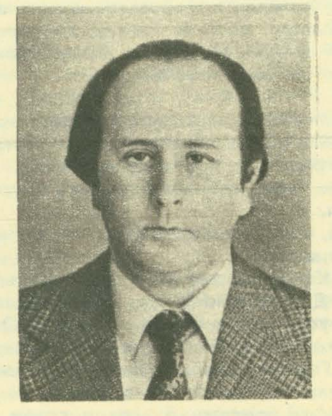
Автор эпопеи участвует в фильме в качестве одного из сценаристов. И ясно ощущается, что сценаристу Чаковскому пришлось вступить в напряженную борьбу с Чаковским-романистом. Романист победил. Громадный материал, предложенный читателям в романе, оказался неподъемным для создателей фильма.

Александр Чаковский провел своих читателей как бы по диагонали великих событий — от основания до вершины. И, обозревая открывшуюся панораму, переполняешься чувством гордости за свой народ, за свою партию, за нашу армию, за доблестных ленинградцев, сделавших невозможное возможным.

Девятьсот дней блокады поразили и потрясли мир. Подвиг советского народа навсегда остался в сознании человечества эталоном героизма.

Ник. КРУЖКОВ

Александр Чаковский. Блокада. Книга пятая. «Знамя», 1974, №№ 11, 12; 1975, №№ 1—5.



В. Д. КУДРЯВЦЕВ

Для тех, кто знал Виктора Дмитриевича Кудрявцева, весть об его кончине покажется неправдоподобной. Совсем недавно мы видели его среди нас, читали его статьи и комментарии. Талантливый журналист-международник и публицист, он был в расцвете творческих сил, 46 лет ему исполнилось всего месяц назад.

Виктор Кудрявцев пришел в «Огонек» недавно. Но нашим читателям он известен многие годы. Журнал не раз предоставлял ему свои страницы как специалисту по проблемам Ближнего Востока, корреспонденту Советского телевидения и радио в Арабской Республике Египет. С начала этого года, возглавив международный отдел «Огонька», Виктор Дмитриевич продолжал выступать на страницах журнала.

Целеустремленный, кристально честный, отзывчивый человек — таким его навсегда запомнят товарищи.

Р. ЕРМОЛЬЕВА

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

БАБЬЕ ЛЕТО

Уже с начала августа полили дожди, а в сентябре ночи оказались неожиданно морозными. Все вспоминали прошлогоднюю сушь, когда от жары горели торфяник и лес и едкий запах дыма разгонял людей по домам.

В этом году только в самом конце сентября солнце, точно опомнившись, бросило на землю теплый луч и позолотило лес. В воздухе задрожала, повисла тонкая паутина бабьего лета.

С утра мы всей семьей поехали за город. Возвратились немного уставшие от долгого блуждания по лесу, с ветками румяной рябины.

Телефон трезвонил долго и настойчиво, его слышно было еще за дверью.

— Алло?— запыхавшись, произнесла я.

— Дорогие мои,— послышался радостный голос моей приятельницы Нины.— Где вы пропадаете весь день? Захар прилетел! Приглашаю на обед. Передаю трубку Захару.

— Привет!— забасил в трубке мужской голос.

— Здравствуй, Захар! Когда прибыл, надолго?

— На один день, а точнее, на воскресенье.

— Ну, знаешь, это уже любовь! Летать на свидание по выходным...

— Да, любовь! Только не смейтесь над стариком. Приходите — потолкуем, а то мы в девятнадцать ноль-ноль отбываем.

— Кто это мы?

— Я и Нина.

— Значит, серьезно?

— Вполне!

Похоронив мужа, вернулась Нина в школу. Нелегко было начинать заново, многое забылось. Зато сын, Ванечка, всегда на глазах. «Не одна!— успокаивала себя Нина.— Испытала женское счастье: и любовь была, и ребенок есть».

Выглядела Нина не по годам молодо. Светлоглазая, белокурая, с чуть вздернутым носиком. Людей вокруг Нины много, а такого, как Иван был, не найти. Среди поклонников особой настойчивостью отличался Петр Фомич.

...Давно он заприметил Нину, когда, еще до замужества, пришла она в гороно за направлением в школу. Бойкая, звонкоголосая, выступала на всех конференциях. Вскоре Нина вышла замуж за секретаря райкома комсомола Ивана Ковальчука. Долго сокрушался Петр Фомич: «Был бы я холостой — не отвертелась бы девка!» Разное болтали тогда о Петре Фомиче: «Женился на женщине старше себя, оттого и неравнодушен к молоденьким. На начальство свое, где надо и не надо, норовит тень бросить, на их место прицеливается». Нелестная характеристика, а живет человек!..

...Побежали вдовьи годы.

Однажды на новогоднем вечере, который устраивали учителя, у школьной елки Петр Фомич объяснился Нине. И ходит он к ним в школу ради нее, и влюбился с первого взгляда, и жизнь у него сложилась неудачно, но он решил ее изменить, если Нина того захочет. Детей у них с женой нет, так что преград быть не может...

То ли от рюмки вина, выпитого за столом, то ли от жалости к нему, а может, к себе Нина смягчилась, поверила в искренность слов человека намного старше себя.

— Не дури, Нинка!— говорила я.— Не верю я ему. Ты думаешь, первая у него? И авторитетом он своим дорожит, репутацию испортить побоится. Побаловать побалует, а жениться — нет!

— Сама вижу. Да только тошно бывает временами. Неужели вот так всю жизнь одной? Холодно и тоскливо делается.

— Посмотри, сколько вокруг воздыхателей.

— Все моложе меня. Сейчас ничего, а постарше стану — они мне так же отставку дадут, как Петр Фомич своей.

— Вот чего испугалась! Ну живи, как знаешь! Только время, как вода: на одном месте не стоит.

Как-то летом укатила Нина с Ванечкой на Урал, к тетке, а у той квартирант комнату снимал.

— Хороший жилец,— не раз говорила тетя Нюра.— Жить не живет, а деньги платит аккуратно.

— Как же так?— поинтересовалась Нина.

— Инженер он, строитель. С одной стройки на другую кочует. Жена у него два года как померла, а то все за ним следом ездила. Хорошая, видать, женщина была, да и он неплохой. Как приедет из командировки, так сразу детям звонить начинает.

— И много их, где они?

— Двое. Сын и дочь. В Киеве живут. Институт кончили, семьи свои завели, а он о них, как о малых, печется.

Случилось так, что Захара Матвеевича вызвали со стройки в управление. Появился он у тети Нюры неожиданно.

— Да у вас гости! Значит, мне не очень рады нынче будут.

— Почему же!— возразила хозяйка.— Проходите к столу. Знакомьтесь. Племянница с сыном, погостить приехали.

— Нина,— протянула руку и, подумав немного, добавила: — Егоровна.

— Захар Матвеевич.— И он крепко встряхнул руку Нины.— А тебя как величать?— обратился он к Ванечке.

— Иваном, как покойного отца,— поспешила объяснить тетя Нюра.

Захар Матвеевич закашлялся, потрепал мальца по голове.

Через неделю Захар Матвеевич снова появился. Тетя Нюра обрадовалась и квартиранту и корзине дикой малины, которую тот привез из леса.

Женщины принялись лепить вареники, а мужская половина занялась удочками. Решено было вечером пойти на реку. По квартире приятно распространялся аромат малины. Вскоре на столе стояла тарелка с аппетитными варениками, густо политыми малиновым соком, а рядом, в глиняном горшочке, сметана.

Захар Матвеевич брал вареник рукой, макал в сметану и, хитро подмигивая Ванечке, отправлял в рот.

— Давай нажимай,— подгонял он Ванечку.

Десятилетний мальчик потянулся к Захару Матвеевичу с первого дня знакомства. Возможно, потому, что он не стал, как другие, расспрашивать об отце, жалеть и охать. Он молча, по-мужски выразил свое сочувствие и больше об этом не говорил.

На рассвете Захар Матвеевич собирался уезжать. Тетя Нюра не без намека спросила:

— Когда ждать прикажешь, через неделю или раньше?

— Раньше, тетя Нюра, раньше!

Нина возвратилась из отпуска загоревшая, помолодевшая. В первый же вечер она прибежала к нам и рассказала о Захаре Матвеевиче. По тому, как она говорила, было ясно, что в ней пробуждалось большое чувство.

— Постой, постой!— перебила я ее.— Фамилия его не Романов ли?

— Романов, а что?— насторожилась Нина.

— Считай, повезло тебе. Хорошего человека встретила. Как заговорила ты о жене да детях, я сразу подумала, не наш ли это Захар? Так оно и вышло.

— Неужели знаешь?— удивилась Нина.

— Со студенческой скамьи.

К Новому году Захар привез пушистую уральскую елочку. Собрались у нас. Ворошили в памяти былое и сделали вывод, что мир действительно тесен.

В школе толковали, что Нина выходит замуж. Сама она боялась об этом думать. Все происходящее представлялось ей пугливой птицей, которая, если потревожить, улетит — не воротится. Захар Матвеевич о женитьбе речи не вел, было ясно и так, что приезжает он неспроста.

Больше всех забеспокоился Петр Фомич. Слухи дошли и до него. Проданная невеста всегда дороже! Забегал, засуетился!

— Зачем он тебе, кто такой? Увезет да бросит! Останешься без кола, без двора. Люблю я тебя, понимаешь, люблю. Ты мне очень нужна, но жениться сейчас не могу,— убеждал Петр Фомич.— Сама видишь, куда мою кандидатуру примеряют. Утрясется вопрос — с женой разберусь. Женщина она неглупая, поймет. О ребенке подумала бы! Кто он ему будет? Своих хватает. А у меня? Нет их у меня! Твоего за родного считать буду. И что ты в нем нашла?!— вздохнул Петр Фомич.

— Че-ло-ве-ка! Сродни мы с ним. Оба от жизни горюшка хватили!

— А известно ли ему, что между нами было?— с ехидцей спросил Петр Фомич.

— Ох, Петр, Петр! Внешне ты гладенький, чистенький, как петушок леденцовый, а загляни в душу — мусор да холод. Не мешай людям жить, да и сам с другого конца за жизнь берись! Надумала — решила! Не девочка я — женщина. А Захар — человек верный. Уважать я его уважаю, а любовь ведь только в молодости бывает. Была и у меня, да коротка дорожка ей вышла. Пойду по новой, может, и меня тепло бабьего лета обогреет.

Промелькнула зима со снежными буранами. Отцвела весна подснежниками. Отгремели летние грозы. И вот он... прилетел. Явился, как всегда, неожиданно. Ворвался вихрем в жизнь Нины.

Мы, не мешкая, поехали к Нине. Стол был уже накрыт.

— Когда ты все успела?— удивилась я.

— Да что там! Я только салаты приготовила, а закуски Захар привез. И это.— Она показала на бутылки, стоявшие на журнальном столике.

— Герой нашего времени!— пошутила я.

Захар Матвеевич поглядывал на часы и по-хозяйски приглашал всех к столу. Кроме нас

с мужем, пришла еще одна учительница и родители Нины.

От волнения у Нины слегка дрожала рука вино расплескивалось на скатерть.

— Дорогие мои!— обратилась она ко всем.— Я так счастлива, что встретила Захара, так рада, что он оказался вашим другом, что боюсь, не сон ли это. Пусть первый тост будет за вас, за нашу дружбу, за счастье каждого из вас!

Разговор за столом оживился, тут-то и выяснилось, что Захар прилетел за Ниной и еще в аэропорту купил билеты на обратный путь. Учительница, коллега Нины по школе, согласилась заменить ее в классе. Все как-то устроилось само собой. А как с Ванечкой? Поживет у бабушки, доучится четверть, а затем переедет к ним.

— Дед, а дед!— обратилась Нина к отчиму.— Скажи словечко!

Отчим, Федор Петрович, любил Нину, как родную. Во время блокады Ленинграда он потерял семью и всех родственников. В эвакуации познакомился с матерью Нины, муж которой погиб на фронте. Они поженились. Нина души не чаяла в отчиме. Делилась с ним всем. Полюбился ему серьезный парень Иван Ковальчук. Рад был Федор Петрович, узнав, что тот станет его зятем. Когда Иван заболел и неожиданно умер, дед сильно переживал и на похоронах говорил: «Лучше бы я... а ему еще жить да жить...»

— Дед, скажи что-нибудь!— приставала Нина.

Федор Петрович хотел было подняться, потом поправил большие очки в черной оправе, и, махнув рукой, сказал: «Да нет! Что-то я плохо вижу»,— и полез в карман за платком.

Встал мой муж. Он, как и я, знает Захара давно. И Иван Ковальчук не был для нас чужим человеком. Не один пуд соли вместе съели! Но то, что Нина собирается замуж за Захара, а не за кого-то другого, успокаивало нас.

— Что мне сказать?— начал муж.— Вы пришли друг к другу нелегким путем. Смерть унесла у Захара жену, не пощадила судьба и Нину. Зачем вам скрывать свои чувства? Вы не воруете чужого счастья, вполне заслужили его. Живите, радуйтесь жизни! А ты, Захар, помни, что у тебя теперь еще один сын, Иван, и люби его, как любишь своих детей. Так выпьем за вечно прекрасных мужчину и женщину! За вас!— закончил муж.

Времени до отлета оставалось в обрез.

— Все еще не верится,— повторяла Нина, пока машина мчала нас в аэропорт.— Волнуюсь, как школьница на экзамене. На ребячество все это похоже. Кому сказать — не поверят. Вот Петр Фомич узнает — дело заведет. Как, мол, так, с работы не уволилась, класс перед концом четверти бросила? Я, правда, заявление написала и Веру Васильевну упросила подменить меня, а все же страшновато. Если что, замолви за меня словечко,— попросила Нина.

Я обещала уладить, поговорить с директором школы и с самим Петром Фомичом.

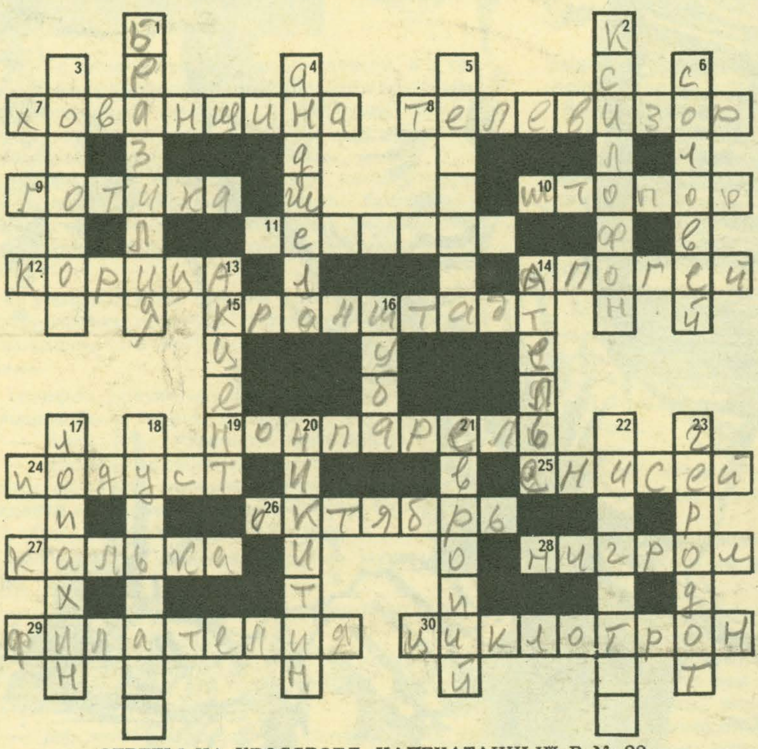
Мы стали прощаться. Захар и Нина сияли от счастья. Я смотрела на них и думала: «Вот оно и пришло, бабье лето, со своим теплом и радостью, когда головы уже поседели, а на лица легли бороздки морщин. Волшебная паутина окутала двух уже немолодых людей, за плечами которых отгремела не одна осенняя гроза».

...Лайнер белой птицей взмыл в небо и, уменьшаясь на наших глазах, скрылся за кромкой леса.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Опера М. П. Мусоргского. 8. Радиотехническое устройство. 9. Художественный стиль средневековья. 10. Фигура высшего пилотажа. 11. Рассказ А. П. Чехова. 12. Пряность. 14. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 15. Город в Ленинградской области. 19. Типографский шрифт. 24. Рыба семейства карповых. 25. Река в Сибири. 26. Месяц года. 27. Прозрачная бумага или ткань, применяемая при черчении. 28. Машинное масло. 29. Коллекционирование марок. 30. Ускоритель заряженных частиц.

По вертикали: 1. Государство в Южной Америке. 2. Ударный музыкальный инструмент. 3. Спортивная игра. 4. Поэма А. С. Пушкина. 5. Травянистое декоративное растение. 6. Певчая птица. 13. Особенность произношения. 14. Мастерская скульптора, художника. 16. Верхняя одежда. 17. Персонаж романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину». 18. Остров в Тирренском море. 20. Русский поэт. 21. Химический элемент. 22. Клапан в подводной части судна. 23. Древнегреческий историк.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 4. Абонемент. 7. Пороша. 8. Сапфир. 9. Полковник. 13. Бартоло. 14. Гальс. 16. Альтаир. 17. Индуктор. 18. Котильон. 19. Шингу. 20. Челюскин. 21. Норвегия. 23. Клеенка. 25. Прима. 26. Нереида. 28. Амплитуда. 31. «Кинжал». 32. Арагац. 33. Мингечаур.

По вертикали: 1. Коралл. 2. «Недоросль». 3. Кессон. 5. Долото. 6. Китель. 9. Простокваша. 10. «Квартеронка». 11. Оранжерея. 12. Гадолиний. 14. Гаршнеп. 15. Секунда. 22. Тимирязев. 24. Неолит. 27. Рюкзак. 29. Поляна. 30. Ураган.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Совет Министров СССР утвердил новый образец паспорта, который будет именоваться «Паспорт гражданина Союза Советских Социалистических Республик». (См. в номере материал «Новый паспорт гражданина СССР».)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Утро в лесу.
Фото А. Губина.
(На фотоконкурс).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 30/VI — 75 г. А 04229. Подп. к печ. 16/VII — 75 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1499. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 803.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

1

Юрий ЗАРАХОВИЧ   Фото Е. УМНОВА

ДЖАЗ

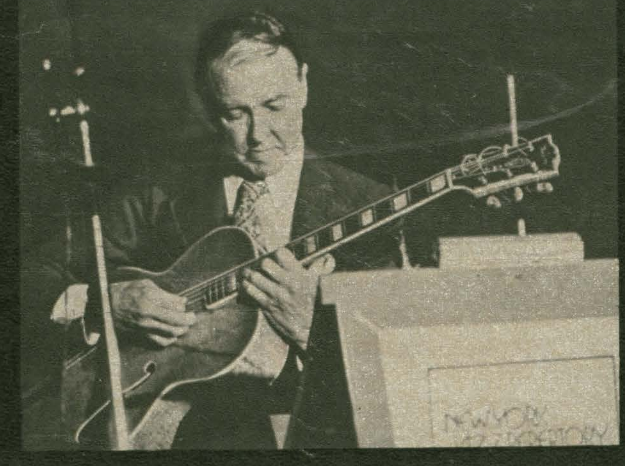
Луи Армстронг называл музыку универсальным языком. «Нота везде звучит одинаково,— говорил он.— Стоит мне поднести инструмент к губам, и все понимают, что я хочу сказать». Слова «короля джаза» как нельзя лучше характеризуют закончившиеся на днях гастроли в СССР ансамбля «Нью-Йорк джаз репертуар компани». В Советский Союз оркестр привез программу, посвященную музыке Луи Армстронга, которому 4 июля этого года исполнилось бы 75 лет.

Дик Хаймэн, композитор, пианист, аранжировщик, руководитель приезжавшей в СССР группы, сказал мне: «Я не знаю русского, а многие люди, которых я здесь встретил, не знают английского. Но когда мы начинаем играть, аудитория отлично понимает нас. А мы отлично понимаем советских музыкантов, когда играют они. В Ярославле, например, местные музыканты пригласили нас послушать орган — мы сразу нашли общий язык. Нас всех очень трогает тепло и дружелюбие, с которым нас встречают, очень трогает отзывчивость аудитории. Это избитая истина, но тем не менее истина: наши культурные контакты способствуют человеческому взаимопониманию в самом широком смысле слова. Они сближают нас».

1. Играет «Нью-Йорк джаз репертуар компани». Руководитель— Дик Хаймэн.
2. В центре — Джим Максвелл.
3. Аплодисменты зала не отпускали со сцены Кэрри Смит, Джо Ньюмена и Бадда Джонсона.
4. Гитарист Арт Райерсон.
5. Певица Кэрри Смит.
6. Солирует Бадд Джонсон.

ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

2



4

6

3

5

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663